

**ИЖАРА
САЙКАКУ
НОВЕЛЛЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ИЖАРА
САЙНАНУ

НОВЕЛЛЫ

Москва
**«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**
1984

難波桃林

狂行

西齋

楚

人至子乃

多

之九人共中

何一也

何一也

浮世狂人子乃

先豫六年分十月十二日

**ИЖАРА
САЙКАКУ**

НОВЕЛЛЫ

*Перевод
с японского
Т. Редько-Добровольской*

И (Яп)
С14

*Составление, комментарии
Т. Редько-Добровольской*

*Оформление художника
Г. Клодта*

*Иллюстрации художников
Ёсиды Хамбэя и Макиэси Гэндзабуро. XVII в.*

С 4703000000-142
028(01)-84 без объявл.

© Художественное оформление.
Издательство «Художественная литература»,
1984 г.

НОВЕЛЛЫ

Сборник
**«ДВАДЦАТЬ НЕПОЧТИТЕЛЬНЫХ
ДЕТЕЙ ЯПОНИИ»**

**ДОБРО И ЗЛО В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ
НЕДОЛГО ХОДЯТ**

Хороших друзей встретишь нечасто, дурных же — сколько угодно.

Жили в Хиросиме два приятеля. Не зная удержу в погоне за развлечениями, они, что ни вечер, садились в лодку и гребли в направлении известного своими веселыми кварталами городка Миядзима, в провинции Аки, покрывая расстояние в пять ри скорее, чем сгорит фитиль длиной в один сун. Настолько были они схожи меж собой и нравом, и обликом, что других таких не только в Хиросиме, но и во всем широком свете не сыщешь. Одного из них звали Биттюя Дзинсити, другого — Канатая Гэнсити. Трудиться они не желали, сидели на шее у родителей,

и только и знали, что пускать по ветру денежки, накопленные отцами за долгие годы. Не мудрено, что дома Биттюя и Канатая, некогда слившие чуть ли не самыми богатыми в тех краях, со временем пришли в упадок, а по прошествии десяти лет и вовсе обнищали.

Незавидная участь выпала отцам этих повес: всю молодость они трудились в поте лица, а па старости лет некому было о них позаботиться. Просыпались они с пустым желудком и спать ложились с пустым желудком. Была у одного из дружков сестра на выданье. Как полагается, мать заблаговременно начала готовить для нее приданое — одежду и всякую домашнюю утварь, только непутевый братец и это прибрал к рукам, продал, а вырученные деньги прокутил. Пришлось бедняжку отправлять в чужой дом в услужение, — нынче не сыщешь чудака, который взял бы в жены девушку без приданого. Глядя, как печется о своей сестре хозяйский сын, бедняжка еще больше обижалась на брата.

Перед новогодним праздником последние остатки бывшего благополучия истаяли, точно лед на солнце, и молодые кутилы окончательно впали в нищету, даже огонь в очаге им теперь нечем было развести. Чтобы как-то поправить положение, в ночь Сэцубун Дзинсити и Гэнсити надвинули на глаза бумажные капюшоны, хотя в темноте их и так никто не узнал бы, и вышли на улицу просить подаяние. Правду говорят: чтобы быть попрошайкой, особой выучки не требуется, но стыда не смыть до самой смерти. Так они ходили от дома к дому и, не щадя горла, всю ночь истошными голосами вопили:

— Счастья вам, хозяева, и долголетия! Прожить вам не меньше девяти тысяч лет, подобно Дунфан Шо, — однако с подающими им не везло: к утру у них оказалось на двоих всего восемнадцать медяков да двести зерен вареной фасоли.

Решив, что так долго не протянешь, они бросили родителей на произвол судьбы, а сами в поисках удачи подались на восток.

В городке Окаяма в провинции Бидзэн у них кончились припасенные на дорогу деньги. Там они и застряли и снова принялись попрошайничать. Однако с виду они мало походили на нищих — белизна их лиц и щеголевато зачесанные волосы внушали подозрение. И вместо подающих на новоявленных попрошаек сыпались грубые окрики:

— Проваливайте отсюда, прочь с дороги!

Теперь, когда кутилы оказались без крова, так горько им было вспоминать безвозвратно ушедшие счастливые дни, так стыдно было своих нищенских одеяний, что они не успевали утирать непрошенные слезы.

Надобно заметить, что в то самое время в провинции Бидзэн в большом почете было Учение сердца, и людские сердца устремились к добродетели. Поскольку сам глава клана оказывал милости тем, кто проявлял верность высшему и почтение к родителям, все становилось на стезю благочестия, и в стране той царил мир и спокойствие.

Потерпев неудачу на поприще нищих, Дзинсити и Гэнсити смекнули, что скорее добьются удачи, если станут следовать законам этой страны, и, подговорив двух немощных стариков, пустились на новую уловку. Дзинсити смастерил тележку, в которой возят калек, усадил в нее семидесятилетнего

старика и, возя тележку по городу, со слезами в голосе причитал:

— Помогите, люди добрые. Сжальтесь над несчастными горемыками. От роду мне двадцать три года, сам я из земли Аки. За какие такие прегрешения мне выпала тяжкая доля, что я не могу прокормить своего батюшку и вынужден покрывать себя позором, прося милостыню?!

Все верили его горю и не скупилась на подаяния. Вскорости риса и медных монет набралось столько, что они уже не умещались в тележке.

Не отставал от своего приятеля и Гэнсити. Посадив на плечи другого старика, он тоже ходил по городу, причитая и прося милостыню. Видя, сколь велико его сыновнее благочестие, люди не оставались безучастными и к его беде.

Через некоторое время Дзинсити и Гэнсити поставили на пустоши бамбуковую ограду и, собрав сухие ветки, построили себе хижины, в которых можно было укрыться от дождя и росы. После ночей, проведенных под открытым небом, житье в этих убогих лачугах казалось им невиданным счастьем. Зачерпнув в глиняный котелок водицы из болота, они ссыпали в пего без разбора все подаяния, собранные за день: и нешелушенный рис, и рис нового урожая, и красный рис, и красную фасоль. Получалось месиво, но они и тому были рады. Была бы, как говорится, плошка да крыша над головой, было бы чем набить жи в о т, — большего они и желать не могли.

Вернувшись домой, Дзинсити то и дело заставлял старика растирать ему спину, а по ночам велел отгонять комаров. Когда же притомившийся за день старик ненароком засыпал, тот, не считаясь с его годами, нещадно пинал его в бок и орал:

— Ух, старый болван, ничего толком сделать не можешь!

— Негоже так обижать старика, — не раз говорил приятелю Гэнсити. — Ведь он тебе названный отец. Лишь благодаря ему ты не помер с голоду. Нельзя забывать добро!

Однако от этих слов Дзинсити приходил в еще большую ярость. С тех пор стоило приятелю попросить у него лучину или какую-нибудь другую мелочь, как он сразу же отвечал отказом.

Но Небо, как известно, судит по справедливости и каждому воздает за добро и зло. Не прошло много времени, как люди отвернулись от Дзинсити, перестали подавать ему милостыню, и он стал бедовать пуще прежнего. Что же до Гэнсити, то ему, напротив, с каждым днем подавали все больше. Теперь в непогожие дни он мог оставаться дома. И так он заботился о своем старике, точно тот был ему родным отцом.

От этого старик из соседней лачуги еще пуще горевал о своей несчастливой доле, еще больше досадовал на Дзинсити. В конце концов он решил откусить себе язык и так свести счеты с жизнью.

А старик этот, да будет вам известно, был вовсе не подлого происхождения, а вел свой род от самураев, известных в провинции Этиго.

— Так уж случилось, что, став ронином, я был вынужден скрываться от людей, и вот теперь, па старости лет, мне приходится влачить жалкое существование, — сказал он однажды Гэнсити, когда Дзинсити не было поблизости. Не сдерживая слез, он продолжал: — С жизнью мне расставаться не жаль, не хочу только стать после смерти добычей собак и волков. Поэтому прошу вас предать прах мой земле.

Гэнсити проникся еще большим состраданием к несчастному старику и молвил в ответ:

— Коли суждено вам будет умереть, я исполню вашу волю. Но пока я здесь, никто не посмеет больше дурно обходиться с вами. Теперь вы можете ни о чем не беспокоиться.

Старик склонил голову и, отирая рукавом слезы, с благодарностью произнес:

— Радостно мне слышать эти слова.

В этот миг перед хижиной появился некий человек, по виду путник. Слуги вели под уздцы его коня и несли паланкин. Он спешил, видно, по какому-то делу. Остановившись, человек этот некоторое время пристально глядел на старика, затем спросил:

— Скажите, почтенный, ваше имя не Хасимото Такуми?

— Неужели это ты, Кинъя? — удивился старик. Видно, крепки были узы, связывавшие отца с сыном.

— Как я счастлив встретить в а с , — воскликнул путник. — После того как мы расстались, я отправился в Бусю в поисках службы и после долгих мытарств наконец поступил в услужение к князю из восточной провинции. Мне полонами жалованье, как и прежде, — пятьсот коку риса. Испросив себе отпуск в пятьдесят дней, я отправился разыскивать вас, отец. Этот срок подходит к концу, и я совсем было отчаялся вас найти. И вот наконец мы все же встретились. Не отвернулось еще, значит, от меня самурайское счастье.

Старик, в свою очередь, поведал сыну о тяготах, какие выпали на его долю за время разлуки. Слушая отца, Кинъя не успевал осушать слезы.

Тем временем вернулся Дзинсити. Увидев незнакомца, он остолбенел от страха. Кинъя же схватил его и гневным голосом произнес:

— Такую бездушную тварь, как ты, не следовало бы оставлять в живых, но я не стану тебя убивать. Однако же знай: тебе не избежать кары за твои злодеяния!

С этими словами Кинъя разнес в щепы хижину Дзинсити. И снова на том месте осталось пустое поле.

— А в а с , — сказал он Гэнсити, — я принимаю к себе на службу.

Затем Кинъя посадил отца и второго старика в паланкин и вместе с ними отправился на восток.

Так и остался Дзинсити ни с чем, если не считать разбитой посуды, черпачка из раковины да старой циновки, которая почти не спасала от утренней росы и вечернего ветра. Вот какая беда постигла Дзинсити! А вскоре пошли повсюду слухи о том, что случилось, и люди изгнали его из тех мест. Теперь ему даже голову приклонить было негде.

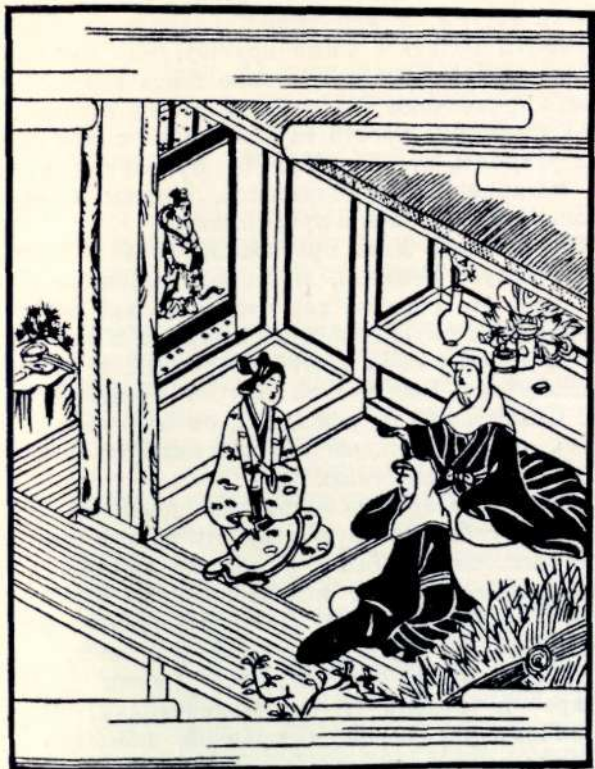
Первый снег застал его у храма Сёсядэра в провинции Харима. Там он и нашел свою погребель — закоченел и умер.

ПРИПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ НА ИЗГОЛОВЬЕ

В последнее время у столичных жителей вошло в обычай, чуть перевалит им за сорок, обривать голову и удаляться на блаженный покой. Впрочем, если

есть деньги, бритая голова не помеха в развлечениях — даже таю в веселых кварталах охотно выходят к таким гостям. А мальчишки-лицедеи и подавно не гнушаются водить с ними дружбу. Что ни говори, передав сыну хозяйство, можно жить без хлопот и волнений; подобное благо ни на что не променяешь. А вот женщины просто глупы, им до самой смерти жаль уступать невестке бразды правления в доме. Как поглядишь да подумаешь, таковы правы не только в столице, но и в провинции.

Жил в уезде Хата провинции Тоса человек по имени Кацуоя Скэхати, мастерил рыбацкие лодки. Дело свое вел с умом, так что не только лодки его выдерживали натиск морских волн, но и сам он мог устоять перед любой житейской бурей, и постепенно разбогател. Был у него сын по прозвищу Скэтаро. Смышленный от рождения, он во всем старался помочь отцу, и каждый его нахваливал, наполняя сердце Скэхати радостью.

Когда Скэтаро исполнилось девятнадцать, он приглядел себе красивую девушку из той же деревни и, поскольку не было в ней на первый взгляд ни малейшего изъяна, вскоре взял ту девушку в жены. Теперь родителям Скэтаро ничто не мешало уйти па покой. Они выстроили для себя позади дома небольшой флигель, все ключи передали Скэтаро и велели двум приказчикам, издавна служившим им верой и правдой, помогать сыну в хозяйственных делах. Это было все равно, что дать черту в руки железную палку, — ведь хозяйство в доме Скэхати и так прочно стояло на ногах.

Глядя на то, как ладно живут меж собою Скэтаро с молодой женой, родители радовались и с нетер-

пением ждали появления внука. Но поскольку невестка была до того молода, что могла бы еще носить фуригодэ, свекровь беспокоилась, как бы слуги при ней не начали лениться да своевольничать, и по несколько раз на дню навевывалась в дом, где жили молодые, с дотошностью вникая во все дела. Зная, сколь требовательна старая госпожа, слуги трудились не покладая рук да еще приговаривали:

— В этом доме и торговля идет полным ходом, потому что у штурвала стоит умелый хозяин, и на кухне порядок, потому что всем распоряжается старая госпожа.

Хотя свекровь находилась уже в почтенном возрасте, она всегда была бодра и приветлива, всякий раз, приходя на кухню, рассказывала челядинцам что-нибудь смешное, поэтому все они любили ее и старались всячески ей угодить.

Казалось бы, лучшей свекрови и желать не надо, но жена Скэтаро невзлюбила старую женщину, завидуя тому, с каким почтением к ней относятся слуги. И вот однажды на рассвете, в ту грустную пору по весне, когда не переставая льют дожди, она сделала на своем конце изголовья такую надпись: *«Я не в силах более сносить постоянной опеки Вашей ма-тушки. Хотя моя любовь к Вам безмерна и я знаю, что любима Вами, нам лучше расстаться. Такая уж нам, видно, выпала судьба в брennom мире»*, — и, пока муж не проснулся, поднялась с постели и, как была, в смятом спальном одеянии выбежала из дома.

Пробудившись ото сна, Скэтаро прочел обращенную к нему надпись и залился слезами — настолько велико было его горе.

Узнав о случившемся, все в доме всполошились и сразу же отрядили людей на поиски беглянки. Как выяснилось, жена Скэтаро нашла себе прибежище в монастыре у подножья горы.

— Я пришла сюда не для того, чтобы принять постриг, — сообщила она встретившим ее монахиням, — а затем лишь, чтобы пожить в монастырском уединении.

Монахини решили, что для этого у женщины должны быть веские причины, и принялись ее расспрашивать. Тут как раз в монастырь явились люди, отряженные на ее поиски, и, узнав, как обстоит дело, попросили настоятельницу взять на себя заботы о женщине. Воротившись домой, они рассказали обо всем хозяевам, и у родителей Скэтаро отлегло от сердца, — ведь невестка как-никак нашлась.

На следующий же день они послали за ней в монастырь слуг, но женщина и не подумала возвращаться.

Истосковавшись по жене, Скэтаро бросил дела и родителей на произвол судьбы, а сам отправился в тот монастырь и стал умолять ее вернуться, — дескать, супружеские узы не прерываются на протяжении целых двух поколений. Однако время шло, а жена по-прежнему не возвращалась домой, и Скэтаро проклинал ни в чем не повинную мать.

Мать же на него не обижалась, а только жалела его, ведь был он ее единственным сыном. И вот однажды, проведя в горестных думах бессонную ночь, старая женщина решила, раз она столь ненавистна невестке, лишит себя жизни, пожертвовать собой ради счастья сына. Приняв такое решение, она сказалась больной, перестала пить и есть и на девятнадцатый день скончалась прежде

отведенного ей срока, истаяла, словно видение брэнного мира.

Скэтаро кончина матери не опечалила, ведь он давно уже ворчал: зажила, мол, старуха на свете, — невестка же и вовсе обрадовалась, сразу же вернулась домой и принялась хозяйничать. Что же до старика отца, то, к счастью для супругов, он был туг на ухо, и они, решив, что старик свое отжил, заперли его в дальней комнате и месяцами не видели.

И вот однажды, когда со смерти матери минуло уже больше года, Скэтаро за какой-то надобностью вытащил то самое изголовье и увидел на нем сделанную рукою матери приписку: *«Так уж устроена жизнь, что невестки, состарившись, превращаются в свекровей. Сколь жестоки бывают порою людские сердца! До чего страшно видеть волка в кротком создании, которое зовется моей невесткой. Однако же, любя сына, я с готовностью расстаюсь с жизнью во имя того, чтобы во веки веков не осыпались цветы его любви к жене».*

Вскоре о том стало известно повсюду, и люди отвернулись от Скэтаро и его жены. Не смея показаться людям на глаза, они перестали выходить из дома и в конце концов покончили жизнь самоубийством, заколов друг друга мечом.

ГОРЕ, ВЫЛЕТЕВШЕЕ ИЗ РУКАВА

Воистину тягостно, когда подозрение падает на человека, чья душа ясна, как безоблачный день. Небу, разумеется, ведомо, где правда, где — ложь,

и справедливость в конце концов торжествует. Но каково тому, кто вынужден страдать понапрасну! Ведь можно сойти в могилу, так и не дождавшись счастливого мига. Что говорить, люди нередко верят наветам и жестоко судят безвинных.

Жил в портовом городе Цуруга провинции Этидзэн некто по прозвищу Эномото Мандзаэмон. Был он крестьянином, а в свободное от полевых работ время еще и приторговывал. В торговле Мандзаэмон знал толк и каждый год выставлял на осенней ярмарке в Цуруге лотки со всевозможными диковинами, кои закупал в Киото. Немало погонщиков и крестьян собиралось поглазеть на них, словно бы то были цветы столичных вишен, распустившиеся здесь среди осени. Был этот человек из тех, кто, как говорится, своего не упустит: подсчитывал все в уме, не сорил понапрасну деньгами, покупателя, хоть какого, умел обвести вокруг пальца. И все же удача обходила его стороной, деньги таяли быстро, и очень скоро он остался ни с чем. Как известно, беда не ходит одна: ни с того ни с сего земля его вдруг перестала родить и за четыре-пять лет превратилась в пустошь. Даже оброк платить ему было нечем, и пришлось распродать все имущество. Но и в этом жалком положении он продолжал строить из себя умника и совал нос в чужие дела. Не мудрено поэтому, что находились люди, которые то и дело впутывали его в свои тяжбы. Дело дошло до того, что родственники, опасаясь лишних хлопот, совсем перестали с ним знаться. А сколько горя жена с ним хлебнула! Жизнь ее превратилась в настоящую муку. Частые огорчения подточили здоровье, и двадцати шести лет от роду она покинула сей бранный мир. Случилось это в конце пятого месяца. Но хуже всего было то, что на руках у

Мандзаэмона остался грудной младенец, сынишка по прозвищу Манноскэ. Все сорок девять дней, пока перед табличкой с именем покойницы стояли цветы и курились благовония, отец просидел не смыкая глаз возле колыбельки с москитной сеткой на изголовье. Особенно тяжело ему приходилось, когда малыш начал плакать. Чего только не делал несчастный отец, чтобы его успокоить: кормил рисовой кашницей со сладкими тянучками, укачивал, положив к себе на колени, — но ребенок не унимался, и казалось, ночи не будет конца. В такие мгновения Мандзаэмон думал, что этому ребенку лучше было бы совсем не родиться, и с тоской вспоминал жену, сетуя на горькую участь вдовца.

Однажды ночью, вне себя от отчаяния, он схватил ребенка и побежал к храму, который стоял на краю поля в половине ри от его дома.

Положив Манноскэ в часовенку у дороги, он собрался было в обратный путь, но в это время младенец расплакался, — видно, озяб на холодном полу. У отца едва сердце не разорвалось от жалости, и он снова взял сына на руки, приговаривая: «Плачь, не плачь, все равно придется мне тебя бросить».

Начало светать. Зачирикали воробьи на крыше и принялись кормить своих птенцов. Глядя на них, Мандзаэмон подумал, что, раз даже птицы так заботятся о своих чадах, ему, рожденному на свет человеком, не пристало держать в голове столь недостойные мысли, — и вместе с Манноскэ воротился домой.

Отметив постом пятидесятый день кончины жены, Мандзаэмон решил обойти близлежащие деревни, чтобы купить рисовых жмыхов и начать торговлю. Он повесил через плечо две корзины, в одну поса-

дил Манноскэ, другая же и без того была тяжела, как будто Мандзаэмон выплакал в нее все свои слезы. Так он вошел в соседнюю деревню. Поселяне сразу же приветили Мандзаэмона, обласкали младенца.

Как раз в это время в просторном саду возле дома старосты чаевничали женщины той деревни. Была среди них вдова, которая вполне годилась в жены Мандзаэмону. Не долго думая, ее просватали за него, а вскоре и свадьба сладилась.

Женщина эта и собой была не хуже других, и нравом мягка. И замуж поторопилась выйти вовсе не потому, что истосковалась в одиночестве, — просто пожалела бедного малютку. Незадолго до этого у нее умер ребенок, в груди оставалось молоко, и она вскормила Манноскэ, заботясь о нем, как родная мать. К тому же она и хозяйкой оказалась отменной, — бывало, вечером наткет полотна, а утром уже спешит его продавать. С нею Мандзаэмон забыл про голод и холод, а со временем они настолько разбогатели, что смогли содержать во множестве слуг и работников.

К тому времени Манноскэ уже исполнилось шестнадцать лет, и он стал носить взрослую прическу, выбравая волосы углом на висках. Вырос парень на славу, и многие завидовали взрачности его лица. Только нрава он был прескверного, всем нечестивцам нечестивец. Дня не проходило, чтобы он не нагрубил отцу, но мачеха неизменно вступалась за него и всякий раз старалась утихомирить мужа. Мандзаэмон же любил жену и ни в чем ей не перечил. Это приводило Манноскэ в бешенство, так что неблагодарный пасынок задумал известить мачеху и выгнать ее из дома.

Однажды он сказал отцу:

— Горько говорить вам об этом, но дольше молчать я не могу, это значило бы погрешить против истины. Та, которую я считал своею матерью, то и дело со мной заигрывает, просто не знаю, куда от стыда деваться, в конце концов это заметят люди и станут тыкать в меня пальцем. — Городя весь этот вздор, паршивец заливался слезами.

Пораженный отец воскликнул:

— Быть того не может!

— Я понимаю, вам трудно поверить, — ответил сын, — но вы можете в этом убедиться сами. Скажите, будто вам надо отлучиться из дома, а сами спрячьтесь в укромном местечке и наблюдайте за нами.

Выпроводив отца, Манноскэ обратился к мачехе:

— Взгляните, в саду уже созревает хурма. Давайте сорвем спелые плоды с верхних веток.

Мачеха согласилась, и они вместе вышли в сад. Тут Манноскэ, улучив удобный момент, зашел в тень дерева и стал дергаться и извиваться, будто его ужалила пчела.

— Поймайте, поймайте же скорее! — крикнул он мачехе.

Та, не чуя подвоха, просунула руку в его левый рукав и принялась искать пчелу.

— Кажется, ничего нет, — молвила женщина, — но боюсь, как бы пчела снова тебя не ужалила. Сними-ка одежду, я как следует погляжу.

Все это видел отец, затаившийся у живой изгороди.

«И впрямь мальчишка не лжет», — подумал он, и в тот же миг всю его любовь словно ветром сдуло.

Ничего не объясняя, он объявил жене, что дает ей развод.

— Не пойму, почему вы так вдруг ко мне переменялись, — убивалась несчастная. — Коли я в чем провинилась перед вами — скажите. Я ничуть не обижусь, ведь мы как-никак не чужие!

Но Мандзаэмон слушать ничего не хотел. И у бедной женщины не было иного выхода, как остричь волосы и искать утешения в монастыре.

Воистину, у дурных вестей быстрые ноги. Как это произошло — неизвестно, только вскорости слухи о зловредном поступке Манноскэ облетели всю округу, и не было в тех местах человека, который не возненавидел бы негодяя. Пришлось ему покинуть родные края и податься в Камигату. Однако не успел он отъехать на семь с половиной ри, как грянул гром небывалой силы. Возница, как ни в чем не бывало, продолжал вести под уздцы его коня и лишь потом, оглянувшись, увидел, что всадника на нем нет. От этого самого возницы и стало известно об удивительном исчезновении нечестивца Манноскэ.

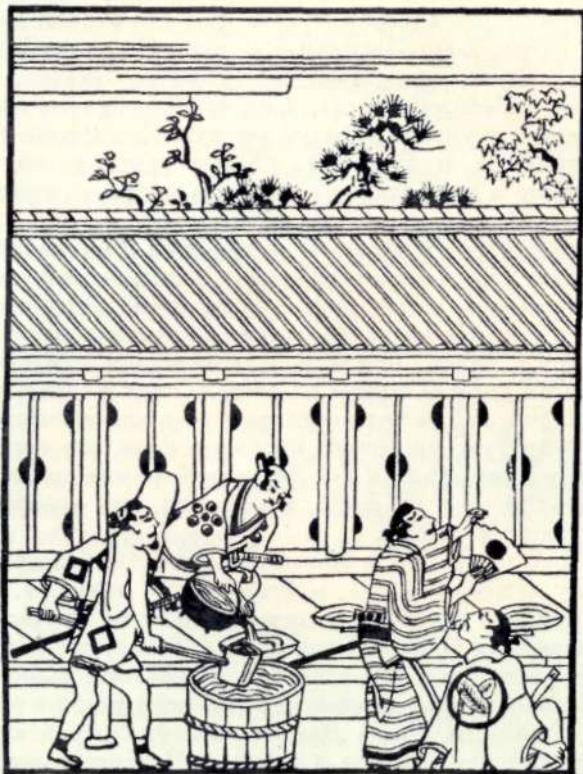
ОБЩЕСТВО ВОСЬМЕРЫХ ПЬЯНИЦ

В портовом городе Нагасаки, где шум волн напоминает веселое постукивание барабанчиков, восемь знаменитых пропойц заключили между собой союз. Выбрав место для своих сборищ в зарослях криптомерий (ведь листья этого дерева служат вывеской любого питейного заведения), они прикатили туда две бочки

сакэ — как сладкого, так и терпкого — и, поклоняясь божеству виноделов Мацуноодаймёдзин, проводили время в безудержном пьянстве. Вот кто входил в этот союз: Дзиндзабуру по кличке «Змей», Каннай «Сютэндодзи», Госкэ по прозвищу «Дунпо из Ямато», Моризмон «Беспробудный», Сихэй «Веселья на троих хватит», Рокуносин «Выдуй мерку», Кюдзаэмон «Необузданный» и Кикубэй «Хризантемовая водка». С первого и до последнего дня года никто не видел их трезвыми.

Всякий раз, приступая к попойке, они напевали мелодию «Тысячекратная осень», которую полагалось бы исполнить напоследок, — даже когда они находились в трезвом рассудке, мысли их были уже на дне сосудов с вином. Пьянство служило для них самым большим удовольствием на свете. Глядя на них, многие из тех, кто любит погулять и не прочь пропустить чарку-другую, настолько им завидовали, что в конце концов примыкали к сей беспутной компании и растранивали свое здоровье, пропивали, как говорится, собственную жизнь.

Жил, например, в Нагасаки некто Дамбэй по прозвищу «Рисовальщик», мастер картин «сима-э». Совсем недавно перебрался он в эти края из Окуры, что в провинции Бидзэн. Родившись в семье, где исстари много пили, он и сам сделался заправским пьяницей, во всяком случае, равных себе он пока еще не встречал. Однажды, когда Дамбэю исполнилось девятнадцать лет, он побывал в столице. Наглядевшись там на состязания лучников у храма Сандзюсанкэндо, он решил устроить подобное состязание по выпивке сакэ, и, надо сказать, преуспел в этом деле не меньше, чем Хосино Кандзаэмон и Васа Дайхати в искусстве стрельбы из лука. Вскоре о нем заговорили как

о самом прославленном пьянице во всей Поднебесной, так что даже из знаменитой винной лавки «Мандариновый цвет» ему пожаловали подарок — вяленых моллюсков в золотой обертке. Тут Дамбэй совсем возгордился, точно лучник, которому вручили золотой жезл, и, решив, что теперь ему пристало жить только в Нагасаки, где, как известно, любителей сакэ больше, чем в любом другом месте, в скором времени туда перебрался и стал торговать винными чарками.

На его беду оказалось, однако, что в тех местах даже самый рядовой выпивоха, который сходит чуть ли не за трезвенника, способен обскакать любого, кто в иных провинциях на пирах слывет генералом. Дамбэй, затесавшись в общество восьмерых пьяниц, пил с ними на протяжении тринадцати дней и тринадцати ночей, по поскольку те были против него настоящими богатырями, он в конце концов изрядно умаялся, однако же все храбрился и сдаваться не хотел.

Тут как раз явилась матушка Дамбэя и принялась его увещевать:

— Прошу тебя, перестань этак напиваться. Отец твой, Даньэмон, тоже не знал удержу по части выпивки и однажды за пирушкой во время игры в го, которая продолжалась всю ночь, повздорил с лекарем-иглоукальвателем Утидзимой Кюбоку. Хотя спор между ними разгорелся из-за сущей безделицы, спьяну они наговорили друг другу много обидного, так что в конце концов схватились за мечи, да и закололи один другого насмерть. В глазах людей они выглядели глупцами и, сойдя в могилу, только покрыли себя позором. Пусть я всего лишь женщина, но и мне это обидно. Вот я и решила и детям своим,

и внукам рассказать о бесславном конце Даньэмона, чтобы они не смели взять в рот ни капли сакэ. И что же? Хотя я и старшая в семье, все получается не так, как я хочу. Мои слова ты пропускаешь мимо ушей и вот стал пропойцей хуже других. Знай, пьянство не доводит до добра. Прошу тебя, остановись, утешь мать на старости лет. Конечно, одним махом с этой привычкой не разделаться. Так и быть, до исхода лета я разрешаю тебе пить понемногу, скажем, три раза днем и три ночью, но за один раз выпивай, уж пожалуйста, не больше пяти мерок.

Дамбэй бросил на мать злобный взгляд и отвечал ей так:

— Вам-то, мамаша, никто не запрещает пить чай. Пора бы вам уразуметь, что сакэ для меня — единственная радость в жизни, ради него мне и помереть не жалко. К слову сказать, когда я помру, тело мое обмойте не водой, а добрым сакэ, и гробом пусть мне послужит бочка из-под вина, что делают в Итами. А похоронить меня прошу на горе с вишневыми деревьями или же в лощине, где растут клены. Когда люди придут полюбоваться на расцветшие по весне вишни или на клены в осеннем багрянце, они наверняка прольют на землю хоть немного сакэ, и оно дойдет до моих косточек. Поймите, мамаша, если я и после смерти не собираюсь расстаться с сакэ, могу ли я отказаться от него при жизни?!

С тех пор Дамбэй стал пить пуще прежнего, не разбирая, ночь стоит на дворе или день. Случалось, что по пять, а то и по семь дней кряду он валялся в постели мертвецки пьяный. Не мудрено, что все остальные дела пошли у него побоку.

Беспрестанно печалась о сыне, матушка Дамбэя занемогла и вскорости скончалась. А Дамбэй даже

в день ее смерти был не в силах подняться с постели. Лишь по прошествии времени, чуточку протрезвев, он спохватился и принялся горевать, да было уже поздно.

КИЧЛИВЫЙ СИЛАЧ

Судья поднял свой веер и стал посередине площадки, огороженной четырьмя столбами. Вслед за ним на помост вышел Маруяма Дзиндаю, борец высшего разряда, нанятый устройтелем состязаний, за ним — борцы Ваканоскэ и Цутаноскэ. Все они стали по левую сторону помоста. С правой стороны заняли свои места их противники — Тобира Татээмон, Сиогама и Сирафудзи. Началось состязание борцов сумо.

По мере того как на помост поднимались прославленные борцы-тяжеловесы, зрителей становилось все больше и больше, а поскольку дело происходило в день праздника знаменитого храма Компира, вскоре народу собралось столько, что между круглыми подушками для сидения даже шила негде было бы воткнуть. Да и кому не охота поглядеть на сноровистых борцов из Камигаты и на деревенских силачей!

После этих состязаний увлечение сумо распространилось по всей провинции Сануки, и многие жители той земли, вплоть до пастухов и живущих в горах сборщиков хвороста, обзавелись набедренными повязками из узорчатого шелка и принялись ломать себе кости, пытаясь освоить все сорок восемь приемов

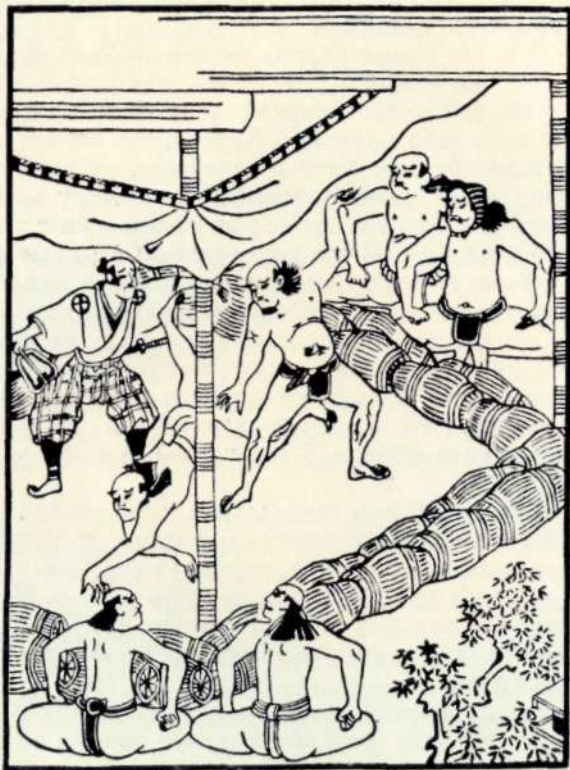
борьбы. Они даже не боялись на всю жизнь остаться калеками, до того велико было их увлечение этим дурацким занятием.

Жил в тех краях парень по имени Сайхэй, который если чем и мог похвастаться, так только своею силой. Не так давно снискал он славу на поприще сумо и взял себе прозвище Араисо, что значит «Неприступный берег». Хотя и доводился он сыном известному в тех краях горожанину, хозяину меняльной конторы «Марукамэя», сумо почитал ни с чем не сравнимым делом. Люди основательные развлечения ради играют на кото или в го, занимаются каллиграфией или рисованием, увлекаются чайной церемонией, игрою в ножной мяч, стрельбою из лука или же пением утаи. Все это вполне пристойные занятия. А что хорошего в развлечении, при котором надобно раздеться догола да еще всякий раз подвергать опасности свое здоровье? Право же, смотреть противно!

— Бросил бы ты, сынок, свое сумо, завел себе хороших товарищей и читал бы с ними, к примеру, Четверокнижие, — не раз говаривал отец Сайхэю, но тот пропускал мудрые сии слова мимо ушей. Между тем, если бы он послушался родителя, тот уже год, а то и два назад передал бы ему хозяйство и поручил вести все дела.

Однажды мать Сайхэя, желая оказаться умнее мужа, потихоньку подозвала к себе сына и сказала ему:

— Нынешней весной тебе исполнится девятнадцать лет. Вот бы ты и поехал в столицу, полюбовался тамошними вишнями в цвету, а заодно и поразвлекся. Мы с отцом для того и копили деньги, чтобы ты мог их теперь тратить. Непременно наведайся

в веселый квартал Симабара и, если захочешь, пере-знакомься со всеми таю. А то поезжай в Осаку, заведи дружбу с тамошними актерами, какой поправится тебе, того и выкупай тотчас же. Или вот еще что: купи себе дом на улице Мицудэра-мати, чтобы было где останавливаться, когда приезжаешь в Осаку. Даже если ты потратишь тысячу, две тысячи рё, большого ущерба нашему состоянию от этого не будет. Словом, во всем можешь положиться на меня.

Сколь ни заманчивы были эти советы, Сайхэй и не подумал им следовать.

— Для меня нет большего удовольствия в жизни, чем с у м о , — отрезал он. И на сей раз Сайхэй не пожелал отказаться от своего пристрастия, — видно, таким уж упрямым уродился. Родители поняли, что никакими уговорами на него не подействуешь, и махнули на все рукой.

Зная об этом, многочисленные приказчики и те осуждали Сайхэя:

— При таких родителях можно было бы кутить в веселых кварталах, сколько душе угодно. Тогда и умереть не жалко. А наш молодой хозяин только и знает, что ломать себе кости.

Теперь, когда родители больше не уговаривали его бросить сумо, Сайхэй стал особенно налегать на мясную пищу и от этого сильно прибавил в весе. Хотя исполнилось ему всего девятнадцать, выглядел он на все тридцать, за короткое время стал просто неузнаваем.

Тут собрались все домочадцы на семейный совет и порешили, что, ежели Сайхэя женить, нрав его может измениться к лучшему. Вскоре нашли ему подходящую невесту и кое-как справили свадьбу. Одна-

ко Сайхэй ни разу не вошел в комнату своей молодой жены. Родители его вконец растерялись и попросили поговорить с сыном кормилицу, которая нянчила его с малолетства.

— Будет обидно, ежели я в цвете лет понапрасну растрочу силы, — отвечал Сайхэй. — Я поклялся богу Хатиману, богине Мариси и богу Фудо, что ни разу не лягу в постель с женщиной. Гореть мне ясным огнем, коли нарушу эту клятву!

Как это ни печально, все оставалось по-прежнему: молодая жена была брошена в одиночестве, точно ненужное украшение, а Сайхэй продолжал спать в своей комнате.

— Нет у меня иных радостей, кроме сумо, — говорил он и упражнялся с еще большим рвением.

Со временем сила и сноровка его умножились, и при одном лишь упоминании об Араисо противники бежали, не чуя под собою ног. Так он стал лучшим борцом сумо на всем Сикоку.

— Теперь вряд ли кто осмелится со мной состязаться, — то и дело бахвалился он. Не удивительно, что все вокруг его возненавидели.

Однажды в соседнем селении в конце тамошнего храмового праздника устроили вечером состязание борцов сумо. Явился туда и Сайхэй. И вот какой-то парень из того селенья, носильщик, таскавший за отшельниками их скарб, решил с ним сразиться. Он без труда поднял Сайхэя в воздух и ловко повалил наземь, так что сам несравненный Араисо с переломанными ребрами рухнул на песок, подобно лодке, выброшенной на скалистый берег. Сайхэя тут же водрузили на носилки и отправили домой. Вот какая беда с ним приключилась.

Чего только ни делал Сайхэй, чтобы исцелиться, все впустую, и он всякий раз срывал злобу на окружающих. Стоило кому-нибудь из домочадцев допустить самую малую оплошность, как он уже набрасывался на него с грубой бранью. А слуг он до того запугал, что те не смели показаться в комнате больного. Теперь родители вынуждены были сами прибираться у него в постели, когда он справлял большую или малую нужду. Казалось, боги и те отвернулись от него. «Родительское наказание» — вот какое прозвище следовало бы ему теперь дать!

**Сборник
«ДОРОЖНАЯ ТУШЕЧНИЦА»**

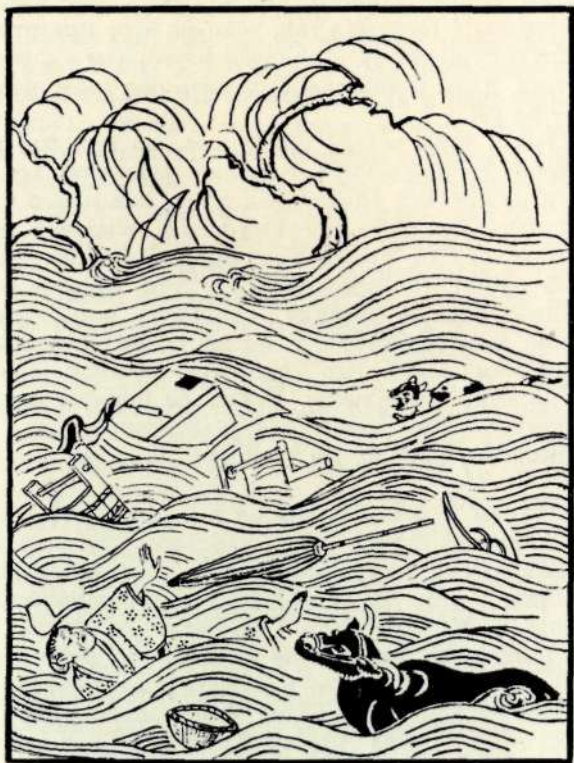

**ЧЕРТОВА ЛАПА, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, НАДЕЛАВШИЙ
МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО**

Случилось одному человеку увидеть, как в полдень увядают цветы выюнка «утренний лик», и он опечалился, подумав о том, что пора его собственного расцвета тоже незаметно миновала. «Легче встретить кончину, когда бредешь по дороге в сумерках и не знаешь, где остановишься на ночлег», — решил он и отправился в паломничество по святым местам.

Людские сердца несхожи меж собой, как цветы на разных деревьях. Даже в столице, где видимо-невидимо народу, не встретишь двух одинаковых людей. А об отдаленных провинциях и говорить нечего. Там различия между людьми еще больше. «Хорошо бы

записать все необыкновенное, что я там увижу. Со временем из этих записей, как из семян, могут вырасти рассказы!» Подумав так, человек этот приготовил дорожную тушечницу и запасся изрядным количеством туши, дабы можно было писать обо всем, что ни придет на ум.

«Луна в небе всегда одинакова, но каждый воспринимает ее по-своему», — любил повторять тот человек и не уставал удивляться тому, как много в нашем изменчивом мире любопытного и забавного. Жил он неподалеку от храма Тодзиин в Китае. Уединенный приют, где проходили его дни, меньше всего напоминал убогую хижину — то было замысловатое строение, крытое бамбуковыми листьями. Звался этот человек Бандзаном. Его тронутые сединой волосы были коротко острижены. Носил он черную накидку, какую обычно носят благочестивые миряне, на мирянина он, однако, не походил, да и на монаха тоже.

По утрам и вечерам бил он в деревянный гонг и читал нараспев сутры, по не для того, чтобы, подражая Сакьямуни или Бодхидхарме, достигнуть просветления, а так, ради собственного удовольствия, как иные распевают утаи. Обычно он обходился простой пищей, но никогда не упускал случая полакомиться рыбой или дичью и съедал их с превеликим удовольствием. После долгих часов молчаливого созерцания он любил проводить время в обществе хорошеньких женщин и вдыхать аромат алоэ, исходящий от их развевающихся рукавов. Однако со временем Бандзан уразумел, что этот аромат, как и запах ладана, исходящий от него самого, только лишней раз напоминает непостоянство и призрачность всего сущего, и отправился странствовать.

Надев короткое дорожное платье и соломенные сандалии, Бандзан зашагал по ухабистым, вымощенным мелким камнем дорогам Киото. Но тут, как на беду, полил сильный дождь, который часто случается в пятом месяце, и тяжелые капли застучали по его дождевой шляпе. Из-за дождя вода в реке Сиракаве поднялась, затопив перекинутый через нее мост и дорогу, по которой ходят со своим товаром в столицу продавщицы угля. Волны в реке вздымались высоко с дом, и пока люди беспокоились, как бы не обвалился берег, прорвало плотину. Жители окрестных деревень били в барабаны, оповещая об опасности, а тем временем по течению, словно огромные плоты, неслись рухнувшие в воду деревья. У Третьего проспекта творилось что-то невообразимое: вода хлынула в храм Тёмёдзи и достигла алтаря. Вот уж когда святому Нитирэну воистину пристало бы сочинить свою молитву о спасении в водной бездне. Как ни пытались монахи сдержатъ стихию, под ее натиском обрушились южные врата, и фигуры обеих стражей врат оказались в воде. Бедняги лишь беспомощно пускали пузыри, и казалось, вот-вот захлебнутся, но спасти их никто не мог. Кончилось тем, что они ударились о край скалы и вдребезги разбились.

В тот самый день, под вечер, человек по имени Дзиндаю, торговец дровами с Седьмого проспекта, вооружившись «медвежьей лапой», вытаскивал из воды принесенные течением деревья и неожиданно поймал отломившуюся руку одного из стражей врат. В простоте душевной он изрядно подивился находке и сказал своему помощнику:

— Не иначе как это лапа самого черта! Сделаю-ка я ее семейной драгоценностью, только ты об этом пока помалкивай.

Он велел помощнику принести из дома небольшой сундук, спрятал в него находку, а воротившись домой, обвязал сундук веревкой «симэ» и поставил в кладовку.

На следующий же день Дзиндаю сам повсюду раззвонил, что, дескать, вытащил из воды лапу самого черта. Поначалу ему не верили, но поскольку торговец слыл человеком правдивым, многие загорелись желанием увидеть чудесную находку и стали его упрямивать:

— Дайте хоть одним глазком взглянуть на чертову лапу. Тогда до скончания века будет о чем рассказать.

Даже среди стариков находились такие, что говорили:

— Я жизни не пожалел бы, только увидеть бы ваше сокровище. Больше нет у меня никаких желаний.

На молодых же и вовсе не было удержу, они прямо-таки осаждали Дзиндаю, позабыв об осторожности. Только у тех, кто побогаче, хватило ума не выказывать желания взглянуть на чертову лапу.

В конце концов набралось одиннадцать доброхотов, отважившихся взглянуть на сокровище Дзиндаю. Прежде чем отправиться к нему, каждый приготовился на свой лад: кто на прощание выпил с женой по чарке сакэ, кто на всякий случай надел кольчугу, а кто прихватил меч, передававшийся в семье от поколения к поколению. Иные сунули за пазуху горсть бобов, с помощью которых в праздник Сэцубун изгоняют из домов нечисть. Иные вооружились палками и дубинками, а кое-кто — даже деревянным копьём. И хотя они дрожали от страха, толпясь у ворот дома Дзиндаю, все равно жаждали

поскорее увидеть чертову лапу. Нынче, как и в старину, немало глупцов!

Но вот наконец наступил вечер — время, которое Дзиндаю счел наиболее подходящим для осмотра его сокровища. Сам он снарядился еще более тщательно, нежели остальные, и, взяв в руку свечу, пригласил всех в кладовку.

— Лапа находится в этом вот сундуке, — объявил он. — Сейчас я открою крышку.

Переглянувшись между собой, все окружили сундук и заглянули вовнутрь. И — о, чудо! — им показалось, будто чертова лапа шевелится. От страха люди едва не лишились рассудка, а те, кто пришел с мечами, вытащили их из ножен да впопыхах и поранили друг друга. Одним словом, дело это для многих добром не кончилось. Но как бы то ни было, весть о случившемся вмиг облетела город, и весь вечер дом Дзиндаю осаждали любопытные, которым не терпелось увидеть чудо.

Однако же утром стало известно о двух стражах врат, унесенных водой из храма Тёмёдзи, и все вокруг потешались над событиями минувшего вечера. А Дзиндаю, который поднял шум из-за сущего пустяка, стали с тех пор звать не иначе как «вторым Ватанабэ-но Цуна».

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ЗНАКОМОМУ ИЗГОЛОВЬЮ

На острове Авадзи, где, как сказано в одном стихотворении, «раздается крик куликов», Бандзану довелось услышать о некоем поистине печальном

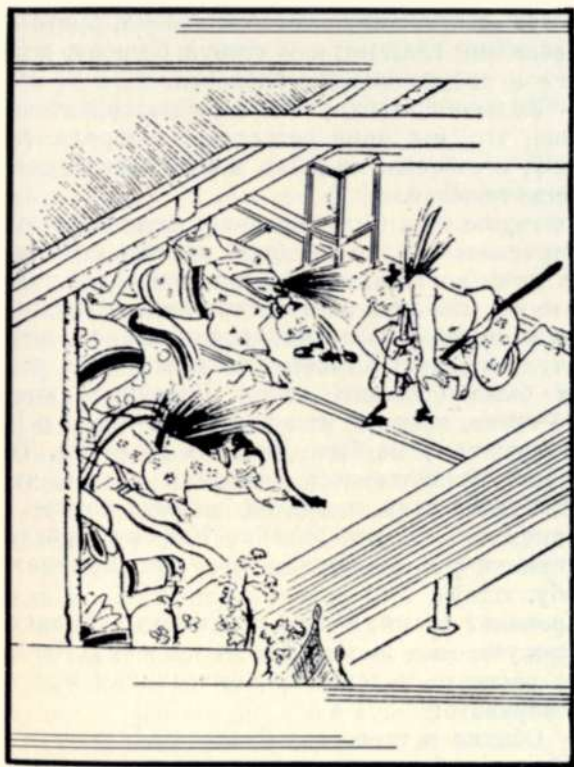
происшествия. Оказался Бандзан в тех краях потому, что корабль, на котором он плыл, сделал остановку в бухте Эдзима, и ему поневоле пришлось дожидаться здесь утра. Мрачное это было место. В какой-то старинной песенке поется о «цветущем Эдзима». И где только привиделись цветы тому, кто сложил эту песню? Несмотря на весеннюю пору, поблизости не найти было ни одного цветущего дерева сакуры, на всем лежала печать уныния, как это бывает в осенние сумерки. «Лишь в бухтах — бедные рыбацьи шалаша...» Подойдя к одному из них, Бандзан увидел, что там собрались местные жительницы и проводят время за чаепитием и разговорами. Как раз в это время одна из женщин, взглянув на которую можно было безошибочно определить, что невестке ее живется несладко, говорила:

— Поспешность никогда не доводит до добра.

В голосе ее было столько значения, что подружки тотчас же принялись упрашивать ее рассказать, какой именно случай имеет она в виду. И вот о чем она им поведала.

Жил в той бухте рыбак по имени Китагиси Кюроку. Каждый год уходил он в восточные моря на лов сардин и тем добывал себе пропитание. Обычно с ним вместе уходило на промысел много его приятелей-рыбаков, но прошлой осенью Кюроку отправился один.

Шло время, а Кюроку все не возвращался. Весточки же о себе он послать не мог, потому что не знал грамоты, вот и выходило, что, сам того не желая, он причинял своим близким немалое беспокойство. К тому же осень в том году выдалась непогожая, и рыбацьи лодки тонули одна за другой.

— Видно, Кюроку нашего уже нет в живых, — сокрушались они.

А тут еще какой-то человек заявил, будто видел собственными глазами, как утонул Кюроку, а вместе с ним еще двести пятьдесят человек.

— Недаром было у нас недоброе предчувствие. Хорошо, что мы дома остались, — говорили друзья Кюроку, и от этого на душе у его близких становилось еще тяжелее.

Но горше всех было, конечно, жене Кюроку, она так страдала, что готова была лишиться себя жизни. Это и понятно, — ведь была она искренне привязана к мужу. Войдя в дом жены зятем, Кюроку жил с нею в полном согласии; родителей ее почитал, так что потерять такого человека для всей ее семьи было большим горем. Наступила зима, за нею — весна, наконец миновал почти год, а о Кюроку по-прежнему не было никаких известий. Теперь ни у кого не оставалось сомнений в том, что он погиб. Считая день, когда он покинул родное селение, днем его смерти, близкие Кюроку пригласили священника и отслужили по нем поминальную службу.

Проходит время, и горе понемногу забывается, — так уж устроена жизнь. Глядя на жену Кюроку в самом расцвете молодости, родственники принялись ее уговаривать:

— Обидно в такие годы оставаться вдовой. Нашла бы ты себе мужа, и родителям твоим было бы спокойнее.

Но та и слышать об этом не хотела. В скором времени намеревалась она отречься от брэнного мира, остричь волосы и провести остаток жизни, возжигая благовония и ставя цветы на божницу в память

о покойном муже. Однако же родственники не отступались.

— Рассуждать так может лишь дочь, забывшая о долге перед родителями, — твердили они и в конце концов уговорили ее снова выйти замуж.

И вот был выбран счастливый день и назначена свадьба.

Вторым ее мужем должен был стать Коисо-но Мокубэй, рыбак из того же селения. И внешним видом и ловкостью превосходил он Кюроку, изъянов за ним никаких не числилось. Готовясь к встрече нового зятя, родители женщины радовались, а родственники прямо-таки не помнили себя от счастья. Хотя новобрачные выросли в захолустье, жених на свадьбу надел, как и положено, хакама, а невеста украсила прическу самшитовым гребнем. Только новобрачные приступили к троекратному обмену чарками сакэ, как в дощатую дверь их невзрачного жилища полетели камешки, — подобный обычай существует повсюду и объясняется, видимо, завистью к счастливым жениху и невесте. С наступлением ночи, однако, шум утих, новобрачные улеглись в постель и сдвинули изголовья. Тут женщина как-то само собой забыла прежнего мужа и, воспылав любовью к Мокубэю, вся отдалась новому чувству.

Утомившись за вечер, все в доме крепко спали. Наступило утро, но дверь все еще оставалась на запоре. Тут-то как раз и вернулся из дальних краев Кюроку. Войдя в дом на правах хозяина, он поспешил взглянуть на жену, по которой стосковался в разлуке. Сквозь оконце, выходящее на юг, уже пробивались солнечные лучи, и Кюроку увидел, что изголовье у жениной постели небрежно сдвинуто. Рассыпавшиеся по нему волосы показались Кюроку

еще прекрасней, чем прежде. «Пригожее моей жены нет женщины в нашем селении», — с гордостью подумал он и пристроился в постели рядышком с нею. Женщина тотчас же проснулась и, вскрикнув от неожиданности, залилась слезами. Тут из-под одеяла показалась голова вконец растерявшегося Мокубэя.

— Что все это значит? — вскричал Кюроку вне себя от ярости.

Женщина стала объяснять, так, мол, и так, но Кюроку не пожелал слушать никаких оправданий. Вот что значит злой рок! В особенности же обидно было Кюроку то, что из всех людей жена его выбрала именно Мокубэя, с которым они давно уже враждовали! В тот же миг в голове Кюроку созрело решение, но прежде чем его осуществить, он рассказал жене о тех тяготах, которые ему привелось испытать, когда лодку его отнесло к берегам Осю. После этого он взял нож, убил сначала жену, потом Мокубэя, а напоследок себя самого. Для жителя захолустного рыбацкого поселка это был поистине удивительный поступок!

ЧУДЕСНЫЕ ЗВУКИ БАРАБАНЧИКА, ЗАВЛЕКШИЕ СТРАННИКА

Как ни хотелось Бандзану подольше остаться в Киёмигате, с первыми рассветными ударами колокола он пробудился от сна, покинул свой ночлег и снова отправился в путь.

Холодный ветер раскачивал сосны на мысу Михо. Бандзан вышел к заливу Таго и по левую руку от

себя увидел угрюмо высившуюся гору Сатта. Оттуда доносился унылый крик обезьян. С побережья вспорхнула стая куликов, и от этого окрестный вид сделался еще более печальным. Шагая по песчаному берегу, Бандзан смотрел, как в рыбачьих деревушках поднимается легкий дымок от котлов, где выпаривают соль. Белые облака укрывали от взора Фудзи, и давнее намерение Бандзана посвятить этой знаменитой горе какое-нибудь стихотворение так и осталось втуне. Путь Бандзана лежал через Юи и Камбару, а места эти славятся тем, что там вылавливают диковинную рыбу, которая зовется ягара. Дабы разогнать сон, Бандзан закурил трубку и, миновав местечко Мацубара, открытое всем ветрам, сел в лодку и переправился на другой берег реки Фудзикава. Из Укисимагахары ему пришлось идти по выжженному полю, через кусты мисканта. Тут взору его открылась гора Асигара. С тех пор как с дорожным посохом в руке Бандзан отправился в странствие, подобной красоты ему не приходилось видеть, все вокруг радовало глаз.

Здесь, на горе, кусты бадьяна были осыпаны плодами, цвели камелии, а засохшие листья плюща казались еще более зелеными, чем осенью, — они скрашивали неприглядность скал. Вершина горы была убелена инеем, как старец сединами. На пути то и дело попадались дубовые пни, — видно, здесь жгли уголь, но печей нигде уже не было. Пробираясь сквозь заросли покрытого инеем низкорослого бамбука, Бандзан замочил рукава платья. «Хоть бы поскорее выглянуло солнце!» — подумал он, но рассвет почему-то не наступал.

Неожиданно дорога пошла под уклон, и Бандзан вышел к какой-то пещере. Тут ему послышался стук

барабанчика, едва различимый из-за плеска волн в озере неподалеку. «С чего бы это в горной глуши играли на барабане?» — удивился Бандзан, стал прислушиваться, и почудилось ему, будто в пещере и правда кто-то есть. В тот же миг он заметил, как мелькнули рукава из тонкого алого шелка, а ветер донес до него аромат курящихся благовоний. Бандзана вдруг стало клонить ко сну. Притаившись за криптомерией, он заглянул в пещеру и увидел редкостной красоты девочку. Ей было лет тринадцать на вид, во всяком случае, она уже вышла из той поры, когда деревенские дети носят прически агэмаки и фуривакэ. «Странно, — подумал Бандзан, — что девочка живет здесь одна, вдали от людей». Девочка тоже заметила Бандзана, однако не заговорила с ним и даже не улыбнулась. «Уж не изображена ли она на картине?» — засомневался было Бандзан, но после некоторого колебания все же приблизился и, точно во сне, спросил:

— Как ты здесь оказалась?

И вот что он услышал в ответ:

— Я прихожусь дочерью человеку по имени Тёдзо, виноторговцу из города Футю, что в Суруге. Когда мне исполнилось девять, матушка моя умерла, но не прошло и пяти лет, как отец снова женился. Так уж повелось на свете, что мачехи редко благоволят к падчерицам. Меня же моя мачеха люто возненавидела. И все-таки я искренне старалась ей угодить, точно родной матери. В ту пору, когда миновала моя тринадцатая весна, у мачехи появился возлюбленный. Спустя некоторое время люди узнали об этом и стали ее осуждать. Тогда мачеха решила свалить вину на меня и как-то сказала отцу, будто возлюбленный ходит ко мне. «Да ведь это

невиданное распутство!» — вскричал отец и учинил мне допрос. «Если рассказать все, как е с т ь, — подумала я, — мало того, что за мачехой утвердится дурная слава, так еще и слуга, который был посредником в ее любовных делах, подвергнется смертной казни, я же прослышу неблагодарной дочерью. Уж лучше я поступлю так, как подобает дочери, верной своему долгу перед родителями, — пожертвую собой и спасу других». В тот же вечер я оставила письмо, в котором сознавалась в мнимом своем прегрешении, тайком выскользнула из дома и нашла прибежище в этих горах. Пять дней я не брала в рот даже капли воды, только читала по памяти сутры да возносила молитвы. А на шестой день я слегла и уже не могла подняться. «Вот и наступил мой конец», — подумала я, но вдруг произошло чудо — с неба на меня повеяло благовонием, а в рот потекли капельки росы. В тот же миг я почувствовала, что оживаю, и силы вернулись ко мне. После этого с неба спустилось чудесное дитя и стало играть со мной. Тело мое сделалось невесомым, я перестала ощущать жажду, и голод, и холод. Когда зацветают азалии, я знаю, что наступила весна, начинают осыпаться каштаны — для меня это знак, что пришла осень. Вот уже тридцать лет, как я живу в этих горах. На меня снизошла божественная сила, и благодаря ей я знаю обо всем, что происходит в моем родном селении. Известно мне, например, что семнадцать лет тому назад мачеха моя умерла. Потому я и решила упомянуть о ней. Говорят, что Небо милосердно, — интересно, кто это сказал? Сама не знаю, почему мне вздумалось рассказать обо всем этом вам, паломнику, по воле случая забредшему сюда.

Рассказ девочки был поистине удивительным. Казалось бы, Бандзан внимал ему совсем недолго, а в мире людей между тем прошло целых три дня.

На возвратном пути Бандзан решил снова заглянуть в Футю и остановился там на ночлег, а утром рассказал хозяину постоялого двора историю, которую поведала ему девочка. Тот всплеснул руками:

— Человека по имени Тёдзо давно уже нет на свете, и из родни его теперь вряд ли кто жив. Да, это и впрямь удивительная история. Проводите меня к тому месту в горах.

Бандзан взял с собой хозяина постоялого двора, а с ним еще двух или трех человек и снова отправился к той пещере. Но там обнаружили они лишь барабанчик да платье из тонкого шелка. Самой же девочки и след простыл.

КОМУ ВЕСЕЛАЯ СВАДЬБА, А КОМУ — РЕКА СЛЕЗ

Случилось однажды Бандзану остановиться на ночлег в городке Ямада провинции Исэ. Не успел он заснуть, как его разбудил страшный грохот, — казалось, рухнул Небесный грот. А дело было вот в чем. Один из домов поблизости окружила целая толпа и принялась осыпать его камешками, собранными на берегу реки Исудзугава.

Проснувшись, Бандзан спросил у хозяина постоялого двора, что случилось, и тот ответил, что по соседству справляют свадьбу.

— С тех пор как боги-прародители вступили в брачный союз, — сказал он, — вошло в обычай вот

так лупить камнями в дом новобрачных. Видно, зависть не дает людям покоя.

Бандзан и хозяин от души рассмеялись.

На следующее утро Бандзан покинул те края и отправился на восток, а на возвратном пути снова заночевал на том же постоялом дворе.

— Даже над последним дураком и то шутить не годится, — сказал, встретив Бандзана, хозяин и поведал ему такую историю.

Когда Бандзан здесь был в первый раз, свадьбу справлял некто по имени Мацудзакэ Сэйдзо, живший на улице Накадзэко в Ямаде. Он знал толк лишь в торговле, во всем же остальном был доверчив до глупости.

Как-то вечером любители распевать утаи собрались на очередное занятие. Кроме учителя пения Буэмона, были среди них Хикодзаэмон, Токусукэ, Мацудзэмон, Синскэ и еще многие, все приятели Сэйдзо.

— Нынче Сэйдзо наверняка снова опоздает, — заметил один из них.

— Уж это точно, — подхватил Хикодзаэмон. — С тех пор как Сэйдзо женился этой весной, он совсем не выходит из дома, разве что только по делу. Даже днем знай себе валяется в постели. Много странного случается в мире, но даже самому ничемному богу Удзигами не могло прийти в голову, что Сэйдзо с его страхолюдной внешностью достанется в жены такая красавица. Это бы еще ладно, куда противнее другое. Захожу я к ним позавчера, а они среди бела дня нежатся себе подле котацу. Увидели меня, натянули на себя одеяло и притворились, будто спят. Разве люди порядочные так поступают?

Все, конечно же, согласились с Хикодзаэмоном, а кто-то сказал:

— Вообще-то я не завистлив, но как подумаешь, какую красавицу отхватил себе в жены Сэйдзо, так прямо зло берет. Давайте-ка сделаем так, чтобы Сэйдзо расстался с женой.

Не успел он это произнести, как явился Сэйдзо.

Поговорили для начала о том о сем, а после Мацуэмон, один из друзей Сэйдзо, с умным видом повел такую речь:

— В минуты опасности друзья всегда приходят на помощь друг другу. Вот я и хочу кое-что рассказать тебе о твоей молодой жене, хотя, поверь, мне это нелегко. Что и говорить, все вокруг только и толкуют что о ее красоте, да и ведет она себя так, что не придерешься. Но, спрашивается, почему в таком случае, кроме тебя, не нашлось охотников жениться на ней? На то, оказывается, есть причина, и немаловажная, только мало кто о ней знает. Дело в том, что жена твоя страдает падучей болезнью, и с наступлением холодов у нее наверняка начнутся припадки. А это грозит тебе гибелью. Все мы любим тебя и не можем не испытывать тревоги.

Пораженный до глубины души, Сэйдзо воскликнул:

— А что же это за болезнь такая?

— О, женщина, страдающая этой болезнью, способна на любое безрассудство. Она может, например, раздеться догола и среди бела дня выбежать на улицу. Болтать, что не положено. Бить посуду и прочую домашнюю утварь, бросаться ни с того ни с сего с кулаками на прислугу. Резать и рвать на куски татами. Мало того, она может вцепиться зубами тебе в горло.

Еще много разных небылиц наплел Мацуэмон. Сэйдзо, слушая его, менялся в лице и, простонав:

«О, боги!» — на некоторое время замолк. Потом, словно очнувшись, вздохнул:

— Да, тут уж ничего не поделаешь...

Было ясно, что слова Мацуэмона он принял за чистую монету.

— Что же, спасибо за предупреждение. Холода вот-вот начнутся, так что можно считать, что я спасся от верной гибели, — сказал Сэйдзо на прощание и отправился домой.

Не успел он закрыть за собой дверь, как друзья разразились веселым хохотом. В тот вечер они не стали петь утай и провели время за разговорами.

Что же до Сэйдзо, то, воротившись домой, он призвал к себе жену и, сказав ей:

— С сегодняшнего дня можешь считать, что у тебя нет мужа. Немедленно отправляйся к родителям! — тут же набросал разводную бумагу.

Жена залилась слезами и взмолилась:

— Объясните, что произошло? Неужели кто-нибудь оговорил меня?

— Нечего нюни распускать! Слезами меня не разжалобить! — отрубил Сэйдзо и прогнал несчастную из дома. Как ни обидно ей было, пришлось смириться, такова уж женская доля. И бедняжка вернулась в родительский дом.

Узнав о случившемся, родители воскликнули:

— Вот уж странно так странно! Вы так ладно жили между собой, что люди ставили вас другим в пример, и вот на тебе! Наверняка ты в чем-то провинилась перед мужем, скверная девчонка!

Они заперли дочь в дальней комнате. А сами призвали свата Ситиэмона и рассказали ему, как было дело.

— Ушам своим не верю! — вскричал с в а т . — Если бы ваша дочь чем-нибудь не угодила Сэйдзо, он на-верняка рассказал бы об этом мне. Схожу-ка к нему, узнаю, в чем дело.

Едва завидев свата, Сэйдзо с обидой закричал:

— Не ожидал я от вас, Ситиэмон-доно, ничего подобного. Вот уж, право, удружил так удружил, сосватал мне жену с этакой болезнью!

— О какой болезни вы говорите? Впервые об этом слышу. Объясните же наконец, в чем дело.

Тут Сэйдзо рассказал свату, что накануне узнал от друзей, и напоследок добавил:

— Вот какие дела, Ситиэмон-доно. А холода уже не за горами. Вряд ли люди врут.

— Да мне и во сне не могло такое присниться, — ответил сват и, озадаченный, удалился.

Как только наступили холода, отвергнутая Сэйдзо жена принарядилась и вместе с матерью вышла из дома, чтобы посетить каждого из пяти его товарищей, столь жестоко ее оговоривших. В кимоно модной расцветки, подол которого изящно отгибался при каждом шаге, молодая женщина казалась еще прелестней, чем обычно, все на нее так и заглядывались.

Каждому из друзей Сэйдзо она говорила:

— Холода наступили, а я, как видите, совершенно здорова. Даже простуда и та обходит меня стороной.

Напоследок она явилась к своему бывшему мужу и, сказав ему:

— Ничего худого со мною не приключилось, можете сами убедиться! — тотчас же удалилась.

Только теперь Сэйдзо понял, что друзья нарочно все это наплели, чтобы разлучить его с любимой

женой. А тут еще, как назло, все знакомые не переставали удивляться:

— Почему вы расстались со своей красавицей женой? И добрая она, и приветливая. Да такие женщины встречаются одна на тысячу.

Они жалели Сэйдзо, как будто он лишился всего своего состояния. А кое-кто добавлял:

— Говорят, она снова собирается замуж. Счастливчик тот, кому достанется такое сокровище. — При этих словах сердце у Сэйдзо готово было разорваться от боли.

Между тем близился новогодний праздник, однако Сэйдзо не стал приводить в порядок свои дела, решив, что теперь это ни к чему, ведь встречать Новый год ему было не с кем. Жизнь окончательно ему опротивела, и с утра до вечера он только и знал, что повторять: «Вот жалость-то, вот досада!»

Перед праздником он не сделал себе щегольской прически, не заказал новое нарядное кимоно, не стал украшать горку Хорай, не купил лангустов, не поставил у ворот украшение из сосны и бамбука. «Зачем, если рядом нет жены?» И Сэйдзо решил вовсе не вставать с постели.

В первый день Нового года ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. Когда перед домом Сэйдзо послышались голоса пришедших поздравить его с праздником, он натянул на себя одеяло и приказал слуге:

— Ступай скажи им, что я маюсь животом и не встаю.

Как раз в это время мимо его дома проходила свадебная процессия. Взрослые задорно выкрикивали: «Окатить жениха! Окатить жениха!» Им вторили ребяташки.

Сэйдзо вскочил с постели и выглянул на улицу.

— О, никак, это Магоскэ из нижней части города, — воскликнул он. — На ком же он женится?

— Еще в начале зимы они с невестой обменялись свадебными подарками, — отвечал слуга Тароскэ. — А женится он на вашей бывшей супруге.

Тут Сэйдзо не выдержал и с возгласом: «О, наказание!» — бросился к себе в комнату.

После этого ничто уже не влекло Сэйдзо к суетному миру, и он влачил безрадостные дни. И вот однажды он решил убить пятерых своих приятелей, обманом заставивших его расстаться с женой, равной которой не найти на свете, а затем и самому свести счеты с жизнью. Отперев сундук, он вытащил оттуда короткий меч и, как был, с растрепанными волосами, которые в последний раз причесывал дней за десять до Нового года, помчался к Хикодзаэмону.

В доме Хикодзаэмона новогодний праздник шел полным ходом. Все домочадцы выглядели помолодевшими в нарядных кимоно. Перед домом были развешаны симэ, обещая его обитателям не меньше тысячи лет счастливой жизни. В руках у всех были чарки с сакэ.

— Где Хикодзаэмон? — вскричал Сэйдзо, ворвавшись в дом.

— Он отправился к знакомым с новогодними поздравлениями, — ответили ему.

— Имейте в виду, — не унимался Сэйдзо, — если он прячется от меня где-то в доме, ему несдобровать! Я все переверну вверх дном! — Сэйдзо выхватил меч из ножен и принялся носиться по дому, заглядывая в каждый угол. Испуганные ребятишки выскочили на улицу, забеспокоились люди в соседних домах.

— Что там стряслось? И это в новогодний праздник! — возмутились соседи, спеша запереть двери.

Поскольку Хикодзаэмона и вправду дома не оказалось, Сэйдзо помчался к Мацуэмону, затем к Токускэ, но никого не застал — все ушли в гости с новогодними поздравлениями. Пока же Сэйдзо перебежал от дома к дому, размахивая обнаженным мечом, встречавшиеся ему по дороге люди холодели от страха.

— Слыханное ли дело устраивать в праздник такое бесчинство?! — негодовали о н и . — Да это же настоящий разбой. Уймите негодяя!

Многие, завидев его, бросались наутек, опрокидывая впопыхах выставленные у ворот украшения из сосны и бамбука.

Наконец Сэйдзо прибежал к учителю пения Буэмону. Тот оказался дома, и хотя Сэйдзо немало напугал его своим видом, учитель сказал:

— Прежде всего успокойтесь. Я помогу вам исполнить ваше желание.

Из уважения к учителю Сэйдзо несколько утихомирился. Буэмон же тем временем позвал старейшину улицы, на которой жил Сэйдзо. Тот попытался было урезонить Сэйдзо, но Сэйдзо и слушать его не стал. Тогда Буэмон призвал на помощь настоятеля храма, к которому был приписан Сэйдзо, а также врача Сюнтоку и старейшин всех четырех районов города, и им в конце концов удалось уговорить Сэйдзо оставить мысль о мщении.

— Л а д н о , — согласился С э й д з о . — Я так и быть не стану их убивать, но в отместку разлучу их с женами.

На том и порешили.

Сэйдзо сразу же приступил к осуществлению задуманного. Являясь в дом каждого из своих бывших приятелей, он собственноручно складывал вещи их жен и одну за другой отправлял к родителям. У некоторых из них был полон дом ребятшек, и они безмерно

горевали, вынужденные ни с того ни с сего разлучаться с мужьями. Жене Буэмона минул уже шестьдесят один год, но даже ее Сэйдзо не пощадил.

— Мы с мужем прожили сорок три года, — сетовала старушка. — До чего же злая судьба выпала нам, раз приходится на старости лет расставаться. — Ей в самом деле было от чего горевать.

Как бы то ни было, никому не простительно злословить и чернить людей!

ДРАКОНОВ ОГОНЬ, ЧТО ЗАСИЯЛ ВО СНЕ

До чего же красивая радуга! Кажется, будто по ней, словно по изогнутому мосту, только что спустился сюда храм Кимиидэра. Здешние места так хороши в вечерний час, что могут сравниться лишь с живописными окрестностями озера Бива в Ооми, перед ними меркнет даже величественная красота горы Хиэйдзан. Осенний ветер играет буйно растущими на побережье белыми хризантемами, которые напоминают мириады звезд, отражающихся в море. Здесь, в бухте Ваканоура, стоит тысячелетняя сосна, на которой, говорят, некогда ночевала звезда Ткачиха.

Рассказывают, будто каждый год в ночь на десятое число седьмого месяца на этой сосне ярко загорается драконов огонь. Всякий раз сюда приводят девушек, столь же прекрасных, как дева из храма Тамацусима; и высокородные, и простолюдины катаются в лодках, совершают возлияния и распевают песни. Некоторые, перебирая струны бивы, с гордостью любуются окрестными видами, ибо до них

далеко даже красотам реки Сюньянцзян, которые, поглаживая бородку, воспевал Бо Лэтянь.

По мере того как сгущаются сумерки и на море поднимаются волны, людьми все сильнее овладевает нетерпение. Они не замечают даже взошедшей в чистом небе луны.

— Вот-вот зажжется драконов огонь. Только бы его увидеть, вот уж после будет о чем рассказывать! — переговариваются между собой люди и с таким напряжением всматриваются в даль, что у них начинает ныть тело, а глаза щиплет от соленого ветра. С давних времен известно, что не каждому дано увидеть драконов огонь. Лишь тот, в ком крепка вера, кто хулу не возводит на ближнего и попусту не гневается, словом, тот, кого можно назвать живым Буддой, способен увидеть это дивное сияние, да и то если повезет.

Не успел Бандзан услышать об этом от кого-то из стоявших поблизости, как сквозь толпу стал бесцеремонно проталкиваться какой-то человек. Перебирая четки на длинном шнуре, он воскликнул:

— Смотрите скорее, вот он, драконов огонь! — и, прикрыв глаза, опустил голову.

Вслед за ним многие в толпе загомонили:

— И я вижу! И мне повезло! Разве не значит это, что ни разу в жизни я ни на кого не возвел хулу? — Наморщив лбы, люди всматривались в то место на берегу, где мерцали рыбачьи огни, как видно, решив, что это и есть драконов огонь. Таких людей на каждый десяток приходилось по семь, а то и по восемь.

И только двое или трое, смущенно почесав в затылках, говорили:

— Видно, мы безнадежно погрязли в грехе. Уж все глаза проглядели, а все равно ничего не видать.

И это была чистая правда!

Бандзан понял, что этак и ему вряд ли удастся увидеть драконов огонь, и решил провести ночь в храме Каннондо. Для начала он почитал «Сутру о деяниях всемилостивой богини Каннон», а потом незаметно задремал.

И привиделось ему, будто предрассветное небо затянулось пурпурными облаками, ветер на море стих, на волнах появилось золотое сияние, вскипели брызги, зазвучала чарующая музыка.

Не успел Бандзан надивиться на все эти чудеса, как из воды вышло несколько десятков отроков с волосами, разделенными на две пряди и завязанными кольцами на ушах, неся на вытянутых вверх руках огромный лазурный светильник. Вслед за ними появилось множество каких-то существ в драгоценных шлемах, по виду напоминающих моллюсков, только сверху из этих шлемов торчали рыбы хвосты и плавники. Сыграв мелодию на духовых и струнных инструментах, они повесили лазурный светильник на сосну, а затем прямо в воде упали на колени и склонили головы в сторону храма.

В этот миг дверцы священного ковчега в храме сами собой распахнулись, и явился бессмертный дух Будды. Подняв кверху цветок лотоса, он молвил: «Хвалю вас, рыбы», — и, трижды кивнув, скрылся в ковчеге. Вслед за ним исчезли в волнах и все жители морского царства.

Как раз в это время зазвонили утренние колокола, и Бандзан проснулся. От радости, что он сподобился узреть дивное видение, из глаз его полились слезы.

Как тут было не посмеяться над теми, кто накануне разыгрывал из себя великих праведников?!

МОГИЛА В ОЧАРОВАННОМ ЛЕСУ

Решив передохнуть, Бандзан остановился в окрестностях одной из деревень Осуми и в ожидании вечерней прохлады расположился подле болотца. Глядя на подернутую рябью его поверхность, трудно было поверить, что наступило лето. Из ближнего леса, называемого «Очарованный» и такого густого, что его вполне можно было принять за лес Тадасу в столице, послышался крик кукушки, обычный для этого времени года. Неожиданно начался ливень, и хотя страннику не пристало сетовать на непогоду, настроение у Бандзана испортилось. Добравшись до деревни, он постучался в первый попавшийся дом и, рассказав, кто он и откуда, попросил пустить его на ночлег. Однако уснуть в ту ночь ему не удалось.

Дело было накануне праздника, что отмечают в пятый день пятой луны, и люди в этой захолустной деревушке готовились к нему столь же рьяно, как и столичные жители. Деревенские молодцы с выбритыми лбами и зачесанными назад боковыми прядями зажигали факелы. Облачившись в катагину, старики читали молитвы перед домашними божницами. А на тех, кто возглашал имя Будды по обычаю, принятому в храме Хигаси-Хонгандзи, и вовсе было приятно посмотреть. Женщины заворачивали в дубовые листья рисовые лепешки, — видно, это лакомство заменяет здешним жителям то, что в Камигате зовется «тимаки». Здесь Бандзану довелось впервые попробовать местный чай, который заваривают особым способом, укладывая чайный лист в маленькие корзиночки, приложенные к чайнику, и который подают в тяжелых чашках из Исэ. Воистину широко разлилась милость государя, и нигде в нашей стране нет прибежища де-

монам. «Хорошо бы по возвращении рассказать друзьям обо всем, что я здесь повидал», — подумал Бандзан.

Намереваясь завтра же спозаранку снова отправиться в путь, Бандзан разложил сандалии свои и обмотки возле очага и, дожидаясь, пока они просохнут, принялся беседовать с хозяином. Вдруг откуда-то по соседству донесся пронзительный крик. «Похоже, что кричит совсем юная девушка. С чего бы это?» — спросил Бандзан, и хозяин рассказал ему следующее.

Девушка эта до недавних пор находилась в услужении у супруги одного знатного господина из здешней провинции. Имя ему было, кажется, Вада Таросити. На службу она поступила лет одиннадцати, не то двенадцати и пробыла в его доме года четыре. За это время госпожа очень к ней привязалась, но тут, на беду, у девушки помутился разум, и поскольку она не могла более справляться со своими обязанностями, ее отослали обратно к родителям. Глядя на свою единственную дочь, которая при жизни мается, точно в аду, родители не переставали сокрушаться и беспрестанно обращались к помощи целителей и заклинателей, однако все их усилия вернуть девушке разум оказывались тщетными. Но вот однажды к больной пригласили известного священника, который проживал в семнадцати ри от этого места. Тот сотворил молитву, да настолько действенную, что дух, вселившийся в девушку, сразу же обнаружил себя и заговорил:

— Я — дух кошки, которая находилась в услужении в том же доме, что и эта девушка. Пользуясь особой благосклонностью старой госпожи, я платила ей глубокой почтительностью. Бывало, сидя подле хозяйки, когда она трапезничала, я не осмеливалась даже поднять на нее глаз. Но она и без того все понимала

и всякий раз угощала меня остатками окуня, которого ей подавали, да еще гладила меня по голове, приговаривая: «Тигренок, милый мой тигренок». Когда в доме готовили рыбу, а я спала где-нибудь на крыше или в углу кладовки, хозяйка непременно меня разыскивала и потчевала. Как было мне не радоваться, видя подобное обхождение?

Но вот однажды дочь старой госпожи благополучно разрешилась от бремени, и она отправилась ее навестить, я же осталась одна в ее комнате. Весь день и всю ночь пролежала я на ее ночном халате, но хозяйка все не возвращалась, и у меня стало подводить живот от голода. Делать нечего, пришлось мне отправиться на кухню, но там в раковине аваби, в которой я всегда получала еду, оказались лишь засохшие остатки риса — и никому в доме до этого не было дела. «Это уже слишком!» — подумала я и, взобравшись на полку для посуды, стала принюхиваться, нет ли поблизости чего съестного. Гляжу — на маленькой голубой тарелочке лежит половина летучей рыбы. Только я протянула за ней лапу, как вбежала девушка и с криком: «Да ведь эту рыбу я оставила себе на вечер!» — схватила висевший на крюке деревянный пестик и со всего размаху шарахнула им меня по переносице, а ведь это у нас, кошек, самое больное место. Потом она взяла меня, бесчувственную, и швырнула на пол. В тот же миг в глазах у меня потемнело, все куда-то поплыло, и дыхание мое прервалось. Возможно ли забыть такую жестокость? Тело мое эта девушка тайком ото всех закопала вблизи канавы, а хозяйке, когда та вернулась, сказала, будто ведать не ведает, куда я запропастилась. Узнай моя госпожа правду, она наверняка помолилась бы за меня, а теперь мне никогда не удастся покинуть мрачайший

из всех миров — мир тварей. — При этих словах дух кошки заплакал.

Выслушав сей рассказ, родители девушки поняли, что гнев духа справедлив, и сказали ему так:

— Что сделать для того, чтобы ты покинул тело нашей дочери?

— Никаких особых желаний у меня нет, — ответил дух. — Единственное, о чем прошу, отопритить меня в вашем доме, и еще, поскольку долгое время мне приходилось зябнуть, прошу и зимой, и летом ставить для меня жаровню. А если к тому же каждый месяц первого и пятнадцатого числа, а также в пять великих праздников и под Новый год вы будете выставлять для меня приношения в виде сушеного тунца и мататаби, я хоть сейчас покину тело вашей дочери.

— Ну что же, эту просьбу нетрудно исполнить. Хорошо, будь по-твоему.

Услышав эти слова, дух кошки просиял и радостно замыкал. И сразу же рассудок девушки прояснился. Жаровню же в доме том и поныне топят, дабы не прогневить духа кошки.

Между тем из уст девушки снова послышались звуки. На сей раз то был грубый мужской голос:

— Зовут меня Ёкуро, и служил я в том же поместье, что и эта девушка. Прилепившись к ней душою, я много раз посылал ей письма, в которых изливал свою страсть. Она же не только не стремилась меня отринуть, но делала вид, будто я ей тоже небезразличен. Принимая ее притворство за чистую монету, я целых два года ходил, как безумный, ни на миг не забывая о ней и хоронясь от людских глаз. Но сколько я ни ждал, встретиться с нею наедине мне все не удавалось. То она говорила, что время для свидания неподходящее, то — что не может отлучиться от госпожи,

однако же никогда не отказывала напрямик. А я ведь не бог, где мне было понять, что у нее на уме? И днем и ночью жгла меня страсть, и помыслы мои неслись к ней, точно дым летучий. Столь велики были мои страдания, что рядом с ними сама Фудзи-гора показалась бы невысоким холмиком. И вот однажды ночью, решив, что приходит мне погибель, я незаметно пробрался к этой девушке и со слезами на глазах стал молить ее сжалиться надо мной, не дать жизни моей утечь, подобно воде в ручье, с которого сняли запруду. Но и на сей раз она не снизошла к моим мольбам — прочь не погнала, однако же и остаться у себя не позволила. С тех пор пища перестала идти мне в горло, и вскоре я умер от неразделенной любви. Кто мог развеять мою печаль? Кому мне было пожаловаться на свою обиду? Душа моя не находила успокоения в могиле близ храма Дайкокудзи, но и в мир иной переселиться не могла. Только страсть моя неотступно, как тень, преследовала эту девушку. Хорошо еще, что она оказалась одержимой злым духом и я смог дать выход своему гневу. Могу ли я простить ту, которая после того, как я умер понапрасну, ни разу даже не вспомнила обо мне? Вот я и поклялся, что не отступлюсь от нее до тех пор, пока не доведу до погибели. Какие бы муки, какие бы страдания ни пришлось мне принять за это потом, в царство теней мы отправимся вместе. Пусть это послужит мне утешением, как страннику — отдых в пути.

Выслушав рассказ духа Ёкуро, все прониклись состраданием к этому человеку. Священник вновь произнес свои заклинания, после чего обратился к духу с такими словами:

— Сейчас я совершу по тебе заупокойную службу. Что же до девушки, то ее мы заставим принять

постриг — пусть молится, чтобы в будущем существовании вы были с ней неразлучны.

— Ваши речи, святой отец, запали мне в д у ш у , — послышался ответ. И в тот же миг девушка перевернулась н и ч к о м , — видно было, что наваждения отпустили ее.

Когда по прошествии некоторого времени с исцелившейся от недуга девушкой заговорили об Ёкуро, она его вспомнила. Узнав же о том, что с ним случилось, она решила не медля постричься в монахини. Отрешившись от брэнного мира и уподобив помыслы свои чистому ручью, она ставила свежие цветы на божницу и возжигала курения в память о том, чья жизнь растаяла, точно дым. Всею душой устремленная к праведному пути, она не замечала, как роса увлажняет рукава ее монашеского одеяния. Так заблуждения и страдания, испытанные в мирской жизни, вывели ее на путь благодного прозрения. И все же прегрешения ее были столь велики, что не скоро могли ей проститься, поэтому всякий раз, когда монахиня сия приходила на могилу Ёкуро, надгробный камень чудотворным образом тотчас же опрокидывался. Верно сказано: «Тот, кто единожды обратил помыслы к злу, не искупит своего греха за пятьсот жизней; тот, кто отдал себя во власть страстей, не искупит своего греха во веки веков».

Побывав в этих местах летом, Бандзан снова наведалься сюда после того, как обошел всю землю Сайкайдо, в ту пору, когда горные вершины уже покрылись снегом. Неужто и впрямь случаются на свете чудеса, подобные тому, о котором он здесь услышал? С этой мыслью посетил он гробницу Ёкуро и, помянув молитвой душу этого незнакомого ему человека, отправился дальше. Могилу эту и сейчас можно

отыскать в густых зарослях травы в саду при храме Дайкокудзи. Место это так и зовется: «Опрокинутое надгробье».

О МОНАХЕ, КОТОРЫЙ ПОБЫВАЛ В АДУ И В РАЮ

Монахи в большинстве своем таковы, что ради собственной выгоды готовы продать самого Будду. Их уменье надувать поистине неисчерпаемо, словно море, омывающее Сикоку. Не одного простака одурачили они. А все потому, что людские сердца сплошь да рядом пребывают во мраке.

В один из дней конца осени установилась безветренная погода, все лодки в бухте Томари-но Исо стояли на приколе, так что Бандзану поневоле пришлось задержаться здесь на ночь. С южной стороны провинции Сануки протянулись известные своей красотой горы, но и с морского побережья открывался не менее великолепный вид на вековые сосны с причудливо изогнутыми ветвями.

В хижине, стоявшей вблизи бухты, собрались дети местных рыбаков и, хотя наш век считается веком расцвета буддийской веры, принялись играть украшавшими алтарь двумя подсвечниками в виде журавля, стоящего на спине черепахи, и сосудом для священных пожертвований. Да и сама хижина была настолько запущена, что нельзя было не испытывать горечи от того, сколь далеки от благочестия местные жители. «Как же можно допускать подобные беспорядки?!» — возмутился Бандзан и заговорил об этом

со стариком, несшим вязанку дров для котла, в котором выпаривают соль. Старик опустил свою поклажу на уступ в скале, провел рукой по белым кустистым бровям и, опершись о заостренную с обоих концов палку, рассказал следующее.

Несколько лет назад в этой хижине жил монах по прозвищу Куракубо. Весьма преуспев на поприще служения Будде, монах этот умел творить всякие чудеса. Например, ему ничего не стоило слететь легче птицы с горы Компиры высотой более тридцати дзё. Во время его проповедей на прихожан откуда ни возьмись сыпались цветы. Кроме того, он славился умением тотчас же распознавать в своих слушателях как людей добродетельных, так и дурных. Или, бывало, случится у кого пропажа — этот человек сразу же бежит к Куракубо, и он безошибочно указывает, где искать. И еще много самых разных чудес являл людям этот монах. Местные женщины, из верующих, поистине его боготворили, и день ото дня он преуспевал все больше. Поначалу он ютился в крохотной лачуге, державшейся на четырех стволах бамбука вместо опор и крытой чем попало, а потом выстроил себе этот великолепный приют.

И вот нынешней весной он неожиданно заявил, что в шестом месяце пятнадцатого дня собирается отойти в мир иной. Готовясь к собственной кончине, он надлежащим образом убрал алтарь и известил о грядущем событии жителей трех провинций — Ава, Иё и Тоса.

Время быстротечно, вскоре наступила середина «безводного месяца», и из соседних провинций прибыли десятки тысяч людей. Куракубо заблаговременно распорядился построить бамбуковую изгородь по четыре тё в длину и ширину и приготовил все для

совершения обряда. Утром пятнадцатого числа он облачился в соответствующие одежды, уселся на землю и, повернувшись в сторону запада, вознес молитву, после чего с блаженной улыбкой на лице упокоился. В завещании Куракубо велел после смерти усадить его на стул, выставить на всеобщее обозрение и обожждать три дня, ибо за это время душа его должна достигнуть нирваны, как это случилось в свое время с Сакьямуни на Орлиной горе. Как только об этом стало известно, вокруг тела Куракубо столпилось множество людей, пожертвований принесли целую гору.

Спустя три дня, утром восемнадцатого числа, один из учеников покойного обратился к присутствующим с такой речью:

— Некогда Куракубо учил нас, что пока тело покойника остается теплым, предавать его огню нельзя. Как это ни поразительно, тело учителя все еще хранит тепло.

Тогда кто-то из толпы воскликнул:

— А что, если он оживет? Вот было бы здорово! Вряд ли когда-нибудь на свете появится второй такой священник.

При этих словах покойный вдруг начал подавать признаки жизни.

— Ох, у меня такое чувство, будто я очнулся после долгого сна, — произнес он и открыл глаза. — Да будет вам известно, что нынче мне удалось побывать в Аду и в Раю. Изю дня в день я не уставал повторять, что после смерти одним из вас суждено обойти все восемь областей Ледяного и Огненного ада, другим же — оказаться в благословенном краю, усыпанном золотым и серебряным песком. Все зависит от того, насколько глубока ваша вера. Если б мог, я взял бы с собой в это путешествие всех, кто не верит

в существование загробной жизни. И чтобы ни у кого из вас не возникло сомнений в правдивости моих слов, взгляните, какую печать оставил у меня на спине сам владыка Ада Эмма.

С этими словами Куракубо сбросил с себя одежду, и все увидели на спине у него, как раз в том месте, где находится седьмой сверху позвонок, знак «владыка», а под ним большую печать. Тут даже те, которые до сих пор сомневались, поневоле уверовали в существование загробной жизни.

Слухи об этом чуде вскоре разнеслись по всей провинции, люди только о нем и говорили. В конце концов властитель тех земель призвал к себе Куракубо, дабы провести дознание.

— В наш век, когда буддийская вера клонится к закату, вряд ли могут происходить подобные чудеса, — молвил он. — Надобно как следует рассмотреть печать, которую якобы поставил на спине сего монаха владыка Ада Эмма.

Куракубо тотчас же раздели, и что же? — печать оставалась на прежнем месте, черная, словно вдавленная в кожу. Ее попробовали было смыть, но ничего из этого не получилось.

— Странно, — сказал тогда властитель провинции. — Придется подвергнуть этого монаха пытке.

Монаха положили на спину и стали лить ему в рот воду, но он не проронил ни слова. Когда же было решено подвергнуть его пытке раскаленным свинцом, Куракубо не выдержал и взмолился:

— Пощадите меня, я во всем признаюсь. Никакого Ада я не видал, все это чистая выдумка. От рождения я был беден и пустился на этот обман ради денег.

— Каким же образом на спине у тебя появилась печать владыки Ада? — спросили его.

— Это обычная татуировка, я сделал ее три года назад.

— А как тебе удавалось спрыгивать на землю с большой высоты?

— Очень просто. Чтобы освоить эту премудрость, я упражнялся целых два года, взбираясь каждый раз все выше и выше. Однако же я научился лишь прыгать вниз, взмывать же вверх не умею. — Одним словом, Куракубо рассказал обо всем без утайки.

За подобное надувательство Куракубо полагалось отрубить голову, однако же из уважения к его духовному званию властитель провинции приказал связать его, посадить в лодку-долбленку и пустить в открытое море. Что случилось с монахом потом — неизвестно.

Чего только не случается в нашем мире, изменчивом, точно морские волны! Нынче об этом монахе никто больше не вспоминает. В хижине его осталось изображение Будды Амидабы, но после всего, что произошло, люди совсем утратили веру и никто сюда не приходит. Только луна каждый вечер заглядывает в хижину через разбитое оконце да временами пронзительно завывает ветер. А днем здесь играют ребяташки. Такие, как этот монах, лишь бесчестят буддийскую веру.

Вот что рассказал старик.

НОВАЯ ТЮДЭ-ХИМЭ

С давних пор в земле Хида стоит гора. Дровосеков туда не пускают, оттого и поныне на горе той растут дубы. Зовется гора Кураияма — «Горой величия»,

что вполне соответствует ее виду. Здесь всегда веет прохладой, и местные жители не знают летнего зноя.

Однажды Бандзану случилось заночевать в одном из горных селений Хиды, но уснуть он никак не мог из-за шума ткацких станков, — ведь местность эта славилась изготовлением превосходных шелковых тканей. Тогда Бандзан пошел к хозяину постоянного двора и стал слушать его рассказы, среди которых оказалась и эта удивительная история.

Жил в той деревне человек по имени Окамура Дзэндаю со своей женой. Обоим уже перевалило за сорок, а детей все не было, и они очень из-за этого печалились. Из года в год ходили они молиться в храм Ацута, что в провинции Овари. И молитвы их, наверно, были услышаны, потому что бог наконец-то послал им чадо. Родилась у них девочка, да такая прелестная, что ни один младенец в селении не мог с нею сравниться. Девочка росла и в пять лет уже умела читать и писать, хотя никто ее этому не учил, в семь лет стала слагать стихи, а в одиннадцать научилась ткать шелк цумуги. Ткали как будто все одинаково, только другим женщинам, чтобы соткать штуку шелка, требовалось целых три дня, она же управлялась за полдня. И получалось на редкость красиво. Не удивительно, что семья ее вскоре разбогатела. А поскольку ко всем своим достоинствам девушка была еще и глубоко верующей, люди прозвали ее новой Тюдзё-химэ.

Девушка имела обыкновение первого числа каждого месяца совершать паломничество в храм Яцуруги, и хотя путь туда был неблизкий, она всегда возвращалась домой в тот же день. Это казалось настолько неправдоподобным, что кто-то из жителей селения попросил ее рассказать о своих паломничествах, и

девушка подробно описала Овари, а также все то, что встречается на пути туда. Порасспросив других людей, человек этот убедился в том, что все, рассказанное девушкой, — истинная правда. Теперь оставалось лишь удивляться чудесным способностям девушки.

Но вот девушке минуло пятнадцать лет. Была она красавицей, какую и в столице нечасто встретишь. Все юноши селения, сгорая от любви, мечтали заполучить ее в жены и на правах зятя войти в дом к Дзэндаю. Между тем родители девушки, изрядно разбогатев, не хотели отдавать дочь, которой они гордились, кому попало и никак не могли выбрать ей достойного жениха. Наконец, после длительных поисков и расспросов, прослышали они о человеке по имени Сугэаки Ихэй, старосте соседней деревни. Он торговал лесом и жил в большом достатке. Был у него сын, Иноскэ, за него-то и просватали они свою дочь.

И вот тут произошло диво. Воспылав любовью к мужу, девушка сразу же лишилась чудесного дара в один день добираться до Яцуруги и возвращаться обратно, шелк она теперь ткала не быстрее, чем остальные женщины, лицо ее погрубело, повадки же стали такими, как у любой неотесанной деревенской жительницы.

— Вот какие чудеса бывают на свете! — сказал напоследок хозяин постоялого двора.

**Сборник
«ЗАПИСКИ О ПЕРЕДАЧЕ ВОИНСКИХ
ИСКУССТВ»**

**МЕЛОДИЯ ПЕЧАЛИ, ИЛИ ЖЕНЩИНЫ,
ВДРУГ СТАВШИЕ МУЗЫКАНТШАМИ**

Однажды в город Хиросиму провинции Аки приехал из столицы известный мастер игры в ножной мяч Карэки Такуми. Он обучал этой игре всех, кому была охота учиться, и вскоре среди самураев не осталось ни одного, кто не увлекся бы ею, так что в тихие безветренные вечера везде были слышны звуки ударов по мячу. Вообще, что касается развлечений, то жители тех мест весьма чувствительны к новинкам и предаются им всей душой.

Жил в то время в Хиросиме самурай по имени Фукусима Ансэй, состоявший в родстве с правителем провинции. Удалившись от служебных дел, он вел привольную жизнь и весьма увлекался игрою в мяч. Однажды

В Праздник встречи двух звезд он пригласил к себе друзей и устроил состязание. Был в числе приглашенных и младший брат Торикавы Хаэмона по имени Мураноскэ. Хотя ему минуло восемнадцать лет и он уже выбривал волосы углом на висках, лицо его все еще хранило черты юношеского очарования.

День уже клонился к вечеру и игра подходила к концу, когда кто-то напоследок не рассчитал и подбросил мяч слишком высоко, так что он перелетел через ограду и упал на клумбу в соседней усадьбе. Мураноскэ подбежал к забору и увидел, что мяч застрял в ветках кустарника хаги. А еще он увидел близ моста, перекинутого через озерцо с чистой водой, девушку, которая была скорее всего дочерью владельца усадьбы. Поверх нижнего кимоно из узорчатого белого шелка на алом исподе на ней было надето нарядное фурисодэ с рисунком в виде кипарисовых вееров, подвязанное поясом, сплетенным из крученых лиловых нитей. Небрежно уложенные волосы посередине подхвачены золоченым шнурком мотоюи. В руке вместе с веером, украшенным кистями, она держала листья тутового дерева.

«Наверно, на этих листьях написаны стихи, которые она собирает принести в дар Ткачиге», — подумал Мураноскэ. И верно, девушка опустила листья в воду и повернулась, чтобы уйти. В тот миг она была прекрасна, как фея, сошедшая с небес.

При одном взгляде на девушку сердце юноши пришло в смятение, и он, отбросив стыд, заговорил с ней.

— Извините за дерзкую просьбу, но не могли бы вы подать мне тот мяч?

Не побоявшись замочить росой рукава своего платья, девушка раздвинула густую траву, достала мяч

и поднесла его к тому месту у изгороди, откуда доносился голос. Принимая мяч, Мураноскэ задержал руку девушки в своей. Молодые люди взглянули друг другу в лицо, и этот взгляд посеял в их сердцах любовь.

В это время в сад вышли служанки девушки, и Мураноскэ поневоле пришлось удалиться. Переодевшись после игры, он нарочно задержался в доме Фукусимы, снова подошел к изгороди и заглянул в соседнюю усадьбу. Девушка, которой до сих пор не часто приходилось видеть мужчин, пожалуй, впервые почувствовала любовное томление и тоже вышла в сад. Теперь они могли обменяться несколькими словами, не опасаясь быть услышанными.

— Сейчас уже мне нет нужды писать вам о своих чувствах, — сказал юноша. — Я хочу проникнуть в ваши покои и остаться с вами наедине.

— Я буду ждать в а с , — отвечала девушка.

В ту же ночь под покровом темноты Мураноскэ на свой страх и риск перелез через высокую ограду и пробрался в сад. Девушка сдержала обещание и, добыв ключ от калитки, провела его в свою спальню. Здесь влюбленные поклялись друг другу в вечной верности и, надкусив мизинцы, смешали кровь и начертали ею на исподнем друг друга слова клятвы. С тех пор они уже больше не тратили время на взаимные заверения в любви и каждый раз, оставаясь наедине, горевали лишь о том, что так быстро летят ночные часы. С каждым днем их все сильнее влекло друг к другу, как это бывает с любящими сердцами. Сколько раз они встречались — о том было ведомо лишь бархатному изголовью в комнате девушки, и вот однажды, глядя на распутившиеся цветы сливы, она захотела отведать кислых зеленых плодов, да

и живот у девушки начал мало-помалу округляться. Одним словом, стало ясно, что она понесла.

Между тем отец девушки, самурай по имени Фудзисава Дзиндаю, отслужил положенный срок при дворе сёгуна в Эдо и на возвратном пути домой решил заехать в городок Хамамацу провинции Энсю, с тем чтобы навестить своего брата Дзиндзаэмона. Второму сыну брата — Дзимпэю в ту пору как раз исполнилось девятнадцать лет, сложения он был богатырского и отличался недюжинной силой. Обрадовался Дзиндаю и, хотя юноша доводился ему племянником, решил сделать его приемным сыном и выдать за него свою дочь Кого, с тем чтобы потом самому удалиться на покой. Решив таким образом, он вместе с племянником вернулся домой в Хиросиму и рассказал о своем намерении жене, чему та нескладанно обрадовалась. Заручившись согласием своего господина на то, чтобы взять Дзимпэя в дом приемным сыном, Дзиндаю не теряя времени занялся свадебными приготовлениями. Узнав об этом, Кого, однако, не выказала радости и обратилась к матери с такими словами:

— Я знаю, что идти против воли родителей — значит проявить дочернюю непочтительность. Однако наш мир — лишь временное обиталище человека, а жизнь наша столь же мимолетна, как сон. Благоденствие только путь, указанный Буддой, и я хочу, следуя этому пути, обрести загробное блаженство. Посему я решила остаться свободной от супружеских уз, облачиться в черную рясу и уединиться в каком-нибудь монастыре. Что же до господина Дзимпэя, прошу вас, найдите ему другую невесту.

Услышав от дочери подобные речи, мать немало удивилась и принялась всячески ее отговаривать, но

девушка стояла на своем. На всякий случай мать решила сохранить этот разговор в тайне, однако Дзимпэю стало каким-то образом все известно, и он затаил в душе обиду и горечь.

И вот однажды среди ночи Дзимпэй увидел крадущегося к дому Мураноскэ и, призвав на помощь слугу, которого привез с собой из Хамамацу, устроил под деревом засаду. Когда же на рассвете Мураноскэ покидал покои возлюбленной, Дзимпэй вместе со слугой напали на него и тут же убили.

Узнав, как было дело, Кого схватила копьё и приготовилась отомстить убийце, но кормилица ее удержала.

— Вы еще успеете отомстить, — сказала она Кого, — теперь же вам надлежит покинуть сей дом. — С этими словами кормилица взяла девушку за руку и, воспользовавшись суматохой в доме, вывела ее через задние ворота.

Как только стало известно о тайной связи дочери с Мураноскэ, Дзиндаю решил, что ему изменило самурайское счастье, и, не смея показаться на глаза людям, перестал выходить из дома. Дзимпэй скрылся в неизвестном направлении. Что же до Кого, то она благодаря кормилице благополучно выбралась из Хиросимы и направила свои стопы в селение Акаси провинции Бансю, где у нее были знакомые. Поскольку она была женщиной, на дорогу у нее ушло много дней, но в конце концов она достигла места и поселилась в бедной крестьянской хижине. Постепенно она научилась ткать жатое полотно, каким славится эта местность, и тем добывала себе пропитание.

Между тем время шло, и вот наступил срок ей родить. Среди ночи вызвали повитуху, и пока грелась

вода, чтобы обмыть младенца, Кого положила рядом с собой короткий меч и вознесла богам такую молитву:

— Боги, сжаьтесь надо мною и пошлите мне сына, чтобы было кому отомстить убийце Мураноскэ — Дзимпэю. Если же суждено мне произвести на свет девочку, я сразу же вспорю себе живот и сведу счеты с жизнью.

Видно, молитва эта была услышана, потому что в тот же миг с громким криком появился на свет мальчик. Кого назвала младенца Мурамару, берегла его пуще зеницы ока и с нетерпением ждала, когда он подрастет. И вот уже осталось позади время, когда малышу стали отпускать волосы и впервые надели на него хакама. Незаметно Мурамару исполнилось девять лет, и он стал обучаться грамоте в храме Сумадэра. И это время вскоре миновало, и мальчик, встретив свою тринадцатую весну, расцвел, точно цветок на молодом деревце сакуры, так что монахи и миряне невольно заглядывались на него.

Тут Кого решила, что пришла пора рассказать сыну о прошлом и подготовить его к свершению мести. Выслушав мать, Мурамару воскликнул:

— Я сейчас же отправлюсь в Хамамацу, на родину Дзимпэя, и принесу вам в подарок его голову! — и стал собираться в дорогу.

Но мать и кормилица принялись его отговаривать.

— Погоди, мы давно решили отправиться вместе с тобой, — сказали они. — Поэтому даже выучились игре на сякухати, хотя занятие это не женское.

Сказав так, женщины завернули в кусок промасленной ткани кольчугу и короткий меч, остригли волосы, надели на голову глубокие соломенные

шляпы, так что с виду их стало не отличить от мужчин, и вместе с Мурамару тайно покинули свое прибежище в Акаси.

Сколько раз, прислушиваясь к шуму волн или завыванию ветра в соснах, Кого, подобно журавлихе среди ночи, тревожилась о судьбе сына. А когда они все втроем принимались играть на сякухати мелодию «Журавлиное гнездо», звуки сами собой выходили печальными, однако слышалась в них и затаенная надежда.

Оставив позади гору Тэккай, они прошли селение Икута, переправились через реку Нунобики, миновали Ёдо, вышли на столичный тракт и, переправившись через гору Осакаяма, вступили в селение Сэта. Едва преодолевая усталость после долгого странствия, путники зашли помолиться в храм Исиямадэра. В это время какие-то паломники из Нагасаки как раз осматривали комнату, в которой Мурасаки Сикибу написала одну из глав «Повести о Гэндзи». Заодно туда же провели и Кого с сыном и кормилицей. «Какие замечательные женщины жили в старину!» — восхитилась про себя Кого и, умиротворенная, вышла из храма.

В это время ее взгляд привлек самурай лет сорока с виду, одетый в легкое дорожное платье. Он стоял у ворот храма со своим слугой и, вытащив дорожную тушечницу и кисть, записывал со слов поселян, какими достопримечательностями славится эта местность. Бросив быстрый взгляд на Мурамару, самурай шепнул слуге:

— Смотри-ка, и лицом, и статью этот юноша — вылитый Мураноскэ-доно. Даже волосы по бокам завиты так же.

— Уж не призрак ли это? — откликнулся слуга.

Услышав дорогое имя, Кого остановилась и пристально оглядела незнакомца, но заговорить с ним не решилась. Вместо этого она сказала кормилице:

— Сколь ни знамениты здешние красоты, а все же мне куда милее виды Ицукусимы!

Тут к ней подошел самурай и спросил:

— Скажите, не из Хиросимы ли вы родом?

Кого, однако, не решилась открыть незнакомцу правду и ответила:

— Нет, мы из Харимы, — однако выговор выдавал в ней уроженку Аки.

— Простите, — продолжал между тем свои расспросы самурай, — не доводится ли этот юноша родственником господину Торикаве Хаэмону?

Кого ничего не ответила и лишь залилась слезами. Огорчившись из-за того, что женщина относится к нему с недоверием, самурай поведал ей следующее:

— Да будет вам известно, что мое имя — Отани Каннай. С Мураноскэ-доно мы были названными братьями. Узнав о его безвременной гибели, я отправился в Энсю, надеясь отомстить убийце и отслужить по брату заупокойную службу. Однако это дальнейшее путешествие оказалось напрасным — убийцу мне найти не удалось. Теперь же я узнал, что он скрывается в одном из горных селений Ёсино. Я как раз держу туда путь.

При этих словах Кого припала к Каннаю с возгласом:

— Юноша, о котором вы спрашивали, сын Мураноскэ — Мурамару! — и рассказала ему все от начала до конца.

Тут все принялись плакать, однако сейчас было не время предаваться скорби.

— Ну, пора отправляться в Ямато на поиски Дзимпэя, — сказал Каннай.

Все вместе они достигли нужного селения в горах Ёсино и вывели, где скрывается Дзимпэй. После этого Мурамару с помощью Канная отомстил убийце своего отца и вместе с матерью и кормилицей благополучно покинул те края.

События эти давно уже канули в прошлое, но рассказы о них и по сей день ходят среди людей.

БЕЗРАССУДНЫЙ ГНЕВ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖЕНИЛСЯ, НЕ ВЗГЛЯНУВ НА ЛИЦО НЕВЕСТЫ

В городе Кумамото провинции Хиго жила всем известная женщина-лекарь, которую люди звали вдовой Гэнсюна. Покойный муж ее — Гэнсюн — не знал себе равных в искусстве иглоукалывания и перед смертью, поскольку не было у него сына-наследника, поведал тайну своего умения жене. Похоронив Гэнсюна, та не стала искать себе второго мужа, остригла волосы, взяла себе имя Мёсюн и посвятила себя врачеванию больных. Поскольку была она женщиной, ее охотно приглашали к женам знатных особ, и со временем Мёсюн стала запросто появляться в особняках на улице Яката.

Случилось как-то занемочь младшей сестре самурая Дзэнрэндзи Гэки, которая звалась Отанэ. Хотя девушке уже минуло восемнадцать, охотников на ней жениться все не находилось. Потому жила она затворницей, почти не выходила из своих покоев

и постоянно пребывала в унынии. И вот наступил день, когда она почувствовала стеснение в груди, заболела и слегла в постель. К ней тотчас же позвали Мёсюн, которая поставила ей иглы, и вскоре девушка начала поправляться. Мёсюн каждый день ее навещала, девушка же принимала ее с особой сердечностью и даже подарила своей спасительнице несколько платьев с собственного плеча, так что ее заботами Мёсюн не ведала ни голода, ни холода.

Между тем в том же замке, что и Гэки, служил адъютантом самурай по имени Фусаки Гумпэй. Был он человеком знатным и весьма преуспевал в воинских искусствах, однако все еще ходил в холостяках, хотя ему уже исполнилось двадцать шесть. Правда, он давно искал себе невесту, чтобы хороша была собой да к тому же сметлива. И вот случилось так, что Мёсюн стала появляться в его доме. Как-то, разговарившись с нею, Гумпэй спросил:

— Не приходилось ли вам слышать, нет ли у кого поблизости дочери на выданье?

Та сразу же вспомнила о сестре Гэки и принялась ее расхваливать, — дескать, второй такой красавицы не найти, одним словом, постаралась представить ее в самом что ни на есть выгодном свете. Гумпэй, еще не видя девушки, вспылал к ней любовью.

— Если бы вы сумели заручиться согласием ее родных, — воскликнул он, — я немедленно женился бы на ней.

— Не беспокойтесь, я все устрою, — пообещала Мёсюн и отправилась напрямиком к Гэки-доно. С ловкостью настоящей свахи она сумела уговорить не только самого Гэки, но и его жену, так что вопрос о сватовстве был решен.

Вскоре жених и невеста обменялись подарками, и в обоих домах стали готовиться к свадьбе, которая была назначена на одиннадцатый день одиннадцатой луны — этот день считался в том году счастливым.

Когда наступил день свадьбы, Мёсюн, нарядно разодетая, уселась в паланкин и прибыла в дом Гумпэя во главе процессии. Зала переполнена была людьми. Подобное пышное празднество устраивают только раз в жизни, и бутылочки и кувшины с сакэ, приготовленные для свадебного обряда, являли собой радостное зрелище. Больше всех других радовался Гумпэй, однако как только он взглянул на невесту, его счастливое настроение улетучилось без следа: девица, предназначенная ему в жены, выглядела вовсе не так, как он ее себе представлял. Разве только сложением она не отличалась от остальных женщин, лицом же была уродлива сверх меры: скулы чересчур широкие, лоб непомерно высокий, волосы редкие, губы претолстые, а нос приплюснутый. Любая из ее служанок казалась рядом с нею красавицей.

Не на шутку рассердившись, Гумпэй подозвал к себе Мёсюн.

— Самый последний вор — и то честнее вас! Будь вы мужчиной, я не оставил бы вас в живых, а так приходится вас пощадить, но за это вы должны сегодня же отправить восвояси невесту вместе с ее приданым! — Так в слепой ярости кричал Гумпэй, не задумываясь, чем это может кончиться.

В ответ Мёсюн открыла сундук с приданым и, указав на лежавшие там две сотни золотых рё, произнесла:

— Вот, взгляните, хоть перед свадьбой об этих деньгах разговору не было, родственники невесты, будучи людьми богатыми, решили отправить их вам

в подарок. В нашем мире все счастье в золоте. А что толку от красоты? В хозяйстве она не пригодится. Верьте мне, я вам зла не желаю.

Придя в еще большую ярость от того, что лекарка вздумала его поучать, Гумпэй схватил веревку, связал Мёсюн и, втолкнув ее в паланкин, велел везти вместе со всем приданным к дому Гэки. Что же до невесты, то она пришла в такое отчаяние, что покончила с собой прямо в доме Гумпэя.

Узнав о случившемся, Гэки вскочил на коня и помчался к Гумпэю. Люди Гумпэя уже поджидали его, даже ворота открыли, и как только Гэки вбежал в парадное, бросились на него с копьями и пиками. Гэки принялся защищаться, но, когда, зарубив на смерть двух противников и ранив еще четверых или пятерых, он устремился во внутренние покои, живший в доме Гумпэя ронин Исикура Дзёмон вонзил ему в спину копье, и Гэки испустил дух.

Тут всполошились люди в соседних усадьбах, однако Гумпэю удалось вовремя скрыться. Прежде чем покинуть родные места, он убил Мёсюн. Родственники его тоже поспешили скрыться, и усадьба Гумпэя осталась пустовать.

У Гэки был младший брат по имени Хатикуро. Незадолго до описанных событий он и его друг отправились в паломничество к храмам Кумано. В горах Кумано выпал обильный снег, так что даже вековые сосны, утопая в нем, казались совсем маленькими. Скрылись под снегом ветки мисканта, по которым путники обычно узнают дорогу, и не разобрать было, куда идти. Когда же паломники вышли к подножию скал, смолкли птичьи голоса, слышалось лишь завывание ветра. И вот во время этого трудного паломничества, когда путникам приходилось

раздалбливать лед, чтобы утолить жажду, спутник Хатикуро — Вада Римпати повредил себе ногу и со всем приуныл.

— О, я вижу, ты не такой храбрый, каким изображал себя, — сказал, обратившись к нему, Хатикуро. — Если уже при первом подъеме ты так растерялся, что будет при следующем? — Он всплеснул руками и рассмеялся. — Впрочем, раз уж я отправился вместе с тобой в паломничество, ничего не сделаешь. До той вершины ты уж как-нибудь дойди сам, держась за плечо слуги, а потом я тебя понесу.

Хатикуро говорил намеренно резко, стремясь таким образом ободрить друга, однако тот принял его слова всерьез и обиделся.

— Нога и впрямь меня подвела, зато рука не подведет! Клянусь богом Хатиманом, не видать тебе от меня пощады! — С этими словами Римпати выхватил из ножен меч и бросился на Хатикуро. Тот слова не успел сказать, как начался поединок, да такой жаркий, что от скрещенных мечей искры во все стороны полетели. И вот как раз в этот миг прямо перед ними появился Гэки, только был он сам на себя не похож.

— Ведомо м н е , — произнес о н , — что вы повздорили между собой сгоряча. Я — дух Гэки, меня сгубил некто но имени Фусаки Гумпэй. Только брат Хатикуро может за меня отомстить, вот я и предстал перед вами, чтобы не дать ему погибнуть. Ежели досада ваша друг на друга не иссякнет, вы сможете свести счеты потом, когда месть Гумпэю будет совершена. Сделайте же, как я про ш у . — При этих словах дух Гэки исчез.

Хатикуро и Римпати никак в себя не могли прийти и долго пребывали в растерянности. Тут Хатикуро залился слезами, печалась о том, что брату его

изменило самурайское счастье. Римпати же принялся его ободрять:

— Что было, то было, теперь уже ничего не изменишь. Ты должен во что бы то ни стало разыскать Гумпэя, хоть с неба его достать, хоть из-под земли. Я же помогу тебе совершить мечь.

Хатикуро вместе с другом возвратился на родину. Узнав, что в действительности все было точно так, как им поведал дух Гэки, оба покинули Кумамото и отправились на поиски Гумпэя.

Больше двух лет скитались молодые люди по стране и наконец прослышали, что Гумпэй скрывается на горе Тогакуси провинции Синсю у своего родственника, настоятеля храма. Пылая желанием мстить, как пылает гора Асама, они устремились в то селение и принялись тайком разузнавать о Гумпэе. Как выяснилось, тот взял себе монашеское имя Додэн, облачился в черную рясу и уединился в хижине, в которой, как это ни странно, не было ни одного изображения будды. Поняли друзья, что Гумпэй поселился в горной глуши не потому, что в нем проснулась истинная вера, а оттого, что был он трусом и боялся расплаты за совершенные злодеяния.

На следующий же день Хатикуро и Римпати разыскали его хижину и, взломав бамбуковую дверь, ворвались внутрь.

— Гумпэй! Наступил твой смертный час. Защищайся! — крикнули они и назвали себя по имени.

Гумпэй же не проявил свойственной ему прежде отваги и с покорным видом произнес:

— Вы сами видите, я удалился от мирской суеты и провожу дни в молитвах об упокоении души Гэкидоно. Пощадите меня.

Хатикуро обвел глазами хижину и сказал:

— Не иначе как ты задумал нас обмануть. Если ты проводишь дни в молитвах, зачем тебе держать у изголовья копьё? Ты лишь с виду монах, а душа у тебя прежней осталась! Нет, не жди от меня пощады!

Понял тут Гумпэй, что Хатикуро не отступится от своего, и бросился было за копьём, но в тот же миг Хатикуро поразил его в правую руку. Тогда Гумпэй, придерживая правую руку левой, кинулся к Римпати, изловчился и, выхватив у него меч, зарубил насмерть. Но тем временем Хатикуро успел нанести Гумпэю смертельный удар.

Когда месть была совершена, Хатикуро приник к мертвому телу друга и стал его оплакивать. Потеряв двух близких людей — брата и друга, он принял постриг, поселился в уединении близ храма в горах Накаяма, что в провинции Сэтцу, и стал молиться об упокоении душ Гэки и Римпати.

Так честь его рода осталась нетленной, однако нынче об этом напоминает лишь памятник на его могиле.

ВСТРЕЧА С РУСАЛКОЙ, СТОИВШАЯ ЖИЗНИ САМУРАЮ

В море, омывающем провинцию Осю, не раз вылавливали диковинных рыб. Однажды, а случилось это во времена императора Го-Фукакусы, двадцатого дня третьего месяца первого года эры Ходзи, в одном из заливов уезда Цугару видели люди русалку. Рассказывают, будто на голове у нее был алый гребень, как у петуха, ликом она походила на прекрасную

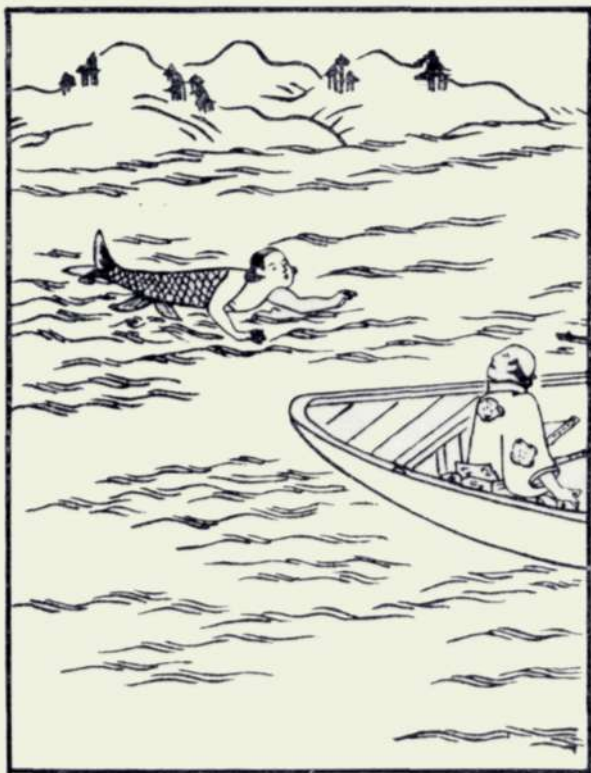
девушку. Были у нее четыре ноги, словно бы покрытых лазурью, и чешуя сверкала, точно золото. Тело ее источало сладостный аромат, а голос, тихий и нежный, был подобен флейте-жаворонку.

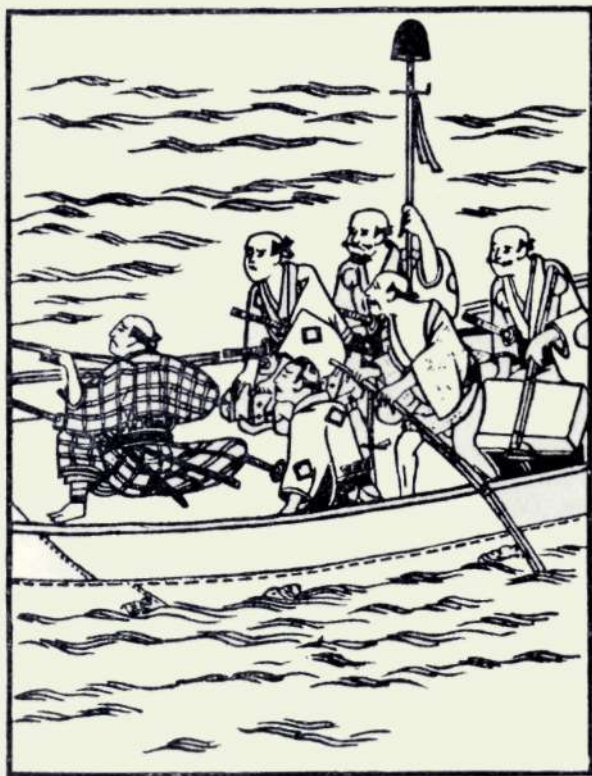
Жил в те времена человек по имени Тюдо Киннай. Был он вассалом главы клана Мацумаэ и держал под контролем все побережье. Как-то раз пришлось ему по долгу службы объезжать прибрежные поселения. Солнце было уже на закате, когда Киннай вместе со своей свитой сел в лодку в бухте Сакэкава. Не успела лодка отплыть от берега на восемь тё, как поднялись пенистые волны, во все стороны полетели разноцветные брызги и прямо перед путниками, рассекая волны, появилась русалка. Перевозчик не на шутку перепугался, а все сидевшие в лодке и подавно чуть не лишились чувств от страха. Один лишь Киннай не растерялся, живо достал свой короткий лук и выстрелил в русалку. Стрела его попала в цель, и русалка тотчас же скрылась под водой. В тот же миг волны на море улеглись, и лодка благополучно достигла берега. Возвратясь в замок, Киннай стал держать отчет о своем путешествии перед советом старейшин и в числе прочего упомянул о русалке, которую застрелил в бухте Сакэкава.

Услышав об этом, старейшины воскликнули:

— Ну и ну, не каждому выпадает на долю подобная удача. Завтра же, улучив удобный момент, мы сообщим об этом его светлости.

Тем бы дело и кончилось, если бы не самурай по имени Аосаки Хякуэмон, служивший в охране замка. Был он человеком чванливым и своевольным; несмотря на то что минул ему уже сорок один год, женою он так и не обзавелся и всегда ходил надутый. Но поскольку происходил он из старинного самурайского

рода и к тому же отец его, Хякунодзё, в свое время чем-то особенно отличился перед господином, Хякуэмон получал высокое жалованье, и окружающим поневоле приходилось сносить все его выходки.

Вот и на сей раз, услышав рассказ Кинная о русалке, Хякуэмон сделал вид, будто не поверил ни единому его слову.

— Я бы не стал докладывать его светлости о том, чего не видел собственными глазами, — нарочито громко проговорил он, обращаясь к сидящему поблизости слепому рассказчику. — Всем известно, что у птицы есть крылья, а у рыбы — плавники. Эти твари весьма проворны, когда дело касается их жизни, и так просто в руки не даются. У меня в саду есть маленький пруд шириною в четыре-пять кэнов, не больше, в нем я держу золотых рыбок. На днях я принялся потехи ради стрелять в них из игрушечного лука, выпустил более двухсот стрел — и что же? Ни одна не попала в цель. Как видите, даже эту живность убить совсем не просто. Вообще же нет на свете ни оборотней, ни чудес. Не удивляемся же мы тому, что у обезьян красная морда, а у собаки четыре лапы.

Услышав разглагольствования Хякуэмона, глава службы тайного надзора Нода Мусаси обратился к нему с такими словами:

— Вы говорите так потому, что подходите ко всему необъятному миру с мерками собственного поместья. Между тем в горах и морях за десятки тысяч ри можно увидеть самые необыкновенные существа. Известно, например, что в старину, во времена семнадцатого императора Нинтоку, в Хиде родился человек с двумя лицами. При императоре Тэмму в одном из горных селений Тамбы появился бык с двенадцатью рогами. А во времена императора Момму

пятнадцатого дня шестого месяца четвертого года эры Кэйун в нашу страну из-за моря прибыл демон ростом в восемь дзё, толщиной в дзё и два сяку, с тремя лицами. Коль скоро подобное случилось в старину, почему в наше время не может существовать русалка?

Хякуэмон побледнел, однако заметил в свойственной ему манере:

— И все-таки было бы славно, если бы Киннай-доно, раз уж он сподобился убить русалку, привез ее с собой.

Из жалости к Киннаю присутствующие поспешили перевести разговор на другую тему и вскоре, когда заступила на дежурство ночная стража, разошлись по домам.

Разные бывают люди на свете. Вот и после этого происшествия одни осуждали Хякуэмона, другие же смеялись над Киннаем, ну и горазд, мол, на выдумки! От обиды Киннай решил было убить Хякуэмона, по потом образумился. «Нет, — подумал о н , — тогда мне и вовсе не дадут проходу, еще пуще станут глумиться надо мной, — дескать, сам наплел небылиц, а другой отвечай...» Долго маялся Киннай, влача безрадостное существование, и наконец решился: «Коли не изменило мне еще самурайское счастье, я отыщу убитую русалку, чтобы все убедились в правдивости моих слов, и тогда не видать негодяю Хякуэмону от меня пощады».

В тот же день Киннай втихомолку покинул свою усадьбу и отправился к бухте Сакэкава. Там он сговорился с рыбаками, щедро оделил их деньгами, и те, не теряя времени, забросили в море огромные сети, но выловить русалку так и не смогли.

Опечалился Киннай, стал молить богов-повелителей водной стихии, чтобы смилостивились над ним, но

молитвы его не были услышаны. С утра до вечера бродил Киннай по побережью, разгребая водоросли и вздрагивая каждый раз при виде прибитого к берегу дерева. Мысль о тщетности поисков повергала его в отчаяние, и вот однажды, почувствовав тяжесть в груди, он сел на полуразрушенную скалу и, поклонившись солнцу, спешившему скрыться на западе, там, где простерлась Чистая Земля, скончался. Увы! — жизнь его исчезла, точно пена на воде.

Вскоре весть о кончине Кинная достигла замка, однако, кроме единственной шестнадцатилетней дочери, оплакивать его было некому. Жена Кинная покинула сей бранный мир еще прошлой осенью, занедужив в пору дождей. Теперь, потеряв еще и отца, девушка лила безутешные слезы и думала: «Единственное, что мне осталось, это в последний раз взглянуть на отца и отправиться вслед за ним». С этой мыслью она выбежала из дома, и никому из прислуги не пришло в голову пойти за нею.

Между тем в доме Кинная жила некая женщина двадцати одного года от роду по имени Мари, прислуживавшая своему господину в спальнях покоях. Не забыв милостей, которыми долгие годы осыпал ее Киннай, Мари, не раздумывая, бросилась вслед за девушкой. Как ни торопились они вдвоем, ночуя где придется: то в поле, то на морском берегу, — достигнуть побережья, где Киннай встретил свой последний час, им удалось лишь к концу третьего дня пути. Тут девушка кинулась к телу отца и залилась слезами. Горе ее было безмерно, то она воздевала руки к небу, то припадала лицом к земле и, не стыдясь насмешливых взглядов рыбаков, билась в судорогах. Наконец, поняв, что Кинная к жизни уже не вернуть, женщины подняли его на руки и собирались было

вместе с ним броситься со скалы в море, но в этот миг к ним подскочил Нода Мусаси, прибывший сюда по приказу своего господина.

— Разве вы не знаете, — крикнул он женщинам, — что в смерти Кинная повинен его недруг?

— Отец умер собственной смертью, — промолвила в ответ девушка.

Тут Нода рассказал им о том, что Киннай умер, не стерпев оскорбления, нанесенного ему Хякуэмом. Узнав об этом, девушка опять залилась слезами и сказала:

— Этот Хякуэмон издавна домогался моей руки, но отец всякий раз ему отказывал, и тот, как видно, затаил на него злобу. Такое недостойно истинного самурая. Я должна отомстить Хякуэмону за смерть отца!

Женщины пустились в обратный путь, но теперь уже не одни, а в сопровождении Ноды Мусаси. Воротясь в замок, Нода доложил господину о намерении дочери Кинная мстить Хякуэмону. Тот одобрил ее намерение и приказал ронину Масиде Дзихэю, который жил в его доме, помочь ей.

И вот как-то раз, когда Хякуэмон возвращался с прогулки в горах, Дзихэй выскочил из засады и, назвав свое имя, поразил его в правую руку. Только успел Хякуэмон выхватить меч левой рукой, как дочь Кинная бросилась на него с копьем, он кинулся было бежать, но тут подоспела Мари и нанесла ему удар в самое сердце.

Осуществив таким образом задуманное, дочь Кинная заперла ворота и, испросив на то позволения его светлости, совершила харакири. Мало кто из женщин решается на такое, но ведь недаром была она дочерью самурая.

Когда же на следующий день в замке проходило расследование минувших событий, все до единого самураи осудили Хякуэмона и порешили уничтожить его усадьбу. Погибшему Киннаю воздали должное: дабы род Тюдо не прекратил своего существования, наследником его имени был объявлен Сакунодзё — младший сын самурая Имуры Сакуэмона. Что же до наложницы Мари, то хоть и была она женщиной низкого звания, его светлость счел ее поведение достойным похвалы и повелел выдать замуж за самурая Тои Итидзаэмона, младшего чиновника тайного надзора, так что Мари была счастлива и довольна.

А спустя пятьдесят дней после этого среди ночи пришло известие о том, что в бухте Китаура, где стоит храм Касугамёодзин, выловлена диковинного вида рыбина. Оказалось, что это та самая русалка, потому что из тела ее торчал кончик стрелы, некогда выпущенной Киннаем. Известие было поистине радостное. Так Киннай посмертно снискал себе неувядающую славу.

Сборник
«ПОВЕСТИ О САМУРАЙСКОМ ДОЛГЕ»

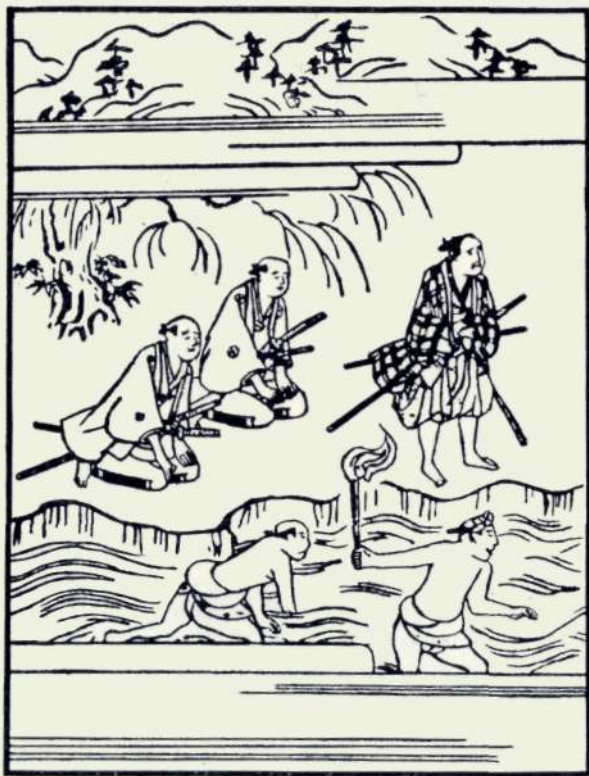

**ГОЛЫЙ В РЕКЕ, ИЛИ НАКАЗАНИЕ
ЗА БОЛТЛИВОСТЬ**

Издавна говорят: «Бывает речь опасней тигра, иной язык — острее меча». И все же мало кто понимает всю глубину этой мудрости.

А еще говорят: «Если с человеком приключается несчастье, никакое богатство не властно ему помочь». И наоборот: «Счастливым можно быть даже в бедности».

Осенний день уже клонился к вечеру, когда Аото Фудзицуна, пришпорив копя, скакал по горной дороге в Камакуру. Недавно пронесшаяся буря разогнала тучи, и он хотел поскорее добраться до храма Мэйгэцуин, чтобы оттуда полюбоваться яркой осенней луной. Переправляясь через реку

Намэрикава, он за какой-то надобностью развязал свой дорожный мешок, и оттуда выпало десять медных монет.

Достигнув противоположного берега, Фудзицуна созвал поселян и велел им найти на дне реки оброненные деньги, а в награду посулил выдать целых три связки медяков. Устроив запруду из собственных тел, люди при свете факелов, от чего вода в реке золотилась, будто парча, принялись искать. Долго искали они злополучные монеты, но обнаружить их никак не удавалось. Фудзицуна, однако, велел продолжать поиски, пусть даже для этого потребуется проникнуть в самое драконово царство.

И вот одному из поселян неожиданно повезло: он поднял со дна реки сразу три монеты, потом, поискав в том же месте, извлек еще одну, а затем и все остальные. Постепенно все десять монет были возвращены владельцу. Фудзицуна несказанно обрадовался, выдал участникам поисков обещанное вознаграждение, а тому удачливому поселянину подарил сверх его доли еще несколько монет. Слугам же Фудзицуна объяснил свой поступок так:

— Остались бы те десять медяков, что я обронил, лежать на дне, богатство страны пусть хоть чуть-чуть, но убавилось бы, а этого допускать нельзя. Что же до трех связок монет, которые я отдал этим людям, то они никуда не денутся, просто будут переходить из рук в руки. — С этими словами Фудзицуна снова пустился в путь.

— Сберег один медяк, наказал себя на целую сотню! — вслед ему рассмеялись поселяне.

Что и говорить, на то они и простолюдины, что бы всечасно обнаруживать свое скудоумие.

Разжившись шальными денежками, поселяне выиграли духом и решили устроить пирушку, благо луна уже взошла. Тут один из них, которому повезло найти монеты, оброненные Фудзицуней, возьми да и скажи:

— А знаете, кого вам следует благодарить за сегодняшнюю попойку? Меня! Я сразу понял, что денежек, которые обронил Аото, ни в жизнь не найти. А у меня как раз была при себе какая-то мелочь, вот я и спроворил все дело. Уж на что смекалист Аото, а я все же его перехитрил!

— Вот оно что, — воскликнули остальные, — значит, тебе спасибо за то, что нынче мы гуляем. Ну и здорово же ты придумал!

Тут веселье пошло полным ходом, и только один человек оставался мрачным.

— Выходит, приказание Аото на самом деле осталось невыполненным, — заговорил он. — Да как ты смеешь, негодяй, с умным видом глумиться над человеком, которого поистине можно назвать зеркалом добродетели? Небо тебя накажет, так и знай. А я-то, глупец, радовался этим деньгам, надеясь с их помощью прокормить матушку. Теперь же, узнав правду, я отказываюсь от них. Если бы моя бедная мать узнала, каким способом добыты эти деньги, она никогда не простила бы мне бесчестья. — С этими словами он поднялся и пошел прочь. Матери своей он решил ничего не рассказывать, а на следующее утро поднялся пораньше и принялся, как обычно, мастерить из соломы короткие сапожки, которые в снегопад надевают на ноги лошадям. Этим нехитрым ремеслом он и кормился.

Хотя человек этот ни словом не обмолвился о происшедшей накануне ссоре, слухи о ней каким-то

образом дошли до Аото Фудзицуны. Обманщика тут же схватили, учредили за ним строгий надзор и в наказание заставили, раздевшись догола, каждый день искать в реке монеты, некогда оброненные Аото. Каково же было бедняге сидеть часами в воде осенью и зимой! И все же судьба смилостивилась над ним: вода в реке стала убывать, и, когда на девяносто седьмой день поисков наконец показалось дно, он нашел все до единой монеты и тем спас себя от неминуемой смерти. А ведь довел его до беды болтливый язык.

Что же до поселянина, который проявил редкостную честность, то со временем Аото узнал, что зовут его Тиба Магокуро и что происходит он из славного самурайского рода Тибаноскэ. В силу обстоятельств два поколения этой семьи вынуждены были скрывать свое происхождение и жить среди простолюдинов. Восхищенный поступком Магокуро, в котором не иссяк дух настоящего рыцаря, Аото доложил о нем князю Токиёри, и тот взял его к себе на службу. Так Магокуро с честью вернул себе звание самурая и поселился в Камакуре, на Журавлином холме, название которого сулило ему тысячелетие немеркнущей славы.

РОДИНКА, ВОСКРЕСИВШАЯ В ПАМЯТИ ПРОШЛОЕ

В молодые годы Акэти Мицухидэ, правитель провинции Хюга, был известен под именем Дзюхэй и находился в услужении у владельца замка Камэяма в

Мансю. Позднее его перевели на службу к сёгуну для исполнения всевозможных мелких поручений. Не будучи приближенным к особе сёгуна, он тем не менее ревностно отдавался службе и этим был весьма отличен от других самураев. Потому, в полном соответствии с небесной справедливостью, был он в скором времени назначен главою над отрядом из двадцати пяти лучников и на этом поприще заслужил большой почет. В то время в его сундуке с воинскими доспехами лежало всего десять золотых, припасенных на случай нужды, но он лелеял надежду в скором времени получить в собственное владение какую-нибудь провинцию. Сложения он был богатырского, и это весьма способствовало его успеху.

В ту пору Дзюхэй еще не был женат, и многие отцы семейств мечтали заполнить его в зятя. Между тем Дзюхэй уже был связан клятвой с одной девушкой. У некоего самурая из Саваямы в провинции Ооми выросли две дочери. Обе могли поспорить красотой с цветущей сакурой или стройным деревцем в осеннем багрянце. И все же старшая превосходила младшую своей прелестью; она-то в одиннадцать лет и стала избранницей Дзюхэя, и тот обещал жениться на ней, как только обретет достойное положение в обществе.

Со времени помолвки минуло более семи лет. Дзюхэй рассудил, что девица уже вошла в разум, и, решив, что пришло время заключать брак, написал о том родителям невесты.

Но, как это ни печально, все в жизни подвержено переменам. Случилось так, что обе сестры захворали оспой, а когда болезнь пошла на убыль, старшая, красавица, оказалась обезображенной до

неузнаваемости. Младшая же осталась по-прежнему милостивой.

«Ежели, как было условлено, отправить к жениху старшую дочь, ей самой будет в тягость ее уродство, — толковали между собой родители невесты. — Вдобавок и о нас может пойти дурная слава, а это тоже неприятно. Придется, видно, выдать за Дзюхэя младшую дочь, благо она еще не просватана». Родители рассказали о своем решении старшей дочери. Выслушав их, девушка не стала роптать на судьбу и ответила:

— Вы правы. После всего, что со мною произошло, я никогда не посмела бы показаться на глаза Дзюхэю-доно. Теперь я могла бы выйти замуж лишь за того, кто согласился бы терпеть мое уродство. Что же до сестрицы, то она красотой своей ничуть не уступает мне прежней, к тому же девушка она смысленная и добрая сердцем, так что за кого бы вы ее ни выдали, стыдиться вам не придется. Отправьте же сестрицу к Дзюхэю-доно. А я давно решила постричься в монахини. Клянусь богами, что говорю правду. — С этими словами девушка взяла свое любимое зеркало китайской работы, разбила его вдребзги и поклялась отрешиться от суетного мира.

Родители увлажнили слезами рукава своих платьев и некоторое время пребывали в раздумье, но поскольку дело это было решенное, они сообщили младшей дочери, что выдают ее замуж за Дзюхэя.

Ошеломленная такой вестью, девушка принялась было возражать.

— Пристало ли мне выходить замуж прежде старшей сестрицы? Будь жизнь ее устроена, еще куда ни шло, а так...

— Ты права, дочь, — перебил девушку отец. — Таков обычай, но твоя сестра твердо решила принять постриг, и мы вынуждены уступить ей. В скором времени я отправлю ее в Южную столицу, в монастырь Хоккэди. Тебе же надлежит ехать в Мансю. Благодарю судьбу за то, что она предназначила тебе в мужа Акэти Дзюхэя. Он превосходно владеет воинским искусством, к тому же наделен высшими добродетелями самурая и потому может с честью выйти из любого положения. Прожить жизнь рядом с таким человеком — большое счастье. Кроме того, Дзюхэй наверняка добьется успеха, и нам с матерью будет на кого опереться в старости.

Слова отца обрадовали девушку, и она не стала противиться родительской воле. Выбрав счастливый день, ее нарядили в красивые одежды, более роскошные, чем это соответствовало ее положению, и отправили в Мансю.

Дзюхэй между тем подготовился к встрече невесты, украсив по этому случаю «остров счастья». Даже после того, как жених и невеста совершили троекратный обмен чарками сакэ, Дзюхэй пребывал в полной уверенности, что перед ним старшая сестра, — ведь последний раз он видел свою нареченную, когда та была еще девочкой и ходила с распущенными, разделенными на прямой пробор волосами. Лишь потом, когда новобрачные возлегли на ложе и Дзюхэй при свете ночника склонил над девушкой лицо, он вспомнил, что прежде на щеке у нее, ближе к уху, была едва приметная родинка. «Быть может, повзрослев, она стала стыдиться родинки и избавилась от нее», — подумал Дзюхэй, молча разглядывая лицо жены.

Заметив это, девушка сказала:

— Как раз в этом месте у моей сестрицы есть родинка. После того как она переболела оспой, от ее бывлой красоты не осталось и следа, а для женщины это большое несчастье. Вот и получилось, что меня первую выдали замуж. Конечно, обычай этого не велит, и я не хотела, но как идти против воли родителей? Видно, неспроста на сердце у меня было беспокойно. Теперь-то я понимаю, что вы дали клятву жениться на моей сестре. Сама того не желая, я совершила недостойный поступок. Простите меня. А я во искупление своей вины сегодня же приму постриг! — С этими словами девушка взяла короткий меч и поднесла его к волосам, но Дзюхэй остановил ее.

— Даже если вы станете монахиней, людские толки и пересуды от этого не прекратятся. Лучше сохранить дело в тайне. Через пять дней вам предлагается навестить родителей, так что потерпите немного и спокойно возвращайтесь на родину. И знайте: вы можете с гордостью носить имя дочери самурая!

После этого Дзюхэй поместил девушку в отдельные покои и больше с нею не виделся. А когда пришло время ей возвращаться в отчий дом, Дзюхэй передал ее родителям письмо.

«Как Вы изволите помнить, — писал Дзюхэй, — я был помолвлен с Вашей старшей дочерью. К сожалению, всякого может одолеть тяжелый недуг. Поэтому я по-прежнему хочу взять в жены Вашу старшую дочь, если даже красота ее померкла. Я исполню свое намерение любой ценой, пусть даже это будет стоить мне жизни. Что же до Вашей младшей дочери, то она явила образец благородства, какое нечасто встречается в женщине».

Прочитав письмо Дзюхэя, родители обрадовались и отправили к нему старшую дочь.

Супруги зажили в согласии. Всем сердцем любя жену, Дзюхэй молил богов, чтобы даровали им долгую жизнь. Женщина же ни на миг не забывала о проявленном к ней милосердии и шла навстречу любому желанию супруга. Если бы женщина эта была красавицей, она безраздельно владела бы помыслами Дзюхэя, но поскольку он взял ее в жены потому лишь, что так велел ему долг, все мысли его были устремлены к совершенствованию в воинских искусствах. К тому же супруга Дзюхэя была наделена храбрым сердцем, даром что была женщиной, и молодожены только и говорили между собой что о ратных подвигах. В саду перед домом они посыпали землю песком и то и дело чертили на нем схемы оборонительных сооружений. Молодая жена оказалась настолько сведущей в бранном деле, что порой подсказывала мужу решения, до которых сам он ни за что не додумался бы. Она ни разу не позволила Дзюхэю свернуть со стези служения рыцарскому долгу и многое сделала для того, чтобы имя его прославилось в нашем мире.

СМЕРТЬ В ВОЛНАХ УРАВНИВАЕТ ВСЕХ

Иным определено судьбою прожить весь отведенный человеку срок, иные же гибнут безвременно, повинаясь велению долга. Такова участь тех, кто посвятил себя бранному делу. Всякому трудно расстаться с жизнью, но лишь самурай, зная, что пробил его

час, способен бесстрашно принять смерть. Это ли не достойно восхищения!

Жил некогда в провинции Сэсю самурай по имени Кандзаки Сикибу, который находился в услужении у Араки Мурасигэ, владельца замка Итами. Долгие годы он бесменно управлял делами замка, следя за тем, чтобы остальные воины достойно несли свою службу, и все потому, что сам он происходил из доблестного самурайского рода.

И вот что однажды случилось. Второму сыну Араки — Мурамару-доно вздумалось побывать на островах Тисима, расположенных вблизи Эдзо, на востоке, и Сикибу было поручено сопровождать молодого господина в этом путешествии. Испросив разрешение взять с собой сына Кацутаро, Сикибу стал собираться в путь. Вскоре все было готово, и Мурамару-доно вместе со своей многочисленной свитой отправился на восток.

Шло время. Близился к концу месяц удзуки. И вот в один из дней было решено остановиться на ночлег на постоялом дворе Симادا в Суруге. Но тут, на беду, начался ливень, обычный для этого времени года. Он не прекращался и тогда, когда путники подошли к горному перевалу Саё-но Накаяма, так что мост через речку Кикугава сделался почти невидим за вздымающимися гребнями волн. А тут еще налетел ураган и стал срывать с проводников дождевые накидки. С большим трудом удалось путникам преодолеть перевал и выйти к берегу реки Оикава. Здесь поблизости находился постоялый двор Каная, где можно было переждать непогоду, но Мурамару-доно собрал свою свиту и распорядился немедленно готовиться к переправе на тот берег. Сикибу, видя, что вода в реке поднялась, попытался было

возразить, однако в молодом господине взыграло ретивое, и он, не слушая увещаний, велел тотчас же начинать переправу. Многих сразу же унесло течением, и они утонули, а те, кто остался в живых, добрались до противоположного берега и вышли к постоялому двору Симада.

Был в свите молодого господина юноша по имени Тансабуру, который доводился сыном самураю Мориока Танго, служившему в замке вместе с Кандзаки Сикибу. Впервые отпуская своего шестнадцатилетнего сына в дальнейшее путешествие, Танго просил Сикибу позаботиться о нем. Памятуя об этом, перед началом переправы Сикибу проверил, не выбился ли из сил конь Тансабуру, надежны ли его проводники, и велел ему переправляться через реку вслед за Кацутаро. Сам же Сикибу вступил в реку последним. В это время стало смеркаться, проводники неожиданно потеряли брод, седло под Тансабуру накренилось, и он упал с коня. В тот же миг юношу подхватило течением, и он скрылся под водой. Сколько ни искали его потом, все усилия оказались тщетны. Печальнее всего было то, что юноша погиб, почти достигнув берега, Кацутаро же остался цел и невредим.

Подобный оборот событий поверг Сикибу в замешательство. Некоторое время он пребывал в нерешительности, по затем призвал сына к себе и сказал:

— Ты сам видел, что случилось с Тансабуру. Его отец просил меня позаботиться о нем, и вот юноша погиб у меня на глазах, а я был не в силах этому помешать. Если ты вернешься домой живым и невредимым, я не смогу взглянуть Танго в глаза. Посему тебе надлежит немедленно лишиться себя жизни.

Кацутаро на то и был сыном самурая, чтобы без малейшего колебания исполнить приказ отца. Он тут же повернул коня вспять, бросился в бушующие волны и исчез навсегда.

Долго горевал Сикибу об утрате. «Воистину нет ничего печальнее, чем следовать законам самурайской чести, — сетовал несчастный отец. — Вместе со мною в это путешествие отправилось немало доблестных рыцарей, но именно мне поручил Танго заботу о своем сыне. Пренебречь его просьбой я не мог и вот был вынужден послать на погибель собственного сына после того, как он благополучно преодолел опасную переправу. Как жестоко устроен мир! У Танго помимо погибшего Тансабуро есть еще сыновья, и сколь бы велико ни было поначалу его горе, он в конце концов утешится. Я же потерял единственного сына, единственную надежду и отраду. А какое это горе для несчастной матери...»

Так размышлял Сикибу, скорбя о безвременной кончине сына. Не в силах побороть отчаяние, он решил было лишиться себя жизни, но поскольку обязательства, возложенные на него господином, не были еще выполнены до конца, Сикибу смирился. Сторонний взгляд не отметил бы в нем никаких перемен, однако душа его была переполнена скорбью. Когда же путешествие завершилось и Мурамарудо благополучно возвратился в замок, Сикибу вдруг занедужил и повел жизнь затворника. Вскоре он оставил службу у своего господина, покинул Итами и поселился в горной глуши Бансю. Там в храме Киёмидзу они с женой приняли постриг и посвятили себя служению Будде. Долгое время никто не догадывался, что привело их на этот путь, но в конце концов Танго прослышал, будто причиной послужила

гибель Кацутаро. Глубоко тронутый жертвой Сикибу, он тоже оставил службу в замке и, решив вместе с женой и сыновьями провести остаток жизни в монастырском уединении, поселился в тех же краях, что и Сикибу. Шум ветра в соснах заставил их окончательно пробудиться от сна брэнного мира, а их неутешные слезы служили последней данью памяти погибших сыновей. Так, по воле судьбы, Сикибу и Танго ступили на стезю прозрения, и помыслы их были столь же чисты и светлы, как луна, каждый вечер поднимающаяся над горным окомом. Молясь о загробном блаженстве, они так сроднились душами, как это редко бывает даже между друзьями. Долгие годы следовали они пути, указанному Буддой. Но теперь их давно уж нет в живых, как рано или поздно не будет всех тех, кто обитает в сем мире.

**О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ РЕШИЛАСЬ
ПОЖЕРТВОВАТЬ ОДНИМ РЕБЕНКОМ, ДАБЫ
СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ ДРУГОМУ**

Двадцать девятого дня шестой луны двенадцатого года эры Эйроку войска противников, которые сошлись на битву у реки Анэгава в провинции Госю, решили передохнуть и заключили перемирие.

В этот день на закате вблизи лагеря одной из воюющих сторон мелькнула фигура какого-то человека, пытавшегося незаметно пробраться к полю. Дозорный Мокута Танго заметил беглеца и приказал тотчас же догнать его. Несколько воинов бросилось

наперерез неизвестному, который бежал по дороге в поле, густо поросшем бамбуком. Когда же расстояние между преследователями и их жертвой сократилось, они распознали в беглеце женщину, рослую и крепкую, с мечом за поясом. На руках она несла младенца, а рядом бежал мальчик лет семи. Чувствуя, что погоня совсем близко, женщина не раздумывая положила малютку на землю, мальчика же посадила за спину и так пробежала еще около двух тё. Хотя в погоне дорог каждый миг, один из воинов все же остановился и, пожалев плачущего младенца, взял его на руки. Это была прелестная девочка.

Когда преследователи почти настигли беглянку, она ссадила ребенка на землю, выхватила из ножен меч и, не уступая в ловкости мужчине, принялась защищаться. Однако силы были явно неравны, и надежды на спасение у женщины не оставалось. Тут один из преследователей, бывалый воин, отдал приказ: «Женщину взять живой!» В конце концов воинам это удалось, хотя каждый из них получил легкое ранение.

По всему видно было, что женщиной движут какие-то особые соображения, поэтому воины обошлись с нею весьма учтиво и отвели к своему начальнику в ставку. Выслушав их доклад, Танго обратился к женщине:

— Рассказывайте, с чьими детьми вы пытались скрыться?

— О, горе! — только и произнесла в ответ женщина и, опустив голову, заплакала. Поскольку никакого признания от нее добиться не удалось, Танго еще больше удивился и подумал, уж не дети ли это предводителя вражеских войск. Пока он размышлял,

мальчуган подбежал к матери и, схватив ее за рукав, захныкал: «Хочу к папане!» Услышав слово «папаня», Танго тотчас же догадался, что перед ним сын простолюдина.

— Итак, чья вы жена? — снова приступил к расспросам Танго. — Сердце мое не чуждо сострадания, и я постараюсь сохранить вам жизнь. Но для этого вы должны объяснить, почему так странно поступили с детьми. Оба они, надо думать, дороги вашему сердцу, однако же грудного младенца вы бросили на произвол судьбы, а мальчика, нуждающегося в вашей заботе куда меньше, взяли с собой. Быть может, вы исходили из того, что сын станет вам опорой в старости?

Тут женщина подняла голову и рассказала обо всем без утайки.

— Да будет вам известно, что я жена человека по имени Такэхаси Дзинкуро. В прежние времена был он самураем и получал от своего господина большое жалованье. Однако же судьба его сложилась так, что позже он стал ронином, поселился в этой деревне и добывал себе на жизнь трудом крестьянина. Сменив боевого коня на быка, а копье на мотыгу, сделался он простым землепашцем. Тут началась война, и всех мужчин в здешних краях призывали воевать. Прошлой ночью муж мне сказал: «Чувствую я, что нынешнего сражения мы не выиграем, а значит, живым я домой не вернусь. Но ведь со мной вместе можешь погибнуть и ты, и дети наши. А потому должна ты покинуть эти края с детьми и вырастить их, дабы род мой не прекратился». Поначалу я не соглашалась, но муж стоял на своем, и в конце концов мне пришлось уступить его воле. Однако же спастись нам не удалось: на полпути

меня схватили ваши воины. А дети эти мне не родные. За долгую жизнь своих мы с мужем не нажили. Вот и решили в конце концов взять на воспитание детей нашей родни. Мальчик доводится племянником мужу, девочка же — племянницей мне. Спаси я племянницу, люди осудили бы меня за то, что я пренебрегла долгом перед мужем. Пусть я всего-навсего женщина, подобное обвинение навлекло бы на меня позор.

Глубоко тронутый рассказом женщины, столь беззаветно преданной долгу, Танго велел незаметно для досужих взоров проводить ее из лагеря. Так женщина и ее дети были спасены.

Сборник
**«НОВЫЕ ЗАПИСЕЙ О ТОМ, ЧТО
СМЕХА ДОСТОЙНО»**

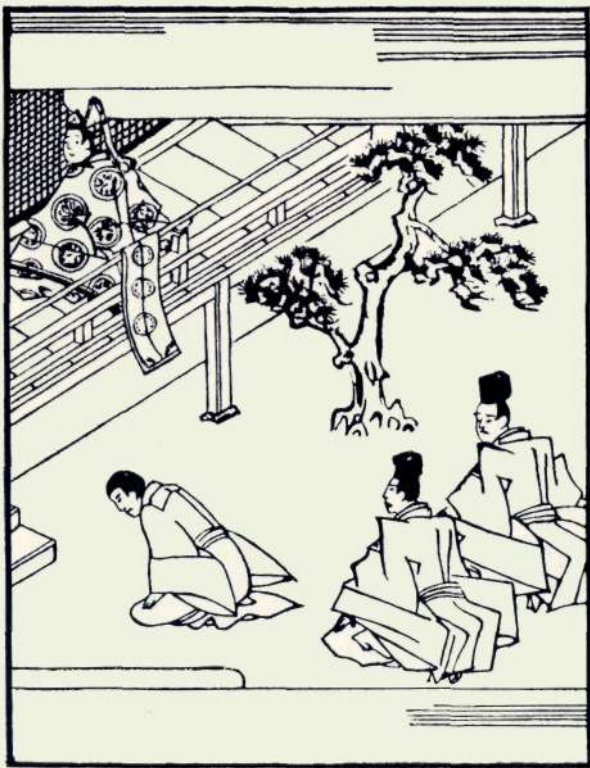

**СЛЕД ОТ ПРИЖИГАНИЯ МОКСОЙ, О КОТОРОМ
НЕ МОГ ЗНАТЬ ПОСТОРОННИЙ**

В старину, во времена императора Бурэцу, на землю внезапно обрушился огненный дождь, который принес народу неисчислимые бедствия. Люди строили себе жилища из камня, тем и спасались. А случилось это бедствие потому, что правление государством отошло от праведного пути.

В то время особым расположением императора пользовалась придворная дама по имени Акацуки-но Сёнагон. Ни в нынешние, ни в давние времена не видел свет подобной красавицы, даже за пределами земли Акицусу не было ей равной. Император души в ней не чаял и дни и ночи

напролет предавался любви, позабыв о времени, которое мчится, точно скакун, перелетающий через расселину. Распустились вишни на близлежащих горах, но император и не взглянул на них, а его колесница так долго стояла без дела, что в ней свили себе гнезда ласточки.

Слава человека бессмертна, но жизнь его имеет предел. С давних пор жаловалась Акацуки-но Сёнагон на тяжесть в груди, и вот она всерьез занемогла и вскорости скончалась.

Безмерно тоскуя о покинувшей его навеки возлюбленной, император взялся за кисть и собственноручно написал ее портрет. Потом призвал к себе художника по имени Мокугэн Кодзи, известного своими изображениями богов и будд, и повелел ему вырезать из дерева статую покойной.

Поскольку то был приказ самого императора, Мокугэн без промедления взялся за работу. Через три дня и три ночи статуя была готова, оставалось лишь нанести на нее краску. Расписав одежду красавицы, художник собрался было изобразить ее брови, но тут кисть нечаянно выскользнула у него из рук и оставила на груди статуи небольшое пятнышко туши. К счастью, пятно это пришлось на то место, которое было скрыто одеждой, и не особенно бросалось в глаза, поэтому Мокугэн решил ничего не исправлять и в таком виде принес статую императору.

Взглянув на изображение возлюбленной, император погрузился в воспоминания, так что полы его платья долго не просыхали от неутешных слез. Когда же, чуточку успокоившись, он принялся рассматривать статую внимательно, то сразу же заметил пятнышко туши от оброненной художником кисти,

и душу его охватило смятение. Дело в том, что как раз на этом самом месте он собственноручно делал любимой прижигания моксой, желая облегчить ей страдания, и знать о том никто не мог. При мысли, что и художнику стало каким-то образом об этом известно, в душу его закралось подозрение. «Наверняка здесь не обошлось без прелюбодеяния», — решил император и воспылал гневом к художнику.

Как сказал некогда Чжоугун: «Худо, если человек подозревает других в грехах; верить в добрые деяния людей — вот что достойно высочайшей похвалы».

Заподозрив ни в чем не повинного Мокугэна в грехе, император тут же приказал его схватить и заковать в цепи. А поскольку стражник не ведал, в чем вина Мокугэна, да и сам художник не знал за собой никаких прегрешений, ему оставалось лишь недоумевать, за что на него обрушилась такая жестокая кара.

После всех этих событий от скорби императора не осталось и следа. В сердцах он разбил статую Акацуки-но Сёнагон, досадуя на вероломство возлюбленной.

У Акацуки-но Сёнагон была младшая сестра, госпожа Юхи. Она тоже состояла в числе наложниц императора, но он ни разу не призывал ее в свою опочивальню. Узнав, в какую беду попал художник Мокугэн из-за ее сестры, госпожа Юхи исполнилась к нему глубоким состраданием и семь ночей кряду без усталости молила богов о том, чтобы ниспослали ей случай переговорить с императором наедине. При этом она думала вовсе не о том, чтобы завоевать любовь императора,

а лишь желала поведать ему о невинности Мокугэна.

И вот была ли на то воля providения или еще почему-нибудь, но приснился ей сон, будто ночью вошла она в императорскую опочивальню и разделила с ним ложе, а затем, как велит обычай, выбросила свой гребень.

Что же до императора, то когда он проснулся на следующее утро, то увидел подле себя на ложе алые одежды, как будто только что сброшенные спавшею в них женщиной. Расспросив фрейлин, император узнал, что одежды эти принадлежат госпоже Юхи. Тогда император призвал ее к себе, и женщина попросила его освободить безвинного художника. Император сжалился над Мокугэном и приказал снять с него оковы, как того и добивалась чистая сердцем госпожа Юхи. Когда же император велел Мокугэну объяснить, почему на груди у статуи оказалось пятнышко туши, художник рассказал все, как было. Ошеломленный этим признанием, император устыдился своего несправедливого гнева.

После этого император всем сердцем привязался к госпоже Юхи, которая со временем заняла в его душе место покойной Акацуки-но Сэнагон. Он приблизил ее к себе и назначил главной наложницей. Поскольку этот поступок императора определялся искренним чувством, он ни в чем не противоречил небесным установлениям, и имя госпожи Юхи надолго осталось в памяти людей.

Нечто подобное случилось и в Китае во времена династии Тан. Когда художник по имени У Даоци рисовал портрет одной придворной дамы, с кисти его

капнула тушь как раз на то самое место, где у женщины была родинка. У Даоцзи постигла та же участь, что и Мокугэна.

О ШТУКАТУРЕ, КОТОРЫЙ ПОДНЯЛСЯ В ВОЗДУХ И В ОДНОЧАСЬЕ СОСТАРИЛСЯ

С давних пор ходит по свету немало историй о женщинах, покинувших мужей, или, наоборот, покинутых мужьями.

Одна такая история произошла во времена, когда подновляли старый замок в провинции Бансю. Работами ведал сам правитель тех земель, знающий толк в подобных делах. Он самолично распределил плотников, штукатуров, кровельщиков и прочий рабочий люд по участкам и назначил старших над ними. Леса вокруг замка возводить не потребовалось, и работа шла быстро. Все говорили: «Когда за дело берутся с умом, работа спорится».

Вокруг замка тянулась огромная каменная стена, одно лишь ее основание достигало нескольких дзё в высоту. Дожди и ветры разрушили стену, и кое-где осыпалась штукатурка. Чтобы починить ее, надо было подняться на небольшую высоту.

Рабочие долго думали, как это сделать, и наконец придумали. Смастерили небольшую четырехугольную корзину и к каждому углу привязали по толстой веревке. С помощью веревок корзину можно было свободно передвигать по стене, и, сидя в ней, штукатур без труда оказывался на нужной

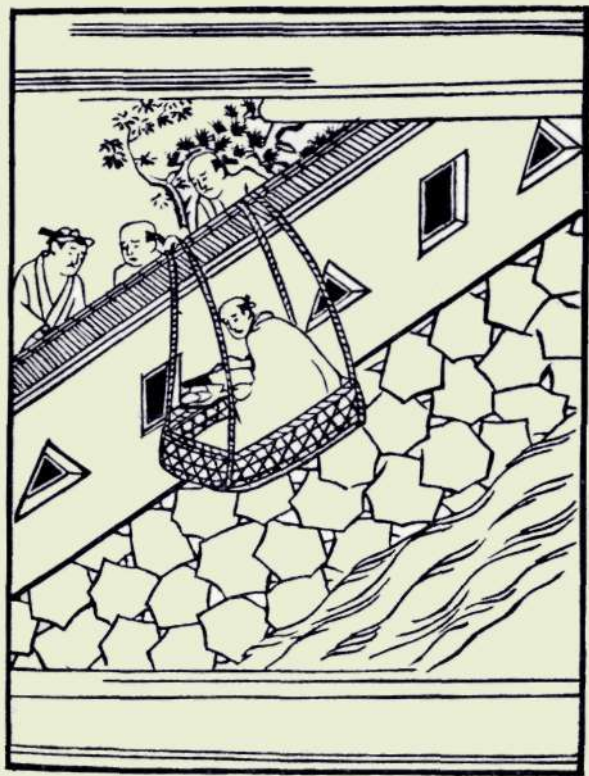
ему высоте. Все в один голос хвалили рабочих, но как должен был себя чувствовать тот, кому предстояло оказаться в корзине? Наверняка так, будто под ним разверзся сам ад. И не мудрено, что даже у самых отважных при одной мысли об этом душа уходила в пятки.

Был среди рабочих один молодой штукатур из селения Такасаго. Ему первому и пришлось лезть в корзину. Весь дрожа, бедняга обеими руками вцепился в нее. Тотчас лоб его прорезали глубокие морщины, а волосы из черных стали белыми, будто снег. Не прошло и часа, как он превратился в дряхлого старца.

Говорят, нечто подобное случилось с одним знаменитым китайским каллиграфом, которому велено было сделать какую-то надпись под сводами дворца.

После этого происшествия штукатур помешался в рассудке, и его отправили в Такасаго. Несчастный не признал ни дома своего, ни родных. Да и родные приняли бы его за чужака, не будь на нем знакомого платья из темно-синего полотна с гербом. Вот до чего он переменялся! Жена, увидев его, не стала умирать от горя, лишь пожалела о том, что он вернулся домой, а вскоре и вовсе ушла из дома, — низкая, коварная женщина.

Таков, впрочем, у женщин нрав. Покуда муж преуспевает, жена всячески старается ему угодить, ублажает свекровь, молит богов ниспослать благополучие в дом. В хозяйстве она сверх меры рачительна и о наружности своей печется — как бы кто худого про нее не сказал. Слуг не обижает, но спрашивает с них строго, чтоб не ленились. Встает спозаранку, чтобы успеть причесаться, пока остальные проснутся;

ополаскиваясь на ночь, не ищет местечка потемнее, чтоб муж чего не заподозрил. Когда у жены такой нрав, в доме царят мир и порядок.

Но как только благополучие семьи слегка пошатнется, жена начинает мужу перечить, перестает заниматься хозяйством, то и дело ссорится с прислугой и, сказавшись больной, подолгу валяется в постели. Даже по большим праздникам она ходит нечесаная. Разбрасывает посуду, с домашней утварью обращается кое-как. Черня зубы, брызгает краской прямо на дайкокубасира, палочки, которыми берут моксу, очищает прямо о порог и обдирает со стены бумагу, чтобы завернуть в нее обрезки ниток после шитья. Ей ничего не стоит сорвать первые цветы с недавно привитого дерева, а в гостиной развесить выстиранное белье. «Рано или поздно дом этот все равно перейдет в чужие руки», — думает она и нисколько не печется о порядке. Сушеную каракатицу, которую обычно приберегают для постных дней, она подает к чаю вместо печенья, поэтому каждое первое и двадцать восьмое число вся семья по ее милости занимается умерщвлением плоти. По ее же милости домашняя божница превращается в склад для писем от заимодавцев, требующих немедленной уплаты долга.

Так мало-помалу хозяйство приходит в упадок, и не столько из-за просчетов мужа, сколько из-за разлада в семейных делах.

Вот и жена штукатура, как только с мужем случилось несчастье, не раздумывая сбежала из дома, чтобы, пока не поздно, попытать счастья с другим. Штукатуру меж тем становилось все хуже. До последнего часа бедняга повторял имя жены и так и испустил дух, надеясь, что она рядом.

Женщина тем временем приискала себе дружка, здорового, крепкого, молодого, и, даже не дождав-шись, пока пройдут положенные тридцать пять дней со смерти мужа, вступила с ним в брак. Возмущен-ный подобной наглостью, отец покойного подал жа-лобу правителю.

Тот вызвал новоиспеченных супругов к себе и первым делом обратился к мужчине:

— По какому праву вы взяли в жены замужнюю женщину?

— Она — незамужняя. Муж ее умер.

— Умер, но все еще пребывает в этом мире, хоть и под другим именем, — возразил прави-тель и велел принести табличку с посмертным именем штукатура. — Как ни досадно, таблич-ка не может дать согласия на развод. А раз такового нет, брак ваш не может считаться за-конным.

Поскольку женщина и в самом деле не была с первым мужем в разводе, ее признали виновной в прелюбодеянии.

Мужчина попытался вывернуться:

— Я знать ничего не знал, ее родители утаили от меня правду, — заявил он.

— В таком случае, — сказал правитель, — назови-те мне имя свата. — Но никакого свата, как выясни-лось, не было. Тогда правитель рассудил следующим образом:

— Вы оба повинны в тяжком преступлении, по-скольку союз свой заключили без свата. Лишь в память об усопшем я не стану приговаривать вас к смертной казни. Кару же вы понесете такую: жен-щина должна остричь волосы и уйти в монастырь, мужчина — покинуть эту провинцию и поселиться

в отдаленных краях. Родителям женщины тоже надлежит уехать из этих мест.

Так решил правитель. И было его решение поистине милосердно.

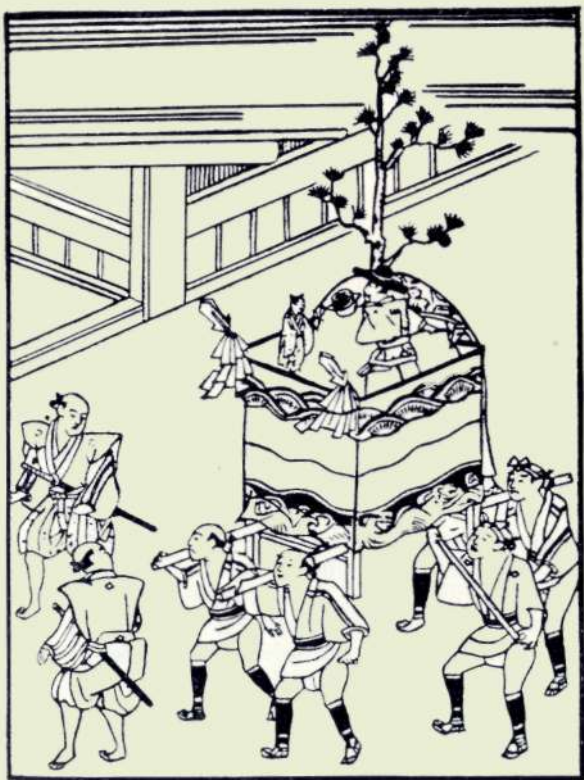

ГУМАННОЕ ПРАВЛЕНИЕ, ОТМЕНИВШЕЕ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ ДОЛГОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Случилось как-то в старые времена, что ремесла вдруг пришли в упадок, а крестьяне совсем обнищали. Из-за этого все больше находилось людей, которые сворачивали со стези добродетели, сердца утратили честность и исполнились лжи. В столице то и дело возникали тяжбы между заимодавцами и должниками, так что богатые жили в свое удовольствие, а бедные умирали с голоду. Оттого повсеместно развелось воровство, и грабители бесчинствовали среди бела дня.

Не в силах покончить со всеми этими беспорядками, правитель Киото доложил о них императору, и тот после тщательного расследования повелел объявить по всей стране эру благодатного правления, как это бывало и встарь, освободить людей от всяческих повинностей и долговых обязательств. В тот же день из восьми врат дворца на восток, запад, север и юг поскакали гонцы, дабы оповестить об этом народ.

Хотя императорский указ последовал в конце восьмого месяца, всем казалось, будто наступил канун Нового года. Одни с довольным видом подсчитывали свои доходы, другие же, махнув на все

рукой, сжигали счетные книги. А поскольку долговые расписки утратили всякий смысл, в одних домах по этому случаю лили слезы, в других — благословляли судьбу и на радостях пили сакэ.

Одним словом, в мире наступил совершенно иной порядок: богатые терпели убытки и делились с бедными; бедные же безнаказанно присваивали себе чужое богатство, а поскольку денег хватило на всех, раздоры между людьми прекратились.

Но человек есть человек, и даже при том, что восторжествовала справедливость, порой творились вещи постыдные и преступные. Например, один горожанин, взяв к себе на сохранение шкатулку с деньгами, которые он и его приятели копили на паломничество по храмам Исэ, под предлогом отмены долговых обязательств присвоил себе все эти деньги. Другой человек, дав жене развод, не позволил ей забрать свое приданое, хотя это было ее святое право.

Во времена, о которых ведется рассказ, на Третьем проспекте в Киото проживал некий мастер росписи по лаку. Жизнь его с женой не заладилась, так что он решил отправить ее назад к родителям. Между тем женщина была в тягости и в положенный срок произвела на свет мальчика. И вот, даже не успев покормить младенца грудью, она побежала к человеку, который в свое время был у них сватом, и сказала ему так:

— Поскольку я лишь на время одолжила свое чрево, дабы этот младенец появился на свет, ныне я, так и быть, готова простить отцу его долг и возвращаю ему чадо.

Отец же младенца возразил:

— Нет, это я одолжил той женщине свое семя. Ныне несправедливо было бы взыскивать с нее долг, так что младенца я оставляю ей.

Как ни пытался сват урезонить бывших супругов, каждый из них стоял на своем и не желал уступать. В конце концов свату ничего не оставалось, как обратиться к самому правителю Киото. Правитель призвал к себе родителей младенца, а также всю их родню и сказал:

— Нынче, в век справедливого правления, многие горюют, потому что не могут вернуть того, что им принадлежало. Вы же держите себя с достоинством, не считаясь с собственными убытками и желая отдать друг другу то, что принадлежит каждому из вас. При этом каждый из вас по-своему прав. Посему этого младенца, покуда ему не исполнится пятнадцать лет, мы отдадим на попечение свата. Когда же он войдет в разум, сам скажет — мать ли одолжила свое чрево или отец — свое семя. Вот тогда мы и решим, как поступить. Итак, до пятнадцати лет пусть мальчик живет у свата, ухаживать же за ним должны родители. Посему и отцу и матери надлежит неотлучно находиться при ребенке и пестовать его. В случае смерти ребенка будут опрошены соседи, и если окажется, что он умер от какого-нибудь недуга, никто не будет наказан. Если же кто-нибудь осмелится обидеть ребенка, получит по заслугам.

Поскольку таково было решение самого правителя, бывшим супругам пришлось смириться и, как было велено, день и ночь проводить в доме свата, ухаживая за младенцем. Однако же все это продолжалось недолго: вскоре женщину стали тяготить обращенные к ней косые взгляды, мужчина же,

вынужденный заботиться о ребенке, совсем забросил свою работу. Посему бывшие супруги в конце концов помирились и решили снова жить вместе, а ребенка забрать к себе. Сват испросил разрешения правителя, и поскольку тот ответил согласием, все устроилось так, как того хотели супруги. Теперь они зажили в мире, и сын у них вырос смекалистым. С юных лет стал сам зарабатывать на пропитание и к родителям относился с большим почтением.

Но вот что однажды случилось. Дело было во время праздника Гион, когда по улицам проезжали нарядно изукрашенные паланкины. Вслед за колесницей, увенчанной лунным серпом, показался ковчег, воспроизводящий сцену из притчи о Каккё, одном из двадцати четырех добродетельных сыновей, который, чтобы прокормить мать, решил закопать в землю своего малолетнего сына. И где только нашелся мастер, который сумел изобразить Каккё, будто живого.

Глядя на эту сценку, люди переговаривались между собой:

— Как бы велика ни была сыновняя преданность, но закапывать в землю собственное чадо — это уже слишком! Хорошо еще, что этому человеку повезло и он нашел в земле котел с золотом. А если бы этого не случилось? Тогда жизнь ребенка была бы загублена. Вот здесь неподалеку стоит один молодой человек. Когда он был маленьким, родители его не ладили между собой и пытались сбавить его один другому, так что жизнь бедняжки была под угрозой. И что же — этот юноша вырос и настолько почтителен к своим непутевым родителям, что передать трудно. Видно, Небо не очень-то карает за дурные дела.

Юноша стоял неподалеку и слышал все, о чем говорили люди. С тех пор он затаил обиду на родителей, забрал накопленные деньги и бесследно исчез.

СЕСТРЫ-РАЗБОЙНИЦЫ

Кто-то сказал в старину: «Близкие души — близкие помыслы». Помыслы же человека могут быть устремлены как к добру, так и к злу. К сожалению, последнее случается чаще.

Во времена давно минувшие в землях Оу перестали следовать законам, установленным правителем, и повсюду бесчинствовали грабители и разбойники. Ныне же, в наш благословенный век, на земли те снизошло спокойствие, и никто больше не зарится на чужое. До самых гор и морей провинции Митиноку, той самой, где произрастают золотые хризантемы, распространился путь праведного правления. Не шумит ветер в соснах, не вздымаются волны на море, не сыщешь больше в тех краях нечестивца.

Но раз уж зашла речь о прошлом, то вот что случилось весной второго года эры Тайэй во времена императора Го-Нара. Жил в ту пору разбойник, известный по всей провинции Митиноку. Он убивал путников на дорогах, а добро их и деньги себе забирал. Со временем стал он богачом, каких немного на свете, и жил в такой роскоши, что любой благородный мог бы ему позавидовать.

Вздумалось ему как-то съездить в столицу, взял он с собой дружков и отправился в путь. В столице

стал развлекаться и встретил однажды красавицу девушку, в которую влюбился без памяти. Отец девушки в прошлом преуспевал, а ныне влачил нищенское существование. Не ведая, что дочь его приглянулась отъявленному злодею, он решил, что рано или поздно ее все равно надо выдавать замуж, к тому же в восточных землях жить проще, нежели в столице, и согласился отдать ее в жены разбойнику. Тот же, не теряя времени, посадил девицу на лошадь и вместе с ней вернулся к себе домой. Всем сердцем любя молодую жену, он ничего для нее не жалел, и женщина жила в радости и достатке. Вскоре она поняла, что муж добывает богатства нечестным путем, и очень из-за этого опечалилась. Но в конце концов смирилась со своей долей, поскольку была всего-навсего женщиной и некому было помочь ей вернуться в столицу. Мало-помалу она привыкла к своей новой жизни и даже радовалась, когда муж, возвращаясь домой, говорил: «Повезло мне сегодня — снял с одного человечка превосходное косодэ!» Теперь она с интересом выслушивала рассказы мужа о самых страшных его злодеяниях, и даже вид топора с отточенным лезвием не пугал ее больше. Так незаметно она сама почувствовала вкус к дурным делам.

Спустя некоторое время жена родила разбойнику двух дочерей, и супруги радовались, что будет кому позаботиться о них в старости. Но тут неожиданно разбойник захворал и умер.

Тяжело стало беззащитной вдове жить в глухих краях Митиноку. Все добро сразу же растащили дружки покойного — такие же разбойники. Остались только копье да алебарда. И вдова, оказавшись без средств к существованию, занялась

разбойничьим промыслом, хоть и не женское это дело. По ночам выходила грабить на дорогу, тем и жила.

Когда дочери подросли, она их тоже стала обучать разбойничьему ремеслу, вместо того чтобы приохотить к тканью полотна, как это пристало деревенским девушкам. Она научила их напускать на себя свирепый вид, устрашать путников, отбирать у них все, что бы ни попало под руку. Нападать приказывала лишь на горожан да на крестьян, самураев не велела трогать. Девушки были хрупкие и находились в том возрасте, когда полагается думать о любви, зато нрав имели лютой, как у отца. Каждый вечер они промышляли на большой дороге, помогая матери.

Как-то раз брели они по тропинке среди заболоченного луга и вдруг увидели оставленный кем-то кусок шелка дивной красоты. Было в нем никак не меньше десяти хики.

«Вот уж поистине небесный дар!» — обрадовались девушки и, хоть были они сестрами, сразу же заспорили, кому достанется находка. В конце концов решили разделить шелк поровну и так поладили между собой.

— Скоро весна, — размечталась одна из сестер, — и я смогу отправиться на любование цветущими вишнями в новом наряде. Хорошо бы выкрасить этот шелк в цвет алой сливы или глицинии.

— Вот бы сшить из этого шелка летнее кимоно — сверху белое, а с изнанки зеленое, подобно цветку уцуги, — вторила ей другая. — Славный получился бы наряд!

Эти мечты так распалили сестер, что в одной и в другой разыгралась неумная алчность.

«Если бы нынче сестрица не отправилась вместе со мной, — подумала про себя младшая, — весь шелк достался бы мне. Вот выйдем в открытое поле, я прикончу сестрицу и возьму себе ее долю».

Старшая между тем тоже жалела, что согласилась разделить шелк пополам, и тоже вознамерилась убить сестру. А пока они продолжали путь как ни в чем не бывало.

Вскоре они вышли в поле и тут увидели, как дымится погребальный костер. Старшая сестра задумалась о быстротечности человеческой жизни и невольно устыдилась: «Какую жестокость хотела я совершить! Мыслимое ли дело из-за какого-то шелка убивать родную сестру!» И чтобы избавиться от искушения, она бросила свой кусок шелка в огонь. Ее примеру последовала младшая сестра.

Старшая удивилась:

— Отчего ты бросила шелк в огонь?

В ответ младшая залилась слезами и промолвила:

— Стыдно признаться, но из-за ничтожного кусочка шелка я хотела тебя убить, а потом сказать, что тебя убил повстречавшийся нам путник. Я даже не подумала о том, какое горе причинила бы матери!

Тронутая этим признанием, старшая сестра сказала:

— Как это ни горько, но у меня на уме было то же самое. Век наш на земле недолог, и если мы и впредь будем творить злодеяния, в грядущей жизни нас постигнет суровая кара!

Вернувшись домой, сестры сожгли свои копья, которыми устрашали путников на дороге, и ступили

на путь просветления. Их примеру последовала мать. Так разбойницы стали чистыми сердцем монахинями.

Некогда какой-то святой мудрец изрек: «Свет вечной истины да воссияет над всеми, пребывающими во мраке и лжи».

Вот один из примеров того, как, растаяв, лед превратился в чистую воду.

Сборник
«ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ»

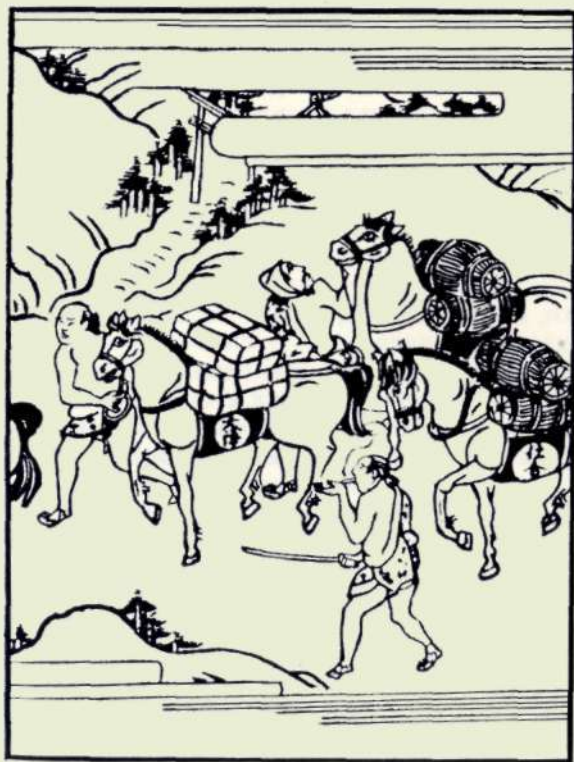

**НЕОЖИДАННОЕ ВЕЗЕНИЕ, ИЛИ ПОГОНЩИК
РОКУДЗО, СТАВШИЙ ПЕРВЫМ КУТИЛОЙ
В ООЦУ**

В рассказе сем повествуется о счастливых событиях, какие могут привидеться разве что только во сне. А самыми счастливыми считаются сны, в которых видишь гору Фудзи.

До чего же хороша в рассветных лучах заснеженная вершина горы Хиэйдзан, которую недаром нарекли «Фудзи столицы». Однажды ранним утром погонщик Рокудзо из Ооцу, расставшись со своими товарищами, державшими путь в Фусими, поспешал по дороге, ведущей в столицу. Вез он в рыбную лавку на улице Нисикикодзи вяленую кету и размышлял, как это ни странно, о непрочности всего мирского. «Вот ведь рыба, которую я везу, — думал он, — в свое время преспокойно плавала в воде...»

Так размышляя, Рокудзо добрался до Аватагути, откуда до столицы уже рукой подать. Время было раннее: колокол еще не пробил и шести, еще и не рассвело как следует. Вдруг слышит Рокудзо, к нему обращается какой-то человек, судя по выговору — столичный житель, только в потемках его не видно.

— Не довезешь ли меня до улицы Хаттё в Ооцу? — жалобно просит незнакомец. — Сам я не в силах больше ни шагу пройти.

— Вот бедолага! — воскликнул погонщик. — Ну что же, садитесь на лошадь. — С этими словами он свалил поклажу у обочины дороги. Оставить поклажу вот так, без присмотра, можно лишь в век поистине праведного правления!

Тут неожиданно налетел сильный ветер и стал срывать с лошади набрюшник с гербом в виде знака «сосна», вписанного в круг. Полил холодный дождь, и всадник так продрог, что не мог даже пошевелиться.

— Подойди ко мне, я должен тебе кое-что сказать, — слабым голосом позвал он Рокудзо.

«Ну вот, посочувствовал человеку, а теперь с ним хлопот не оберешься», — с досадой подумал погонщик, но отступить было поздно.

— Я смотрю, вы совсем приуныли, — сказал он незнакомцу. — Потерпите самую малость. У развилки есть чайная, подкрепитесь немного, и вам станет легче. Ну-ка, откройте рот. — Рокудзо набрал в пригоршню воды, стекающей со скалы, и дал незнакомцу напиться. Тот перевел дух и принялся рассказывать:

— Отец выгнал меня из дома, и я решил отправиться в Эдо, но не добрался туда. Придется мне, видно, здесь принять смерть. Кто мои родители, я говорить не стану, теперь это уже бесполезно. Прошу тебя, когда я умру, предай мое тело земле и отслужи

заупокойную службу, чтобы душа моя поскорее достигла рая. В исподнем у меня зашита тысяча золотых. Дарю эти деньги тебе, но при одном условии: тратить их ты должен только на дзёро в квартале Сибая-мати. Это будут лучшие поминки по мне. — С этими словами незнакомец испустил дух.

Рокудзо собрался было похоронить умершего вблизи храма Сэкидэра в Ооцу, но тут из столицы примчался какой-то человек, в глубокой печали погрузил тело в паланкин и увез. Целых пять дней ждал Рокудзо, — думал, может, приедет еще кто-нибудь из столицы, но никто не приехал, а на седьмой день отправился в квартал Сибая-мати и принялся сорить деньгами. Он пригласил всех до единой дзёро, о которых много лет вожделенно мечтал, и предался разгулу, не разбирая, ночь на дворе или день. Поначалу, видя, как он роскошествует, люди дивились, откуда у погонщика столько денег, но вскоре всякие толки прекратились, и Рокудзо стал желанным гостем в веселом квартале.

Теперь Рокудзо уже не ходил лохматым, а делал себе прическу по последней моде, не пил сакэ из чайной чашки, как прежде, а только из чарки и вместо песен погонщиков распевал модные песенки, какие обычно исполняют в домах любви. Он изучил обычаи веселого квартала и вскоре превзошел всех кутил. Постепенно он приобрел такое влияние, что дзёро Хёсаку в знак любви и вечной ему верности отрезала себе мизинец. Одним словом, Рокудзо стяжал себе славу покорителя сердец, равного которому не сыскать во всем Ооцу. От прежних его привычек погонщика не осталось и следа, более того, он сделался законодателем мод. Настолько хорошо изучил он достоинства и недостатки куртизанок из квартала

Сибаямати, что эти его познания легли в основу книги «Пожар в груди», которая своей известностью могла поспорить с книгой «Белая ворона», посвященной куртизанкам Симабары.

Стоило кому-нибудь в веселом квартале услышать новую забавную историю, как среди посетителей тотчас же распространялся слух, будто сочинил ее сам непревзойденный господин Рокудзо.

Да, так уж повелось, если у человека есть деньги, все считают его и остроумным, и изысканным. А уж в веселом квартале с деньгами и вовсе не мудрено прославиться. Хоть и старая это истина, а как не сказать: «Все в нашем мире решают деньги!»

ХИТРОУМНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ВДОВЫ, ИЛИ КУТИЛА, КОТОРОМУ УЛЫБНУЛОСЬ СЧАСТЬЕ

Такова уж доля некоторых отцов — прогонять из дому беспутных сыновей. В прежние времена эти юноши, вынужденные бежать из столицы, чаще всего находили себе пристанище в Тамбе, ныне же этот обычай устарел, и они, раз уж на то пошло, норовят оказаться не в какой-то глуши, а в Эдо, непременно в Эдо. Поначалу они слоняются по городу, точно бродяги, но вскоре находят добрых людей — посредников по найму прислуги, готовых за них поручиться, и те помогают им обосноваться на новом месте.

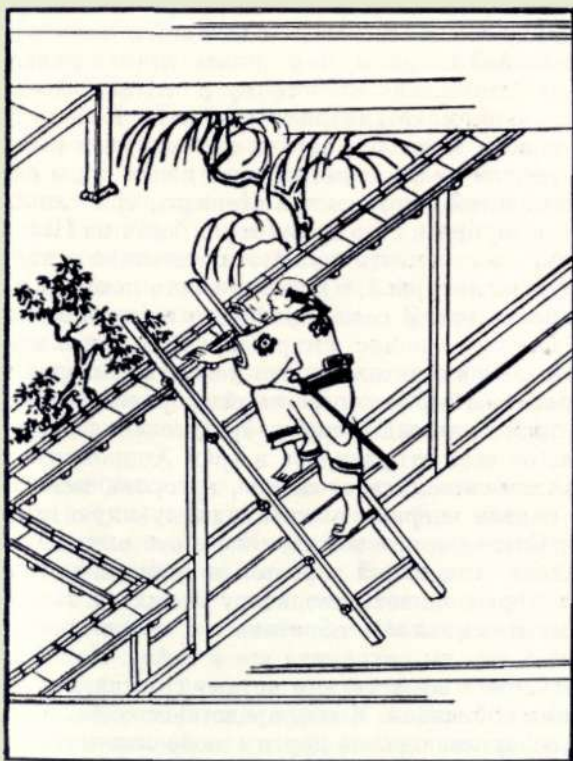
Однако же беспутных гуляк можно встретить не только в столице, их и в других городах хватает. Жил в Эдо некий горожанин, отчаянный кутила. Дни и ночи напролет предавался он разгулу с куртизанкой

Кониси из веселого квартала в Санъя, за что был изгнан отцом из дому и лишен наследства. И вот решил он попытать счастья в столичном городе Киото. Там, неподалеку от Карасумы, у него отыскался приятель, который пристроил его к делу.

Кутила же наш, однако, был не очень-то усерден в труде и привычек своих не менял, заботясь лишь о том, чтобы и здесь, в столице, узнали о его мужских достоинствах, и радея о своей наружности. В хозяйстве он ничего не смыслил и вскорости обнищал. Между тем, когда он еще только отправлялся из Эдо, мать послала за ним вдогонку слугу и велела передать сыну тридцать золотых, но не прошло и полугода, как он все их истратил. Если прежде ему еще удавалось кое-как сводить концы с концами, то теперь он совсем приуныл. Ведь горечь нищеты вкусил он впервые.

В поисках заработка взялся он за нитку с иглой, стал мастерить кисеты из промасленной старой бумаги и продавал их по восемнадцати медяков за сотню. Хорош заработок, нечего сказать! Как ни уговаривал себя бывший кутила, что и эти гроши — все-таки ниточка, привязывающая его к жизни, столица ему вконец опостылела. Единственное, что оставалось м и л о , — это воспоминания о жизни в Эдо. Бывало, скупая в одиночестве ночами, он принимался подсчитывать, сколько отцовских денег промотал. Получалась громадная сумма — две тысячи семьсот золотых рё и девятнадцать каммэ серебром. «Какие добрые семена держал я в руках и как бестолково их разбросал! — горько сетовал он на самого с е б я . — Увы, теперь они никогда не дадут всходов». Но, как известно, запоздалым раскаянием делу не поможешь. «О чем ты горюешь, прибрежная ива?» — поется в песне. Наверное,

о том, что прошлое кануло в воду, что былого уже не воротить...

Между тем по соседству с жилищем нашего кутилы, с южной стороны, находилась винная лавка, ничуть не уступавшая известному в столице заведению под названием «Мандариновый цвет». Хозяин лавки умер совсем молодым, оттого, наверно, что жена его была редкой красавицей, как две капли воды схожей со знаменитой куртизанкой Нокадзэ, той самой, которую выкупил в свое время один богач из Нагасаки. Так вот после смерти мужа эта женщина осталась с двухлетней дочуркой, о которой много пеклась, и хотя находилась она в самом расцвете молодости, строго себя блюла — вполне смирившись со своею вдовьей участью. Не удивительно, что в нашем беспутном мире слыла она зеркалом женской добродетели.

И вот однажды сия добродетельная вдовушка тайне от всех отправилась в храм Хонкокудзи и поведала тамошнему настоятелю, которого, кстати сказать, видела впервые в жизни, следующую историю.

— Слышала я, — начала она, — что в числе ваших прихожан есть некий торговец шнурками мотоюки из Эдо, который живет неподалеку отсюда, в Карасуме. Потому и осмелилась обратиться к вам с просьбой, в надежде, что вы сохраните все в тайне. Надобно вам сказать, что я вдовствую и потому совершенно чужда мирским соблазнам. И вот, представьте себе, этот торговец шлет мне одно за другим любовные письма. Все до единого я, разумеется, оставила без ответа, а вскоре и вовсе перестала думать о них. Но вот недавно этот человек, позабыв всякий стыд, снова прислал мне письмо. То, что он пишет, поистине ужасно. Послушайте! *«Я приставлю к ограде Вашего дома лестницу и тайком проберусь в сад в том месте, где посажен*

дуб. Как раз под дубом находится уборная; спрыгнув с ограды, я окажусь на ее крыше, а затем, зацепившись ногой за задвижку двери, спущусь в сад и направлюсь прямехонько к гостиной, так что не сочтите за труд приоткрыть чуточку ставни. Коли Вы поступите противно моей воле, убью и Вас и себя. Это я решил твердо». Вот какое письмо прислал мне этот мужчина. Если об этом станет известно в округе, ему недобровать. А уж про меня и говорить нечего — кто вступится за вдову? Поэтому сделайте милость, то, что услышали, сохраните в тайне. Мужчине же этому строго-настрого запретите писать мне. Так вы обоих нас спасете от неминуемой г и б е л и. — Сказав это, женщина удалилась.

Священник не медля послал за торговцем, и когда тот явился, принялся ему выговаривать, при этом вид его не предвещал ничего доброго. Закончил священник так:

— Вспомните, при каких обстоятельствах вам пришлось покинуть Эдо. Натворите бед здесь — совсем будет худо, ведь в Киото у вас нет родственников, могущих прийти на помощь. Выбросьте же, пока не поздно, эту сумасбродную затею из головы!

При этих словах мужчина изменился в лице и воскликнул:

— Все, все это ложь от начала и до конца! Ничего подобного у меня и в мыслях не было. Не жить больше на свете тому, кто возвел на меня напраслину, кем бы он ни был!

Гневные выкрики торговца, однако же, нимало не смутили священника.

— У меня есть веское доказательство, что это не клевета. Ко мне сегодня приходила небезызвестная вам вдова и с глазу на глаз поведала о вашем

коварном замысле. Ну что, теперь, надеюсь, вы не станете отпираться?

Торговец этот был повесой эдоской закваски, он живо смекнул: «Все это, видать, неспроста. Хоть у меня и в мыслях ничего подобного не было, вдовушка эта наговорила на меня небылиц наверняка не без умысла». Священнику же он ответил так:

— Вы правы. По молодости лет я наделал немало глупостей. Видно, и впрямь мне следует послушаться вашего совета и отказаться от этой затеи.

Оставив священника в совершенном удовольствии от такого поворота событий и взяв с него слово хранить дело в тайне, повеса помчался домой и стал с нетерпением ждать наступления темноты.

Когда пришло время, он влез на ограду в том месте, где указала вдова, и с мыслью: «Вот так ловко придумала!» — без труда проник в сад и затаился под деревом. Тут вдова взяла его за руку и повлекла в дом. «Уж не сон ли это?» — только и успел подумать повеса, как очутился рядом с женщиной в теплой постели, на мягкой подушке, укрытый двойным одеялом, от которого исходил аромат алоэ. Лежит он, а самого дрожь пробирает — и радостно ему, и боязно. Некоторое время он пребывал в растерянности, прикидывая, как лучше поступить, но потом рассудил, что раз у этой женщины нет мужа, то и опасаться особенно нечего. Тут он принялся ублажать вдову, которая целых три года блюла себя, да так, что потом ей было, пожалуй, что вспомнить.

Вдова прямо голову потеряла и, презрев пересуды, много раз назначала свидания повесе, всякий раз припасая в рукаве звонкие дары, с которыми на этом свете не пропадешь. Так что вскоре наш купец сколотил себе состояние не из последних в столице и стал

торговать шелком. Что же до вдовы, то со временем она ему прискучила, и он снова повадился в веселый квартал Симабара. Влюбился он без памяти в куртизанку по прозванию Самон, но не успел толком насладиться ею, как у него появился соперник, небезызвестный в столице богач-меняла. Не прошло и полугода, как повеса растратил все деньги, которые получил от вдовы. Не зря говорят, что страсть губит людей. И впал наш кутила в состояние еще более жалкое, чем прежде.

Если кто хочет взглянуть на него, ступайте к мосту Бунгобаси, что в Фусими, и спросите монаха-отшельника. Он читает молитвы и заклинания в дни, когда ожидают восхода луны или любят первыми лучами солнца, тем и кормится. А еще, говорят, он умеет предсказывать судьбу. Любопытно, какую судьбу нагадал он себе самому?

ПОЖИЛОЙ КУТИЛА, СГОРЕВШИЙ В ОГНЕ ЛЮБВИ

Что ни говорите, но смешон тот, кто делает вид, будто его с души воротит от дел любовных. С самой эры богов любовь — высочайшее из доступных человеку наслаждений. Откуда, вы думаете, появились на свет Конфуций или, скажем, Ванкю? Говорят, что Будда Сакьямуни изволил родиться из подмышки, только люди сейчас не особенно в это верят. Да и как может быть иначе, если, кроме праведников, которые словно одержимые бьют в гонг да читают молитвы, есть немало монахов, от которых за версту несет скоромным!

Жил в столице сливовых цветов один человек. Вел в былые годы торговлю в Эдо и сумел сколотить большое состояние. Всю жизнь он только и делал, что следил за делениями на шкале весов, и никаких радостей не изведал. Так дожил он до восьмидесяти шести лет. Детей у него не было, так что пришлось ему взять в дом приемного сына, и теперь, на склоне лет, старик не находил себе покоя, оттого что рано или поздно все его деньги, из которых он и малой толики не потратил на развлечения, перейдут в чужие руки.

И вот старик этот занемог, да так сильно, что казалось, вот-вот наступит ему конец. Чем только его ни лечили, ничто не помогало, стар уж был чересчур, так что в конце концов вместо лекарств ему стали давать понемногу рисового отвара в раковине моллюска.

Однажды, когда у постели больного собрались домочадцы и слуги, готовые выполнить любую его просьбу, старик открыл глаза и, точно в полусне, произнес:

— Огонь... Хочу видеть огонь...

«Не иначе как это конец», — решили слуги и, открыв дверцу домашней божницы, зажгли светильник.

— Вот он, свет р а я , — сказали они стар и ку . — Скоро душа ваша попадет в тот благословенный край.

— Да н е т , — простонал стар и к , — не о святом огне я толкую. Об огнях, которые зажигают ночью. На них хочу напоследок взглянуть...

Удивились слуги. Кто-то спросил:

— Вы имеете в виду огни, которые зажигают над уличными ларьками во время десятинощных служб?

— Нет. Огни в квартале Симмати, — ответил умирающий и, подзвав к себе приемного сына, сказал: — Одно лишь удручает меня перед смертью, что я ни разу в жизни не видел дзёро. Сведи меня

с какой-нибудь дзёро, чтобы у меня осталась память об этом мире. Тогда я умру спокойно.

Сын сразу же отправился в дом свиданий и потихоньку рассказал там о желании старика.

— Ну что же, — ответили ему, — любой человек может купить дзёро за деньги, так что не стесняйтесь, привозите вашего отца.

Сын усадил старика в паланкин и бережно доставил в Симмати. В доме свиданий к старику тотчас же вышли таю. Когда принесли сакэ и закуски, он оживился и сказал:

— Пусть эти красавицы находятся неотлучно при мне тридцать дней. Буду выздоравливать здесь. — С этими словами — и кто только его научил? — старик вынул из-за пазухи то, чего люди жаждут больше всего на свете, и дал каждой женщине по пять, а то и по шесть золотых.

Столь щедро вознагражденные, таю обрадовались и воскликнули:

— О, пожилой господин решил оставить по себе добрую память! — С тех пор в доме свиданий его называли не иначе как «щедрым пожилым господином».

Спустя четыре-пять дней старик настолько распалился, что пожелал возлечь на ложе с одной из таю. Нельзя сказать, что женщина очень этому обрадовалась, но возражать не стала и скрепя сердце согласилась. Увы! — как ни старался старик, достичь цели не смог. Тогда он опечалился, заплакал и говорит:

— Будь я лет на тридцать моложе, не отступил бы с позором. Может, есть здесь где-то поблизости в лавке лекарство от старости, за одну пилюлю я готов заплатить тысячу каммэ.

Жаль старика, но как тут было не подумать, что всему на свете есть свой срок. Развлекаться в веселых

кварталах следует до сорока лет, заводить тяжбы — до пятидесяти. А потом остается лишь помышлять о загробном блаженстве.

— Вот пожить бы мне еще хоть два-три года, — говорил между тем старик, — встретить здесь Новый год и праздник Бон, поглядеть на знаменитые здешние пляски!

— Правильно! — рассмеялся т а ю . — Захватите их с собой на память, когда соберетесь отойти в мир иной!

— А что, — откликнулся старик, — пожалуй, я останусь здесь до своего смертного часа. А когда помру, прямо отсюда и отправлюсь на тот свет. Вот уж будет мне что вспомнить о бренном мире! — С этими словами он попросил куртизанку, которая была ему особенно мила, приготовить лекарственный отвар, и хотя чашечка этого отвара обошлась не меньше чем в шестнадцать моммэ серебром, старик не унывал: даже болеть в веселом квартале было для него ни с чем не сравнимым удовольствием. Обходились же с ним на редкость любезно и предупредительно, — ведь за каждый день, проведенный здесь, он щедро платил.

Однако же всякий человек смертен, и однажды старик скончался. Хотя дело давно уже к этому шло, куртизанки сильно горевали и даже искренне оплакивали старика. В тот же день тело его предали огню в Дотомбори, а наутро даже пыли и пепла от него не осталось, к вечеру же и говорить о нем перестали.

Сборник
**«СОПОСТАВЛЕНИЕ ДЕЛ ПОД СЕНЬЮ
САКУРЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ»**

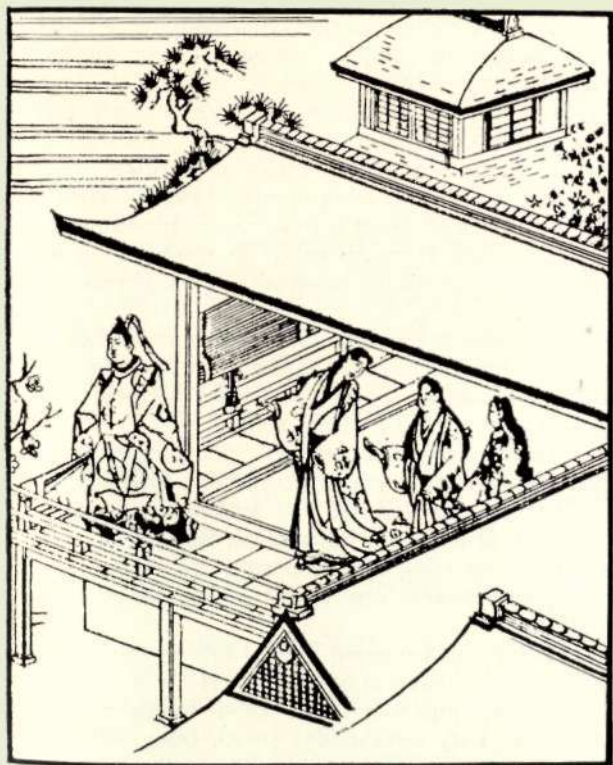

ЖЕНЩИНА, ПОВЕРГШАЯ В СЛЕЗЫ СОЛОВЬЯ

Жил в старину в столице на улице Сэмбондори некий ронин, происходивший из знаменитого самурайского рода. Он не только превосходно владел премудростями ратного дела, но прославился еще и как искусный певец. По этой причине его нередко приглашали в знатные дома. Так и жил этот ронин, ублажая своим искусством сильных мира сего.

Однажды ронина пригласили во дворец некоей высочайшей особы, где в тот вечер проводилось первое в году пение утай. Пришлось ронину заночевать во дворце, а когда на заре он вышел в сад полюбоваться сливовыми деревьями, то увидел, что в этом году цветы

на них появились раньше обычного. Но еще больше поразил ронина соловей, который, сидя на верхушке ивы, выводит свою переливчатую мелодию. Как выяснилось, владелец дворца давно мечтал заполучить столь необыкновенную птицу.

— Что ж, это желание нетрудно выполнить, — сказал ронин. — В западной стороне столицы живет искусный птицелов, мой добрый знакомый.

Услышав об этом, хозяин чрезвычайно обрадовался, ронин же поспешил к птицелову и вскоре привел его во дворец. Птицелов искусно снял соловья с дерева, за что удостоился щедрых даров. С тем он и отправился восвояси.

На следующий день, когда ронин явился в дом птицелова, чтобы поблагодарить его за услугу, жена птицелова вцепилась в него и стала вопить:

— Куда вы увели моего мужа?

— Ничего не понимаю... — растерялся ронин. — Он должен был вернуться еще вчера вечером.

— Только вы знаете, где мой муж. Немедленно верните его мне! — не унималась женщина.

На ее крик сбегались соседи. Не успев ни в чем толком разобраться, они сразу же взяли сторону жены птицелова:

— Сосед ушел с вами. А раз его до сих пор нет, с кого же спрашивать, как не с вас?!

Ронину трудно было что-либо возразить в свое оправдание. Ему оставалось лишь предложить женщине отправиться во дворец, где вчера побывал ее муж, но та и слушать об этом не захотела и поспешила к наместнику сёгуна.

Его превосходительство вызвал к себе ронина и в ходе дознания попросил его рассказать, к кому тот отправил птицелова накануне его исчезновения. Но в этот

важный момент в ронине выиграл дух самурая, и он отвечал:

— Ни к кому. Мы весь день проговорили в моем доме.

Казалось бы, на что просто было ронину рассказать все как есть, однако же он этого не сделал.

— Странно, — возразил наместник сёгуна. — Ведь только что в разговоре с соседями вы дали понять, что были у кого-то другого.

Однако ронин и тут не открыл высочайшего имени. Это показалось наместнику сёгуна подозрительным, и он вновь обратился к ронину:

— Похоже на то, что вы совершили преступление. Но добиться от вас признания я не могу, быть может, вы заговорите под пыткой?

Изменившись в лице, ронин произнес:

— Что таиться. Я убил птицелова.

Тут женщина закричала:

— Вот бессердечная тварь! А еще прикидывался другом моему мужу! Из ненависти ли он совершил убийство или из алчности, все равно это невиданное злодеяние!

Утихомирив женщину, наместник сёгуна спросил ронина:

— Где же находится труп? — на что тот совершенно спокойно отвечал, что, мол, это ему неизвестно.

— Зачем же тогда вы признались в убийстве? — снова спросил наместник сёгуна.

— Но ведь вы сами сказали, что подвергнете меня пыткам, если не признаюсь. А для самурая это бесчестье, которого не смыть во веки веков.

Так ответил ронин, и наместник сёгуна признал его невиновным. До окончания следствия ронина ввели попечению чиновников из городской управы и

даже вернули ему оба меча — большой и малый, так что все обошлось благополучно. Затем наместник сёгуна приказал разыскать следы птицелова и всем снова явиться к нему.

Вернувшись домой, люди разбились на группы и отправились на поиски. Вскоре наместнику сёгуна доложили:

— Труп птицелова обнаружен, как это ни странно, на дороге, ведущей в Такэду.

— В таком случае это дело рук какого-нибудь разбойника, — сказал наместник сёгуна. — Убитого следует немедленно захоронить. Иначе, увидев его, женщина будет горевать еще больше. Следствию же труп ничем не поможет. Поэтому без всякого ущерба для дела можно предать останки птицелова земле. Вдове я выражаю свое глубокое соболезнование, она ведь осталась совсем одна, детей у нее нет. Посему соседям надлежит всячески опекать бедную женщину и заботиться о ее пропитании.

Проявленное наместником сёгуна милосердие вызвало у всех слезы благодарности.

— Послезавтра, девятнадцатого числа, — продолжал наместник сёгуна, — как всегда, будут совершены заупокойные службы в память об умерших, поэтому я распоряжусь, чтобы вдове птицелова выдали деньги на погребение мужа. Их должен получить кто-нибудь из ее родных или особо близких людей.

Женщина вновь поблагодарила наместника сёгуна, и на том все разошлись.

И вот ранним утром девятнадцатого числа к наместнику сёгуна явился мужчина лет двадцати пяти и сказал, что пришел за деньгами.

— Кем вы доводитеесь вдове птицелова? — спросил наместник сёгуна.

— Я друг ее покойного мужа, — отвечал тот, — потому она и попросила меня об услуге.

— Родство, прямо скажем, — не самое близкое, чтобы вы сочли себя вправе явиться за деньгами, — сказал наместник сёгуна и учинил ему допрос с пристрастием. В ходе допроса выяснилось, что мужчина вошел в тайную связь с женой птицелова и, сговорившись с нею, убил его. За столь тяжкое преступление мужчину приговорили к казни.

ТЕНЬ РАЗРЕШАЕТ ВСЕ СОМНЕНИЯ

Жил в старину в столице некий торговец лесом. Дом себе он выстроил, как и подобает, чтобы не чувствовать в нем летнего зноя, и столько сложил древесины на стрехах, что казалось, туда свезли весь лес с гор Кисояма. Говорят, будто сосна с самой молодой зелени печется о том, как превратиться в могучее дерево, — так и этот торговец смолоду заботился об укреплении своего дела. Еще говорят, будто сосна живет тысячу лет, — видно, наш торговец рассчитывал прожить не меньше, потому и заготовил леса столько, что его хватило бы и правнукам его, и праправнукам.

Лесоторговцу уже перевалило за восемьдесят, но он не хотел передавать хозяйство сыну и находил особое удовольствие в том, чтобы под Новый год подсчитать доходы от своей торговли.

— Подумать только, — судачили люди, — голову посеребрил иней, на лбу волнами вздымаются морщины, спина скрючена, точно горбатый мост, а он все хлопочет по хозяйству, как будто иначе ему при-

шло бы голодать. Умри он сейчас — наверняка первым попадет в адову огненную колесницу!

Пересуды эти в конце концов дошли до старика, и вот однажды, услышав стук барабана, возвещающий начало службы в близлежащем храме, он неожиданно отправился на богомолье.

— Смотрите-ка, вдруг на старости лет вспомнил о загробном блаженстве, — снова стали потешаться над ним люди.

Однако старик искренне устремил свои помыслы к спасению и с тех пор ни разу не свернул со стези подвижничества. Что же в том дурного? Короче говоря, такая произошла в нем перемена, что теперь он отличался от себя прежнего, как небо от земли. Все свое состояние в тысячу каммэ он разложил по парным ящичкам и вручил сыну, сам же отошел от дел, избрав для блаженного уединения место в Окасаки. На постройку его неприхотливого жилища пошли привезенные из Саги бревна, прежде самый ходовой его товар. Из окон открывался чудесный вид на горы. Старик не переставал радоваться, что последние дни проводит в столь прекрасном месте, и сокрушался лишь о том, что не ушел на покой раньше. Одиночество его не особенно тяготило — двадцать лет назад он потерял жену и за это время вполне свыкся со своей участью бобыля.

Сын старика был человеком богатым и без труда выполнял свой сыновний долг. Что ни день, посылал отцу какое-нибудь лакомство и даже приставил к нему четырех или пятерых прехорошеньких слуганок, чтобы прислуживали за чаем. Однако старик старался не обременять прислугу и даже постель стелил и убирал сам. Словом, вел жизнь монашескую, даром что не носил черной рясы. Глядя на хозяина, вся

челядь вплоть до последнего слуги невольно стала на путь благочестия.

Была среди прислуги стряпуха, безобразная на вид. Так вот у этой стряпухи вдруг подозрительно округлился живот. Заметив это, прочие слуги стали всячески порицать ее и поддразнивать, а о старике пошла молва, будто он ужасный греховодник. Все вокруг прямо-таки возненавидели его. Кое-кто пробовал заговаривать с ним об этом происшествии, но старик твердил, что ничего подобного у него и в мыслях не было. В тот же день стряпуха была с позором изгнана из дому, а когда подошел срок, благополучно разрешилась от бремени на постоялом дворе. Родила она мальчика и берегла его пуще зеницы ока.

Как только миновал период погружения в скверну, стряпуха вместе с младенцем явилась к своему бывшему хозяину, но в доме с ней никто и разговаривать не стал. Вне себя от обиды женщина побежала к наместнику сёгуна и рассказала, как было дело. Тот вызвал старика, но он на все вопросы отвечал, что знать ничего не знает и ведать не ведает. Тогда наместник сёгуна велел обоим явиться к нему утром четырнадцатого числа, то есть на следующий день.

Старик и женщина явились, как было велено. И наместник сёгуна сказал:

— Подобное случалось в Китае. Говорят, если отцу перевалило за восемьдесят, чадо его не отбрасывает на солнце тени. Ежели младенец не отбросит тени, можно не сомневаться, что этот старик — его отец.

Мальша усадили на залитой солнцем площадке перед зданием суда — и что же? Он не отбросил тени.

Тут старику стало невозможно отпираться, и он сказал:

— Да, это мой ребенок. Признаю. А скрывал я это только потому, что мне было стыдно перед людьми.

Тогда женщина попросила наместника сёгуна решить вопрос о будущем ребенка, но тот ответил:

— Дети, подобные вашему, живут не более ста дней. Если же ему суждено выжить, вам придется снова обратиться ко мне.

Выслушав решение наместника сёгуна, все удалились.

После этого в старике проснулось отцовское чувство, и он целыми днями холил и лелеял свое чадо. Однако вскоре мальчик стал чахнуть и, как предсказывал наместник сёгуна, на девяносто седьмой день умер.

ПРИСНИВШИЙСЯ БУДДА

Жил в давние времена в столице один человек, и видел тот человек сны поистине необыкновенные. Был он ремесленником, мастерил часы, тем и кормился. И вот однажды, услышав звон этих часов, он пробудился от сна бренного мира и устремил помыслы свои к загробному блаженству. Потому в округе его и нарекли Сякаэмоном: дескать, в святости своей человек этот может сравниться с Буддой. Вдобавок волосы у него были от природы курчавые, и это тем более оправдывало данное ему прозвище.

И надо же было такому случиться, чтобы праведник этот долгие годы жил в южной части Карасумы в доме человека, который не желал соблюдать посты, потому что принадлежал к секте Икко. Даже двадцать восьмого числа в месяц инея, в день очищения

и поста по случаю годовщины смерти святого Синрана, он либо отправлялся к приятелям, таким же нечестивцам, как и он сам, либо устраивал у себя дома пирушки и угощал всех мясом или рыбой, поджаренными на дощечках из криптомерии.

И вот, в один из таких дней, домовладелец позвал к себе человек пять гостей. Вдруг является Сякаэмон, низко кланяется и говорит:

— Уже пятьдесят ночей кряду мне снится удивительный сон. Будто я сподобился божественного откровения, и не во сне, а наяву. Будто прямо под вашей спальней закопан будда из чистого золота величиной около девяти сунов. И изваян он самим Кобо Дайси. Приблизившись к моему изголовью, будда озаряет меня своим золотым сиянием и молвит: «Ведаю я, что вера твоя крепка, посему надлежит тебе во имя будущего блаженства выкопать меня из земли. Сотворив это, ты спасешь род человеческий, избавишь его от бесчисленных тяжких недугов». Вот какое было мне откровение. Позвольте же сегодня начать раскопку, ибо не меня одного желает будда одарить своей милостью, а весь род человеческий. Что же до плотников и носильщиков, то платить им буду я сам.

Но для домовладельца ничего не значили слова о будде и божественном откровении. Он хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Если бы сны сбывались, я сам выложил бы тысячу золотых, лишь бы увидеть этого будду.

Тут в разговор вступил один из гостей, человек с виду разумный:

— Вам следовало бы прислушаться к словам вашего постояльца, — сказал он хозяину. — Почему бы вам не позволить ему приступить к раскопке, тем более что все расходы он берет на себя?

Хозяин согласился, и в тот же миг вся утварь была вынесена во двор, деревянный настил с пола поднят, в дело пошли заступы и мотыги. К вечеру вырыли яму глубиной в целых пять сяку, но никакого будды не обнаружили. Нашли только чайник с отбитым носиком, несколько углей да раковину от моллюска. Яму снова забросали землей, настроение у всех было испорчено.

— А ведь я знал заранее, что так будет! — в гневе воскликнул домовладелец. Сякаэмон же ушел к себе, даже не попрощавшись.

На следующий день Сякаэмон снова явился к домовладельцу.

— Этой ночью, — сказал он, — мне опять привиделся будда, и я услышал от него новое откровение: «Чтобы обнаружить меня, вам следовало копать на два-три суна глубже к юго-востоку. Жаль, что терпения у вас не хватило. Но на сей раз вы непременно извлечете меня из земли!» Так велел будда, поэтому дозвоьте мне еще раз попробовать.

Хозяин опять согласился, и когда вырыли яму, в ней и в самом деле оказалась фигурка будды. Все возликовали, принялись поливать изваяние водой, и оно чуть-чуть заблестело. «И впрямь фигурка старинной работы», — подумал домовладелец и, обуянный жадностью, вскричал:

— Эта вещь моя!

Сякаэмон возмутился:

— Как же так? Я принял на себя все расходы, и будда по праву принадлежит мне.

— Ничего подобного! — завопил в ответ домовладелец. — Вы хотели во что бы то ни стало копать под моим домом, ну я и не возражал. Но чтобы отдать будду вам, так мы не уговаривались!

Долго еще они препирались между собой и в конце концов обратились к наместнику сёгуна.

Выслушав от начала до конца всю историю, наместник сёгуна велел им поставить на фигурке свои печати и оставил ее у себя на три дня. После этого он позвал всех ремесленников Киото, занимающихся изготовлением будд, и попросил их определить, сколько времени пробыла фигурка в земле.

— Лет пять, ну от силы с е м ь , — отвечали ремесленники, тщательно осмотрев золотое изваяние.

Тогда наместник сёгуна вызвал к себе обоих истцов, а вместе с ними попросил пожаловать пятерых членов городской управы и у этих последних спросил:

— Как давно был построен дом, под которым выкопан будда?

— Лет сорок назад, а то и больше , — был ответ.

— Выходит, благочестие твое показное, — обратился тут наместник сёгуна к Сякаэмону, — на самом же деле ты отъявленный негодяй. Рассчитав все заранее, ты в тот день, когда под домом вырыли яму, закопал в землю будду, чтобы на следующий день его там обнаружили и заговорили о тебе по всей столице. Не иначе как ты вступил в сговор с каким-нибудь продажным монахом, и сделал это с одной лишь целью — разбогатеть. Говори, как было дело, и не вздумай выкручиваться, — ведь я могу все проверить!

Такой поворот дела поверг Сякаэмона в совершенный испуг, и он, не таясь и не запираясь, признался, что на этот проступок его толкнула нужда.

— От таких, как ты , — продолжал наместник сёгуна, — людям один только вред. Особо же непростительно то, что ради наживы ты готов был посягнуть на святыню. За это полагается казнь, но поскольку ты чистосердечно признался в содеянном, я сохранию

тебе жизнь. В наказание же велю тебе взвалить на плечо мотыгу с привязанным к ней буддой, взять табличку, на которой будет написано о твоём проступке, и так три дня ходить по городу. Пусть все знают цену твоему благочестию. После этого тебе надлежит покинуть столицу. Что же до хозяина дома, то и он ничем не лучше преступника, потому что затеял тяжбу из алчности. Посему постановляю, что ему надлежит одеться в церемониальный костюм — хакама и катагин у, — взять табличку с описанием его вины и вместе с Сяказмоном ходить по городу.

Вот так рассудил дело наместник сёгуна.

ТО, ЧТО УСЛЫШАЛА ГЛУХАЯ

В старину в окрестностях Китано, неподалеку от столицы жил один человек. Изготавливал сакэ, да еще вдобавок лавку закладную держал. И вот начал он богатеть. Дела его шли в гору, дом обрастал челядью.

Была в доме среди прочей прислуги швея, женщина весьма привлекательная. И вот в один прекрасный день эту самую швею потянуло на незрелые сливы, после чего всем стало ясно, что она в тягости. Сколько ни допытывалась хозяйка, кто же отец ребенка, та ни за что не соглашалась назвать его имя. Хозяйка рассердилась, и дело кончилось тем, что распутнице дали расчет и отправили ее обратно к родителям.

Спустя полгода у хозяина случился приступ головокружения и он упал. Домочадцы заголосили,

призывая на помощь богов, но мольбы оказались напрасными, и хозяин вскоре испустил дух.

Супруга его тяжело переживала утрату, ведь детей у них не было, и теперь она осталась на свете одна-одинешенька. Родственники покойного жили далеко, на его родине в Дэве. Пришлось вдове созвать свою родню, чтобы они помогли устроить похороны.

И вот в тот миг, когда должны были выносить тело, в дом ворвалась уже знакомая нам швея с грудным младенцем на руках и, не обращая внимания на всеобщую скорбь, принялась кричать:

— Полюбуйтесь на наследника! Как видите, он благополучно появился на свет. И не без забот хозяина. Вон, спросите старшего приказчика, он расскажет, как было дело.

— Что такое? — переспросил приказчик. — Я понятия ни о чем не имею.

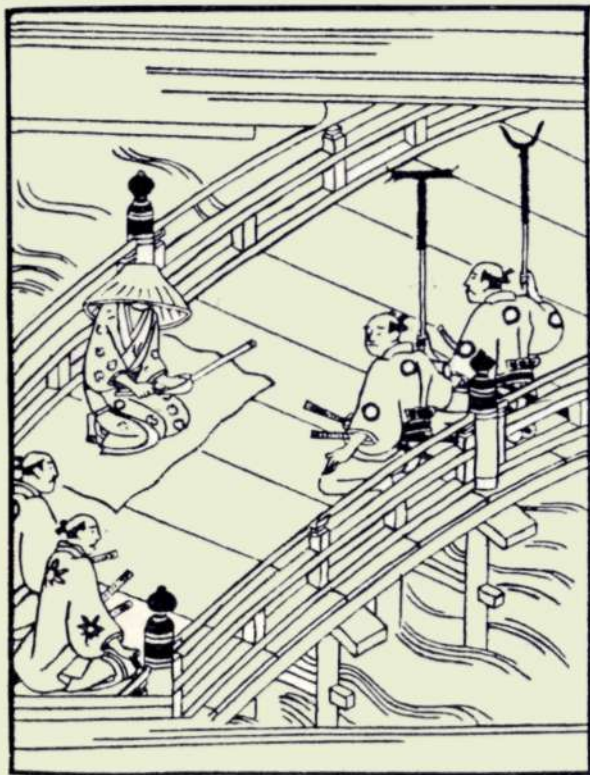
— Не имеете понятия?! — возмутилась швея. — А кто приносил мне от хозяина деньги на воспитание младенца!

— Полно вам, я даже не знаю, где проживают ваши родители!

Тут швея бросилась к приказчику и истошным голосом завопила:

— Да как вы смеее твердить, будто знать ничего не знаете, если вам хорошо известно, что это чадо вашего господина?! Берегитесь, Небо вас покарает!

Захлебываясь слезами, швея с такой силой тормошила приказчика, что едва не стащила с него белую траурную одежду; шапка его свалилась на пол. Словом, тут уж было не до похорон, а вздорная женщина побежала подавать жалобу заместнику сёгуна.

Выслушав рассказ швеи от начала до конца, наместник сёгуна вызвал к себе приказчика и учинил допрос.

— Приходится ли сей младенец сыном вашему покойному господину? Говорите чистую правду!

— Пожалуй, приходится, — отвечал приказчик. —
Подробностей я не знаю, но могу засвидетельствовать, что в конце каждого месяца хозяин отправлял меня в Фудзимори, где проживают родители этой женщины, и передавал для нее по пятидесяти каммэ серебром. Вот все, что мне известно.

— Ни с того ни с сего покойный не стал бы посылать этой женщине деньги, — сказал тогда наместник сёгуна. — Кроме того, как явствует из показаний истицы, на расспросы хозяйки она не отвечала именно потому, что отец ее ребенка — хозяин. Приняв, таким образом, всю вину на себя, она была вынуждена вернуться к родителям. Объяснение вполне убедительно. Итак, приказываю считать младенца полноправным наследником покойного, а мать младенца — кормилицей, коей надлежит должным образом заботиться о хозяйском сыне и лелеять его. Все родительские права передаются вдове, и со временем, как только она того пожелает, она может удалиться на покой, наследнику же вменяется в обязанность заботиться о ней в старости. Родственникам покойного и городским властям надлежит раз в году докладывать мне о состоянии финансов семьи. Все дела, связанные с ведением хозяйства, отныне возлагаются на главного приказчика. Как только наследник достигнет пятнадцатилетнего возраста, все имущество должно быть передано ему. До тех пор всем домочадцам следует беспрекословно подчиняться вдове. Если же, паче чаяния, у последней возникнут

сомнения относительно кровного родства ребенка с ее покойным мужем, она должна сообщить об этом мне. Покойного же следует немедленно похоронить.

Повеление наместника сёгуна было в точности выполнено. Младенца назначили наследником, покойного же похоронили по всем правилам.

Несмотря на охватившее вдову горе, она нет-нет да и предавалась сомнениям: а что, если этот младенец не сын ее мужа? «Долгие годы мы не имели детей, — размышляла она, — и муж с моего согласия взял в дом несколько миловидных наложниц. Ни одна из них не понесла от него. Так неужели он не поделился бы со мной своей радостью, если бы все было так, как утверждает швея?»

Эта мысль не давала покоя вдове, и в один прекрасный день она притворилась глухой. Отринув заботы суетного мира, она все свое время проводила подле домашней божницы, стараясь изо всех сил, чтобы никто не догадался о ее притворстве.

Незаметно подошел к концу год, наступила весна, и вот в один из дней недели весеннего равноденствия, в годовщину смерти хозяина, все домочадцы отправились в приходский храм возложить на могилу цветы и возжечь благовония. Когда все склонились перед надгробьем, вдова вспомнила прошлое и рукава ее платья увлажнились. Она взяла малыша за руку и сказала:

— Под этим камнем лежит твой отец. Не пожалей же водицы, напои вдоволь его душу.

Слова вдовы немало позабавили швею:

— Твой отец, — сказала она сыну, переглянувшись с приказчиком, — стоит перед тобой в накидке из шелка татэдзима, живой и невредимый. А ну-ка скажи этой глухой карге, что, дескать, за чепуху вы мелете?!

«Глухая», конечно же, все это слышала и на следующий день спозаранку отправилась к наместнику сёгуна.

— Мне нисколько не жаль ни денег, ни богатства, и горюю я совсем о другом, — заявила она. — Узнай мой покойный муж, что его наследником стал чужой ребенок, он перевернулся бы в гробу. — Сказав так, женщина поведала наместнику сёгуна об услышанном накануне.

Наместник сёгуна вызвал швею вместе с приказчиком и учинил им допрос.

— Отвечайте, — обратился он к швее, — почему вы назвали приказчика отцом вашего ребенка? Вдова утверждает, что слышала это вчера из ваших уст на могиле ее мужа.

— Ложь! — вскричали в один голос швея и приказчик. — Не иначе как она со своей родней решила нас опозорить. Ясное дело — не хотят выпускать наследства из своих рук, ведь распоряжаться деньгами по своему усмотрению куда приятнее! Не только нам, но и всему городу известно, что в прошлом году, то ли в четвертом, то ли в пятом месяце, вдова оглохла. С тех пор какими только лекарствами ее ни лечили, одних глиняных тарелок будде-целителю больше тысячи штук снесли — и все без толку. Когда надо было ей что-то сказать, записки писали. Как же могло случиться, что она ни с того ни с сего вдруг начала слышать, причем услышала именно то, что ей хотелось услышать?

Тут вдова рассмеялась.

— Все очень просто, — сказала она. — Не зная иного способа установить истину, я решила прикинуться глухой, хотя понимала, что это грех.

Узнав, как было дело, швея и приказчик залились

краской стыда и не нашлись, что сказать в свое оправдание.

Установив истину, наместник сёгуна приговорил обоих лжецов к смертной казни. Вдова именем покойного мужа просила его помиловать преступников. Однако наместник сёгуна помиловал только швею, но в наказание велел ей надеть на голову глиняную чашу, взять в руки бамбуковую трубку для разжигания огня в очаге и черпак и в этом обличии простой служанки три дня просидеть на мосту у Пятого проспекта, где всегда многолюдно, чтобы все видели преступницу, которая посмела возвести напраслину на своего хозяина. Что же до ребенка, то было решено отправить его к родителям швеи с тем, чтобы со временем он принял постриг.

ВОДА ИЗ РОДНИКА — ПОСЛЕДНИЙ ДАР УМЕРШЕМУ

В старину в западном конце улицы Итидзёдори в Киото мало кто селился. Жили в те времена там муж и жена, оба почтенного возраста. С трудом сводили они концы с концами. Детей у них не было, и потому будущее ничего хорошего им не сулило. Вступив в пору, когда на день вперед и то загадывать не приходится, они кое-как добывали себе на пропитание продажей метелок, которыми торговали вразнос, ежедневно закупая этот нехитрый товар в Фусими. Со временем, однако, это занятие стало им не под силу, потому что в ногах уже не было прежней крепости, и старики совсем приуныли.

Однако, как говорится, жизнь не настолько страшна, чтобы впадать в отчаяние. Позади жилища стариков стоял пересохший колодец, густо поросший мхом и превратившийся в холмик. И вот однажды этот самый холмик приглянулся некоему любителю садовых горок, и он решил его купить. Но как только были раздвинуты травяные кущи и приподняты многолетние напластования, из земли вдруг забил чистый и холодный источник.

Вскоре известие об этом источнике облетело всю столицу. «Вот лучшее спасение от летнего зноя!» — решили люди и стали стекаться к колодцу со всех концов города, чтобы зачерпнуть воды. Старика теперь все звали не иначе как Симидзу, что значит «Ключевая вода», и постепенно они со старухой стали жить припеваючи, получая деньги от тех, кто пользовался колодцем.

Между тем к западу от дома стариков жил некий домовладелец. Узнав, как повезло соседям, он решил вырыть колодец на своем участке. Теперь родник забил на новом месте, в колодце же у стариков вода иссякла. Лишившись средств к существованию, они горько сетовали на свою судьбу, домовладельца прямо-таки возненавидели, но сделать ничего не могли. А тот благополучно торговал родниковой водой, разжигая в стариках зависть и злобу. Кончилось тем, что они решили отвадить всех от колодца соседа и замыслили недоброе.

На следующий же день, чуть рассвело, старик напялил красный парик, нацепил маску черта и в этом обличиі стал время от времени выглядывать из зарослей бамбука, повергая в страх тех, кто приходил за водой. Слух о «чудище» быстро распространился, и малопомалу люди перестали брать воду в этом колодце.

Хозяин колодца был немало удивлен подобным оборотом дела. «Уж не козни ли это какой-нибудь лисицы или барсука?» — подумал он, сговорился с родственниками и устроил засаду. Как только из зарослей бамбука выглянуло «чудище», они кинулись на него с палками и тут же его убили — старик даже рта не успел открыть. При этом каждый из них очень гордился собой: шутка ли? Оборотня одолели! Но когда рассвело, они поняли, что убили не «чудище», а старика соседа. Горько жалели они об этом, однако исправить ничего не могли.

Старуха вне себя от горя обратилась к наместнику сёгуна с просьбой наказать убийцу.

Узнав, как было дело, наместник сёгуна сказал:

— Вторжение в чужой двор в столь причудливом облики, да еще среди ночи, не что иное, как преступление. Вот и выходит, что ваш муж сам виноват в своей смерти. Домовладелец же настоящий скаред, начисто лишенный совести. Отобрать у стариков жалкие крохи может лишь вор, и хотя человек этот не брал чужого добра, его все равно можно назвать вором. Поскольку убитый лишился жизни из-за воды, похоронить его надлежит на участке домовладельца, а воду из колодца использовать лишь для приношений на его могилу.

Таково было решение наместника сёгуна. Домовладелец похоронил старика, как ему было велено, и с тех пор больше не брал воды из своего колодца.

СТОИТ ЛИШЬ НАБРАТЬСЯ ТЕРПЕНИЯ — И ДЕЛО УЛАДИТСЯ

В старину жила в столице некая сваха. С любимым могла она столкнуться и потому получила прозвище «Толковая». За все годы, пока она занималась своим ремеслом, у нее ни разу не вышло осечки.

Но однажды взялась она сватать девицу пятнадцати лет за одного человека и при этом скрыла возраст жениха, а было ему от роду уже тридцать пять. И вот, когда жених отправил в дом невесты подарки и дело, казалось бы, сладилось, отец девицы неожиданно узнал, сколько лет будущему зятю, и заявил:

— Жених, что и говорить, состоятельный, только дочку я за него не отдам, ведь он ее на двадцать лет старше.

Жених между тем заявил свахе, что свадебные подарки уже отосланы, и пригрозил, если дело расстроится, принять меры.

Попав в весьма щекотливое положение, сваха обратилась к наместнику сёгуна, чтобы он разрешил этот спор.

Наместник сёгуна вызвал к себе жениха, а также отца девицы и обратился к последнему с такими словами:

— Если жених в чем-либо перед вами провинился, так и скажите. Из-за одной только разницы в годах я не позволю расстраивать свадьбу. Жених прислал свадебные подарки, и вы обязаны отдать ему дочь.

— Ведя со мной переговоры о свадьбе, — возразил отец, — сваха утаила от меня возраст жениха, теперь же я знаю, что ему тридцать пять лет, следовательно, он старше моей дочери на двадцать лет. Ну был бы он хотя бы вдвое старше невесты, я не стал

бы возражать. Одним словом, они друг другу не пара, и я желаю вернуть этому человеку все его подарки.

— Ну что же, — сказал тогда наместник сёгуна, — пусть будет так, как того хочет отец невесты. Посему всем надлежит набраться терпения и подождать пять лет. Тогда жениху исполнится сорок лет, девице же будет двадцать. Таким образом, он станет вдвое старше своей невесты, а это как раз то, чего желает ее отец.

Вот к какому решению пришел наместник сёгуна.

О ТОМ, КАК ВЫБОР ИСТИНУ ОПРЕДЕЛИЛ

Вот что случилось в старину в столице. Однажды на одной из улиц собрались ребяташки и, смастерив игрушечные колесницы, принялись играть в праздник Гион. Грохот от этих колесниц стоял такой, что казалось, будто просторная улица ни с того ни с сего сделалась тесной и узкой.

Все было бы хорошо, не окажись у этих ребяташек, находившихся без присмотра, самый что ни на есть настоящий меч. Вот и случилось, что один из них, семилетний мальчуган, заспорив с товарищами из-за места в игре, пустил этот меч в ход и пронзил им другого, девятилетнего мальчика. Тот сразу же испустил дух.

Велико было горе родителей погибшего мальчика, и столь же велика была растерянность родителей виновника его гибели. Поэтому чиновники из городской управы, разобравшись в этом происшествии, сказали родителям погибшего так:

— Поскольку преступление совершено ребенком, пока что не вошедшим в разум, вам следует явить великодушие и смириться.

Но те ни в какую не соглашались и твердили свое:

— Убийца должен понести кару!

Особенно несговорчивой оказалась мать, которая решила не мешкая обратиться к наместнику сёгуна.

— Не надо этого делать, — уговаривали ее. — Лучше позовите священнослужителя и монахов, примите постриг и похороните чадо свое по всем правилам.

Но родители погибшего остались глухи к этим уговорам и подали жалобу.

— Ребенку всего семь лет, — начал наместник сёгуна, — и он вряд ли может отвечать за свои поступки.

— Как бы не так, — затараторили и стцы, — убить человека — на это у него хватило ума! И вообще он всегда был не таким, как другие дети!

Тогда наместник сёгуна достал из ящичка куклу, рядом положил золотую монету и сказал:

— Предложим завтра мальчику эти вещи на выбор. Если он выберет монету, значит, уже вошел в разум, и тогда мы казним его. Если же отдаст предпочтение кукле — отпустим. Сразу станет ясно, по злому ли умыслу он убил своего товарища или просто по недомыслию. Так что приводите завтра мальчугана.

Все разошлись по домам. Родители провинившегося созвали всю родню и друзей и принялись сообща готовить сына к предстоящему испытанию. Раздобыли где-то куклу, точь-в-точь как у судьи, рядом положили золотую монету и принялись страшать ребенка, — дескать, если завтра ты возьмешь денежку, тебя убьют. В течение вечера повторили это раз сто и еще утром предостерегли.

Наконец обе стороны явились к наместнику сёгуна. Тот положил перед мальчиком куклу и золотую монету и сказал:

— Возьмешь куклу, останешься в живых, возьмешь монету — погибнешь.

И что же? Ребенок взял монету. Родители погибшего повскакали со своих мест и стали кричать:

— Ну, теперь-то вы видите, что перед вами сущий злодей?!

Родители же провинившегося, убитые горем, заголосили.

Наместник сёгуна между тем сказал:

— Итак, совершенно ясно, что перед нами неразумное дитя. Все вы видели, что мальчуган взял монету, хотя я предупредил его, что в этом случае он погибнет. А разве есть у человека что-либо дороже жизни? Посему постановляю считать этого мальчика невиновным.

Так решил наместник сёгуна.

Сборник
**«ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ О ТОМ,
КАК ЛУЧШЕ ПРОЖИТЬ НА СВЕТЕ»**

**ЛЕГЧЕ УВИДЕТЬ КРАСНЫЕ ЛИСТЯ КЛЕНА
ВЕСНОЙ, НЕЖЕЛИ КУПИТЬ ЛАНГУСТА
К НОВОМУ ГОДУ**

С давних времен к новогоднему празднику люди устанавливают в своих домах горку счастья Хорай, украшают ее ветками сосны и папоротника. Но если на этом зеленом фоне не алеет лангуст, праздничное настроение неизбежно омрачается. Бывает, правда, что лангусты сильно дорожают, и тогда в бедных семьях и в домах со скромным достатком Новый год встречают без них.

Несколько лет назад, например, не уродились апельсины дайдай, и их продавали по четыре, а то и по пять бу за штуку, поэтому беднота покупала вместо них плоды померанца и так выходила из положения. Но плоды померанца хотя бы по форме и по

цвету не отличить от апельсинов. А вот заменить лангуста простой креветкой — все равно что надеть платье с чужого плеча. Тем не менее для бедняков иного выхода нет.

Другое дело — люди богатые. Кажется, даже ветер обрушивается на их дома с особой силой. Чтобы защититься от дождя, здесь простыми циновками не обойдешься, поэтому стены обшивают досками, пропитанными вязкой смолой, и это не назовешь излишней роскошью. Нет для человека большей радости, чем одеваться, есть и жить так, как позволяют средства. Но для этого нужно с толком вести хозяйство. Чем бы ни занималась семья из поколения в поколение, молодого хозяина, если он изменит заведенные отцом порядки, вряд ли ждет удача. Как ни сметливо новое поколение, а сплошь да рядом оказывается, что к концу года молодой хозяин не может свести концы с концами, допускает в расчетах промахи.

Под Новый год Осака все равно что ярмарка, где можно купить, что только душе угодно. Хоть в последние шестьдесят лет слышны жалобы, — дескать, торговля здесь идет вяло, — товары между тем не залеживаются в лавках. Взять хотя бы ступку. Казалось бы, купил ее раз — на весь век хватит, еще к потомкам перейдет, и тем не менее ступки делают и продают из года в год, изо дня в день, так что, того и гляди, весь горный гранит переведется. Что же говорить о всяких мелочах: бумажных шлемах для праздника мальчиков, всевозможных припасах для встречи Нового года? А ритуальные веера, которыми храмы одаривают прихожан, — ведь их выбрасывают, даже не раскрыв коробки. Пустая трата денег, но люди словно бы не замечают этого. По пышности

и великолепию Осака почти не уступает Эдо, здесь тоже живут на широкую ногу.

Раз уж без лангуста не украсить горку Хорай, каждый стремится его купить, пусть даже за тысячу канов. Поэтому в предновогодние дни во всех рыбных лавках лангустаны идут нарасхват, и достать их так же трудно, как какую-нибудь заморскую диковину. Ну, а в самый последний день усов от лангуста и тех не сыщешь. Тогда отправляются на поиски лангустан, — как не сравнить их с алыми листьями клена! — в бедные рыбацьи хижины неподалеку от бухт и кричат на все побережье: «Куплю лангуста!»

В лавке рыботорговца Эра остается один-единственный лангуст. Торги начинаются с одного моммэ и пяти бу, но даже когда объявляются охотники купить его за четыре моммэ и восемь бу, продавец не желает уступить: нынче-де мало лангустан. Слуга не смеет потратить такую сумму без разрешения и со всех ног мчится домой. Узнав, какую цену заломил торговец, хозяин хмурится.

— всю жизнь я старался не покупать ничего втридорога, — говорит он. — Плачу всегда наличными и покупаю все в положенный срок, когда цены самые низкие: дрова — в шестом месяце, хлопок — в восьмом, рис — до того, как начинают гнать сакэ, белое полотно — после Праздника поминовения усопших. Правда, когда отец умер, я переплатил бондарю за гроб и до сей поры об этом жалею. Почему к Новому году надо непременно купить лангуста. Не лучше ли дожидаться, когда лангустаны станут много и за них будут просить по три мона? Тогда можно купить сразу двух и наверстать упущенное.

Я несколько не буду в обиде, если к нам не пожалует новогодний бог счастья, который вечно требует невозможного. Да будь лангуст дешевле хоть в десять раз, все равно это неслыханная цена!

Тут хозяйка с сыном принимают его возражать:

— Что подумают люди? Ведь сегодня к нам в дом впервые пожалует зять с новогодними поздравлениями. Ступай, купи, сколько бы он ни стоил!

Слугу опять отправляют в рыбную лавку, но лангуста уже успел перекупить приказчик из оптовой лавки с улицы Имабаси. Торговец запросил с него пять моммэ и восемь бу.

— Лангуст нужен к празднику, что же мне думать о каких-то грошах, — воскликнул приказчик, отсчитал названную сумму и сверх того еще двадцать медяков, схватил покупку и быстро ушел.

Долго еще бродит слуга, в каждую рыбную лавку заглядывает, но все без толку. Обойдя множество улиц, слуга лишний раз убеждается, до чего же велик город Осака.

Вернувшись домой, слуга рассказывает обо всем хозяевам. Хозяйка раздосадована, а хозяин смеется:

— Ох, не стоит, пожалуй, доверять этому оптовику. Видно, вскорости грозит ему разорение. Иначе разве заплатил бы он такие деньги за лангуста? А тем, кто так беспечно ссудил его деньгами, непременно приснится дурной сон... Ну, раз уж все вы твердите, что поставить горку Хорай без лангуста нельзя, есть у меня на сей счет одна придумка, да такая, что нашего лангуста не придется после праздника выбрасывать.

Он делает заказ ремесленнику, и тот из алого шелка и картона мастерит превосходного лангуста, и обходится это всего в два моммэ и пять бу.

— После праздника им смогут забавляться ребятишки. Вот она, смекалка-то! Вместо четырех моммэ и восьми бу наш лангуст стоит два моммэ и пять бу, да к тому же еще и потом пригодится, — гордо изрекает хозяин, и все соглашаются с разумностью его доводов.

— Не каждому дана подобная сметливость! Недаром хозяин сумел нажить такое большое состояние.

Как раз в это время в главный дом заходит родительница хозяина. Живет она в отдельном флигеле и сама ведет свое хозяйство. Ей уже минуло девяносто два года, но видит она хорошо и держится прямо, как молодая.

— Я слышу, вы рассуждаете о том, как дороги нынче лангустаны, — вступает она в разговор. — Что же, с вашей стороны было крайне легкомысленно не подумать об этом загодя. Разве можно таким образом вести хозяйство? Запомните, в годы, когда Праздник начала весны предшествует новому году, лангустаны всегда дороги. Вы же знаете, что Исэ — страна богов, и поэтому не только во всех тамошних храмах и домах священников, но также и в городах и в деревнях поклоняются всем японским божествам. Не удивительно, что лангустанов требуется несметное множество. Те лангустаны, которые ежегодно поступают в Киото и Осаку, — лишь остатки от жертвоприношений богам. Памятуя об этом, я еще в середине месяца купила двух безусых лангустанов по четыре медяка за штуку.

Услышав это, все всплескивают руками:

— Как роскошествует старая госпожа! Купила двух лангустанов, при том, что ей вполне достаточно одного.

— Я ничего не делаю без толку, — объявляет старуха. — Приходя с новогодними поздравлениями,

люди обычно приносят мне в подарок пять пучков полевого лопушника или же три, если он мясистый. Приходится их отдаривать, вот я и собиралась отдать им одного лангуста и таким образом за лопушник стоимостью в один моммэ уплатить всего четыре мона. На ваше счастье, пока ко мне еще никто не приходил с новогодними поздравлениями. Мы, конечно, родня, но расчеты между собой все равно должны вести с подобающим тщанием. Нужен вам лангуст — принесите мне пять пучков лопушника. Ни на что другое я лангуста обменивать не стану. И не думайте, будто в праздник можно обойтись без лангуста. Поймите, я говорю все это не из жадности, но в любой праздник следует хорошенько прикинуть, сколько стоит то, что получаешь в подарок, и, в свою очередь, поднести что-нибудь, с виду равноценное, на самом же деле более дешевое; так вы извлечете хоть небольшую выгоду. Каждый год, получая от священника коробочку с бумажным амулетом, связку сушеных тунцов, коробочку белил, календарь и пять пучков зеленых водорослей, — продолжает старуха, — я подсчитываю, сколько все это стоит, и, получив подарки на сумму в два моммэ и восемь бу, жертвую храму три моммэ. Таким образом, я переплачиваю два бу, но ведь священники из Исэ не должны оставаться в убытке. Так я поступаю вот уже три десятка лет. Однако с тех пор, как я передала вам хозяйство, вы жертвуете храму целую серебряную монету; как ни велико ваше благочестие, все равно это неразумно. Богиня храма Дайдзингу вряд ли одобрит подобное расточительство. Вот вам и доказательство: в храмах Исэ для пожертвованных отчеканили особые монеты под названием «голубиный глаз». Один кан этих монет соответствует

всего лишь шестистам монам. Так что сами боги заботятся о том, чтобы, посещая храмы, люди не шли на излишние траты.

Да, алчность в этом мире процветает! Из всех богов, почитаемых в ста двадцати храмах Исэ, больше всего пожертвований достается Эбису и Дайкоку. «Тага — бог долголетия; Сумиёси — покровитель мореплавателей; Идзумо — соединитель судеб; Кагами-но мия заботится о красоте девичьего лица; Санно помыкает двадцатью одним младшим богом; Инари-доно защищает от разорения, он не позволит вашему состоянию выскользнуть из рук, подобно лисьему хвосту», — так чирикают «храмовые воробушки», зазывая посетителей.

Всем этим богам паломники приносят щедрое пожертвования, ведь каждый жаждет их покровительства. Другие же боги преданы забвению. Так что даже богам теперь не так-то просто заработать. Что же говорить о людях?

Поздравительных амулетов, с которыми священники храмов Исэ каждый год обходят верующих, требуется несчетное множество, и поэтому за определенную мзду их пишет каллиграф. За одну штуку он получает по медяку и трудится весь год, а поскольку такое занятие требует изрядной затраты сил, больше двухсот медяков в день ему никак не заработать. Поздравление гласит: «Да снизойдет вечное спокойствие и процветание на народ, хранимый богами, да пребудет он в вере».

И да поможет ему сие заработать на пропитание!

МЫШЬ НА ПОСЫЛКАХ

Жил на свете один человек. Бережлив был он до скупости. Тринадцатого числа последнего месяца года, в канун праздника, у него в доме обычно затевали уборку. К этому дню люди покупают стебли бамбука, чтобы сметать листьями сажу со стен. Но скупец, не желая делать излишние траты, отправлялся в семейный храм и там выпрашивал себе в подарок двенадцать стеблей бамбука — по количеству месяцев в году. После уборки стебли он использовал для починки крыши, а из веток связывал метелку; ничто у него зря не пропадало.

Но в прошлом году случилось так, что тринадцатого числа он был занят и вопреки обыкновению отложил уборку на последний день месяца. И когда стал разводить огонь под ванной, — что делал всего раз в году, — в ход пошел разный мусор, начиная с оберток от рисовых колобков, которыми лакомятся в пятый день пятого месяца, и кончая листьями лотоса, сохранившимися с Праздника поминовения усопших. Скупец никогда ничего не выбрасывал, всякую мелочь подбирал, приговаривая: «В огне, что ни сунь, сгорит, вода все равно закипит». Уж кто-кто, а он-то хорошо знал, на что не следует тратить.

В пристройке позади дома жила старуха. Была она родной матерью скупца, а потому скарденности ее уж и вовсе не было предела. Когда во дворе растопили ванну, она бросила в огонь деревянную сандалию и принялась вспоминать былые времена:

— Восемнадцати лет от роду вошла я в этот дом. Сандалии лежали у меня тогда в сундуке

с приданым. Носила я их и в дождь, и в снег. С той поры пятьдесят три года минуло, а они все новехонькие, только лак чуть-чуть пооблез. Думала я, мне их на весь мой век хватит, да вот беда: одну сандалию утащил проклятый бродячий пес, а от второй, уцелевшей, теперь мало проку. Как ни жаль, приходится ее с жечь. — Долго причитала старуха, потом вдруг, о чем-то вспомнив, заплакала. — Жизнь наша проходит, точно сон. Завтра тому ровно год исполнится. Горе, горе!

Ее причитания услышал сосед-лекарь, который в это время сидел в ванне, и крикнул:

— В канун праздника радоваться надо, а вы горюете. Уж не покойника ли оплакиваете?

— Как ни глупа я, по не стала бы из-за чьей-то смерти так убиваться. Совсем другая у меня беда. Год назад первого числа приезжала сестра из Сакаи, подарила мне к празднику сверток серебряных монет. Как я обрадовалась подарку! Положила деньги на полочку эходана, но в ту же ночь они куда-то исчезли. Взять их мог только свой человек, который знает здесь все входы и выходы. С тех пор я денно и ночью молилась богам, да все понапрасну. Потом попросила прочесть молитву монаха-ямабуси. А он и говорит: «Ежели во время моей молитвы гохэй на алтаре зашевелятся и священный светильник угаснет, знайте, что молитва услышана, — и в течение семи дней ваши деньги сыщутся».

И верно, посреди молитвы заколыхались гохэй, пламя уменьшилось, а потом и вовсе погасло. «Воистину велика чудодейственная сила богов и будд, и мир наш еще не близится к закату», — подумала я и на радостях пожертвовала этому монаху сто

двадцать медных монет, хотя обычно дают им не больше двенадцати.

Прождала я семь дней, но деньги так и не нашлись. Тогда я поделилась своим горем с одним знакомым, и вот что он мне сказал: «Да вы же бросили деньги вдогонку вору. В последнее время среди монахов-ямабуси развелось множество хитрецов и обманщиков. Установят, например, на алтаре разные приспособления, и куколки из белой бумаги исполняют танец Тоса. Дело известное — все эти фокусы еще раньше проделывал жонглер Мацуда. Люди нынче куда как сметливы, но нередко попадают на самые простые уловки. Этот монах поставил у вас на алтаре кувшин с вьюном. Распевая молитвы, он то перебирал четки, то изо всех сил колотил по алтарю посохом и жезлом. Несчастливая рыба с перепугу металась в кувшине и задевала стержень, на котором были укреплены гохэй, вот они и шевелились. Не ахти какая хитрость, но человек непосвященный глядит на это с благоговением. Почему погас светильник — тоже понять нетрудно. Видно, этот монах проделал в чаше для масла дырку, а внизу поставил сосуд с песком. Песок постепенно впитал все масло, а без масла, как известно, светильник гореть не будет».

Услышав это, я поняла, что дважды понесла убыток. До сих пор у меня ни одна медная монета даром не пропадала, а тут вот просчиталась — ведь деньги-то так и не нашлись. И раз уж у меня такой безрадостный Новый год, ничто в жизни мне больше не мило!

И, не стыдясь людей, старуха снова заголосила. А домочадцы, слышавшие все ее сетования, огорчились. «Скверно, что на нас падает подозрение», —

подумали они, и каждый в душе поклялся богам, что его вины в пропаже денег нет.

Наконец уборка в доме подошла к концу. Когда смели почти всю сажу и добрались до чердака, между балками обнаружили сверток. Развернули его, — и что же? — в нем оказались те самые деньги, о которых горевала старуха.

«Все, что не украдено ворами, рано или поздно отыскивается. Видно, тут не обошлось без мышей. До чего же вредные твари!» — облегченно вздохнула домоладцы, но старуха не унималась.

— Что-то не приходилось мне видеть мышей, которые таскали бы вещи из дома в дом, — ворчала она, выбивая пыль из циновок. — Это проделки какой-нибудь двуногой мыши, впредь надо держать ухо востро!

Тут к ней подошел лекарь-сосед, только что закончивший купание.

— Подобное случалось и в древности, — сказал он. — Во времена тридцать седьмого императора Котоку, в последний день первого года эры Тайка, императорскую резиденцию перевели из Окамото, что в провинции Ямато, в Нагара-но Тоёсаки в Наниве. За императорской семьей последовали и мыши. И вот что забавно: они уволокли все свое имущество — хлопок, чтобы затыкать норки; бумажные тюфяки, чтобы прятаться от коршунов; талисманы против кошек; острые колышки, защищающие от хорьков; подпорки для мышеловок, чтобы те не захлопывались; дощечки для гашения светильников; перекладины для подвешивания сушеных тунцов. Вдобавок они прихватили с собой еще и сушеных моллюсков «морское ушко» для свадебного подарка, сушеных анчоусов для новогоднего праздника, а также толченый

рис в соломенной обертке, с которым отправляются на богомолье в Кумано. И все это они волокли в Наниву, а ведь туда целых два дня пути. Ну, а от вашего флигеля до главного дома совсем близко, так неужели они не могли перетащить туда ваш сверток?

Вот так, рассказывая о событиях давно минувших дней, лекарь увещевал старуху, но та ни в какую не сдавалась.

— Спору нет, говорите вы разумно, только ежели я чего не видела собственными глазами, того, значит, и не бывает на свете! — твердила она.

Тогда все стали думать, как бы вдолбить старухе, что такое бывает, и в конце концов придумали: послали за дрессировщиком мышей Тобэем, который обучался своему ремеслу у Нагасаки Мидзуэмона. Тот явился и сказал:

— Мышка, которую я держу в руках, исполнит все, что я ей прикажу. Хотите, она сейчас отнесет любовное послание.

Мышь схватила протянутое ей письмо, огляделась по сторонам и вложила его в рукав кому-то из стоявших рядом. Затем Тобэй бросил ей медную монетку и велел:

— Пойди купи рисовую лепешку! — Мышь тотчас же убежала и вскоре вернулась с лепешкой.

— Ну, теперь-то вы поверили? — обратились к старухе домочадцы.

— Увидишь такое и впрямь поверишь, что мыши могли утащить деньги. Хорошо, подозрения мои рассеялись. Но раз вы терпите в своем доме таких вороватых мышей, извольте выплатить мне проценты с украденных ими денег. Как-никак они пролежали у вас целый год.

Так в канун Нового года старуха получила со своего скареды-сына деньги из расчета пятнадцати процентов годовых.

— Ну вот, теперь-то я встречу Новый год с радостью! — воскликнула она, пошла в свой флигель и легла спать.

ОБЩЕСТВО ОДНОГО МОММЭ

Когда кто-то разбогатеет, говорят, что этому человеку повезло. Пустые слова. На самом же деле только находчивость да смекалка могут обеспечить достаток и процветание семьи. Даже сам бог богатства Эбису-доно не в силах сделать человека богатым.

Местные купцы-толстосумы объединились в «Союз Дайкоку». Они собираются и толкуют между собой, ссужать ли князей из разных провинций деньгами, в чем находят для себя удовольствие большее, нежели в пирушках да развлечениях. Для своих встреч они снимают залу в одном из буддийских храмов на улице Икудама-мати или же Ситадэра-мати, вдали от веселых заведений, и раз в месяц с утра и до сумерек обсуждают финансовое положение даймё. В обществе этом состоят одни старики, чьи дни уже клонятся к закату, но они вовсе не помышляют об этом, а заботятся лишь о росте процентов с ссуды да о приумножении собственного богатства.

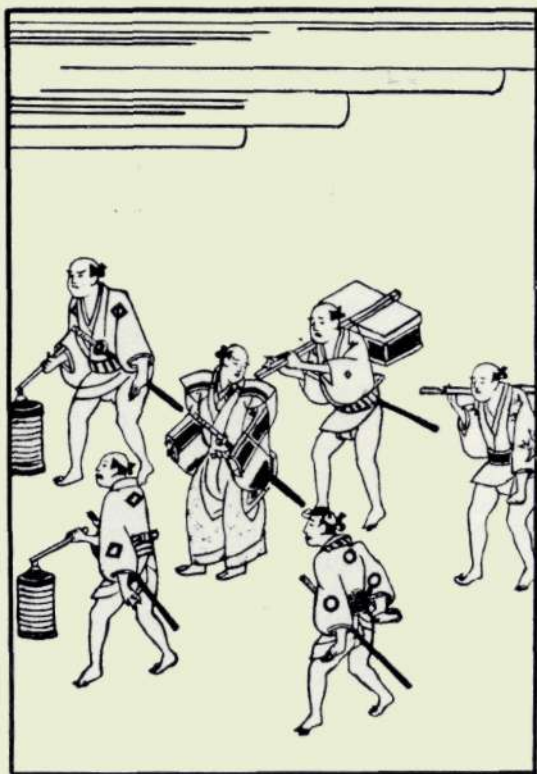
Да, в мире нет ничего слаще денег. А чтобы иметь их в избытке, надо жить так: с двадцати пяти лет, пока человек в расцвете молодости, не зевать, а учиться уму-разуму; с тридцати пяти лет, пока он в расцвете

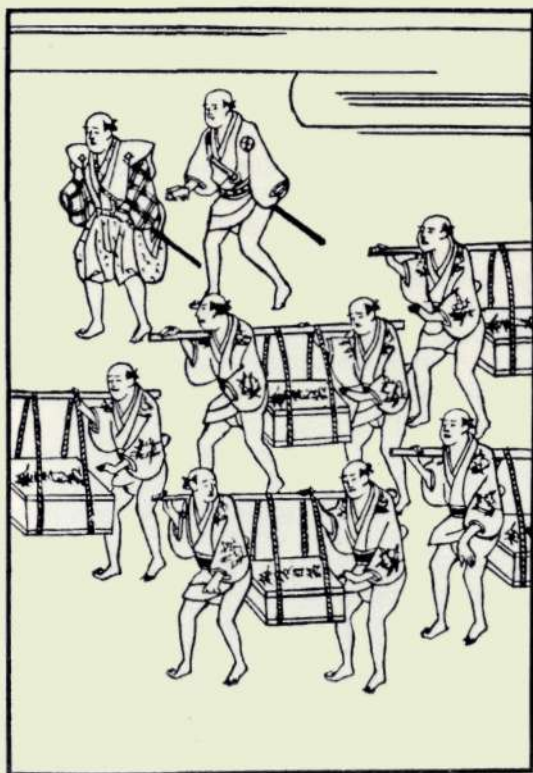
сил, зарабатывать и копить деньги; в пятьдесят лет, вступив в самую пору разума, укреплять основу своего дела, а за год до шестидесяти передать хозяйство старшему сыну и удалиться на блаженный покой. Но есть старики, которые, достигнув весьма почтенного возраста, когда уже полагается совершать паломничество по храмам, все еще продолжают жить в мире алчности, не помышляя ни о Будде, ни о Законе. А между тем любое богатство, даже в десять тысяч каммэ, после смерти человека остается в этом бренном мире, с собой он может забрать только саван.

Среди стариков, входящих в «Союз Дайкоку», нет ни одного с капиталом менее двух тысяч каммэ. Но вот несколько лет назад купцы с куда более скромным доходом поднакопили денег собственными трудами и, сговорившись между собой, объединились в «Общество одного моммэ». В него вошло двадцать восемь человек с капиталом в двести, триста, ну самое большее — пятьсот каммэ. Постоянного места для ежемесячных собраний у них нет, так что встречаются они в какой-нибудь харчевне и заказывают себе угощение на сумму, не превышающую один моммэ. При этом и пьющие, и непьющие обходятся без сакэ; даже в развлечениях самым главным у них считается бережливость. Ну разве не удивительно это!

С утра и до захода солнца они только и делают, что рассуждают, как лучше вести дела, прикидывают, кого из нуждающихся можно без убытка ссудить деньгами, да как сделать, чтобы деньги ни дня не залеживались втуне.

Состояние свое они нажили, ссужая деньги в рост. И действительно, по нынешним временам нет

предприятия более прибыльного, нежели ростовщичество. Но многие купцы только делают вид, будто безбедно живут, на самом же деле тяжко нуждаются. И когда такой вот купец, взявши большую сумму, решается на умышленное банкротство, это приносит огромный убыток заимодавцу.

— Давайте же прежде, чем ссудить кого-либо деньгами, проверим его денежные дела и сообщим друг другу полученные сведения, — предложил один из членов «Общества». — Только уговора надо строго придерживаться и не хитрить друг с другом. Ну, а теперь необходимо составить поименный список тех, кто постоянно обращается к нам за деньгами, и обсудить в подробностях, каковы их денежные дела.

— Правильно! — откликнулись остальные. Тогда кто-то сказал:

— Прежде всего следует поговорить о таком-то, хозяине такой-то лавки в Китабаме. Все его имущество, включая движимость, можно оценить в семьсот каммэ.

— Вы заблуждаетесь! У него долгов на все восемьсот пятьдесят каммэ.

Столь серьезное расхождение во мнениях всех встревожило.

— Дело не шуточное! Давайте выслушаем соображения обеих сторон. Для всех нас это важно!

— Я считаю, что этот купец богат, — начал первый, — по следующим причинам. В позапрошлом году, в месяц инея, когда он выдавал свою дочь за одного купца из Сакаи, свадебная процессия с приданным тянулась от Имамии до самых ворот аптекарской лавки «Фудзиномару», что на улице Нагамати. А вслед за свадебным поездом шли дюжие, как на

подбор, парни и на шестах из стволов зеленого бамбука тащили пять сундуков, в каждом — по десять каммэ серебра. Поглядишь на это — ну точь-в-точь процессия со священными ковчегами во время Летнего праздника. Помимо дочери у этого купца есть еще несколько сыновей. «Не будь у него больших денег, вряд ли он дал бы дочери пятьдесят каммэ в приданое», — подумал я и в третьем месяце прошлого года чуть ли не силой навязал ему двадцать каммэ в долг без процента и притом на неопределенный срок.

— Какая неприятность! — воскликнул кто-то из собравшихся. — Из этих двадцати каммэ к вам вернется не более одного каммэ и шестисот моммэ.

Услыхав это, старик изменился в лице, и хотя он держал палочки в руке, суп ацумэдзиру не шел ему в горло.

— Какие печальные новости мне приходится сегодня выслушивать, — сказал он, и из глаз его хлынули слезы, а ведь вся горькая правда еще не была ему известна. — Расскажите же мне, как на самом деле обстоят дела у этого торговца, — обратился он к тому, кто незадолго до этого высказал мнение, противоположное его собственному.

— Ну что же, слушайте. Отец этого жениха настолько нуждается в деньгах, что готов даже платить ссудный процент наравне с театрами, и на таких условиях он может занимать сколько угодно денег. Известно ли вам какое-нибудь другое ремесло, помимо театра, которое позволяло бы платить такой процент и при этом оставаться платежеспособным?

Один ящик из-под десяти каммэ вместе со всеми железными принадлежностями стоит каких-нибудь

три моммэ пять бу, так что всего на семнадцать моммэ двадцать бу можно купить пять таких ящиков. А внутрь они натолкали камней да черепицы, которых сколько угодно кругом валяется. Нет на свете ничего страшнее коварства! Я так думаю, что обе эти семейки, заботясь о собственном престиже, втайне стоворились между собой и решили провести людей. Да если бы я, открыв эти ящики, увидел в них настоящие тѣгины, все равно не поверил бы своим глазам. В положении этого торговца дать дочери в приданое двести серебряных монет — и то немисливо. А за вычетом одежды, утвари и прочего он мог бы расщедриться лишь на пять каммэ.

Вот послушайте, правильно ли я рассуждаю? На первых порах этому купцу следовало бы дать в ссуду не более двух каммэ сроком на год или два. Если бы все оказалось в порядке, потом его можно было бы ссудить уже четырьмя каммэ сроком на пять-шесть лет. И только после того, как вы собственными глазами увидели бы, что на этого человека можно положить, следовало дать ему двадцать каммэ.

Так он сказал, и все в один голос с ним согласились:

— Совершенно верно!

Что же до потерпевшего, то чем дольше слушал он эти доводы, тем более убедительными они ему казались. А когда подошло время расходиться по домам, он, не будучи даже в силах подняться на ноги, стал сетовать:

— Я никогда не ошибался в своих расчетах, а на этот раз совершил такую оплошность, — и залился слезами, точно женщина. — Не присоветует ли мне кто, как вернуть эти деньги?

На это тот самый человек, который только что зарекомендовал себя докой в житейских делах, сказал:

— Существует всего один надежный способ заполучить эти деньги. Если даже будете думать тысячу дней и тысячу ночей, лучшего не придумаете. При условии, что от посвященного в тайну последует вознаграждение в виде одной штуки шелка цумуги самого лучшего качества, я, так и быть, посоветую, что нужно сделать.

А тот ему в ответ:

— Что и говорить, в знак благодарности помимо шелка я готов поднести вам еще и ваты для набивки одеял и одежды. Пожалуйста, откройте мне секрет.

— Прежде всего вам следует установить с вашим должником более близкие отношения, нежели прежде. Теперь уже недалеко до Праздника лодок в храме Тэммангу. Это вам на руку. Скажите жене, будто вам хочется, чтобы она полюбовалась этим красочным зрелищем с помоста, у берега реки. А двадцать пятого числа отправьте ее туда, и пусть она заговорит с женой этого купца о всяких хозяйственных делах. В течение дня, который они проведут приятнейшим образом, за угощением ваша жена непременно встретится с его сыновьями. Тогда она начнет расхваливать второго сына: «Какие у него умные глаза! Извините мне мою неучтивость, но я просто вынуждена сказать, что ваш сын — точно прекрасный павлин, рожденный в семье коршунов. Его красота подобна драгоценному камню. С моей стороны это непростибельная дерзость, но мне очень хотелось бы видеть этого юношу своим зятем. И я говорю это не потому, что пропустила чарочку сакэ. Хотя хвалить

собственных детей и не принято, я все-таки скажу, что моя дочь внешностью ничем не хуже других. Кроме того, поскольку она единственное чадо в семье, ее отец всегда готов дать за ней пятьдесят каммэ серебра. К тому же в моем собственном распоряжении находятся три с половиной сотни золотых рё. А угловой дом в Нагабори... Даже если его продать по дешевке, за него дадут не меньше двадцати пяти каммэ. Да, еще я забыла упомянуть шестьдесят пять кимоно, новехоньких, ни разу не надетых с тех пор, как они были сшиты. Кроме единственной дочери, мне некому их отдать. О, как бы я желала, чтобы ваш сын сделался моим зятем!» И пусть во время разговора она сидит с таким видом, будто ни о чем другом думать не в состоянии.

Так будет сделан первый шаг. После этого время от времени посылайте им недорогие подарки, они будут вынуждены отвечать вам тем же, и вы не понесете убытка. Затем в подходящий момент пригласите их сына к себе. Пусть он поможет пересчитать ваши деньги, взвешивая монеты на весах, подсчитывая их общее количество, проставляя на ящиках метку вашего дома и, наконец, относя их в кладовую. Пусть он у вас проработает так целый день.

Вскоре после этого разыщите кого-нибудь из людей, связанных с их семьей, и тайком пошлите за ним. А когда он придет, скажите ему:

«Моя жена, уж сам не знаю почему, во что бы то ни стало хочет выдать дочь за их сына. Дело-то не спешное, но если вам представится возможность, спросите, желают ли они, чтобы их сын женился на моей дочери. Я говорю с вами совершенно откровенно»

но, так вот: за кого бы мы ее ни выдали, она получит в приданое сотню серебряных тѣгинов».

Когда по вашим расчетам эти слова дойдут до торговца, пошлите к нему человека и велите передать, что вам, дескать, понадобились деньги, которые вы ему ссудили. Будучи человеком жадным до богатства, он уж что-нибудь придумает, лишь бы отдать вам долг. Так что можете считать, эти деньги у вас в руках. И никаким другим способом вы их не вернете.

Вот как он посоветовал несчастному старику. На этом все разошлись по домам.

В том же году, как раз перед новогодним праздником, этот старик явился к своему мудрому наставнику. Похлопывая себя веером по голове, он с улыбкой заговорил:

— Спасибо, спасибо и еще раз спасибо. Благодаря вашему бесценному совету я на днях получил свои деньги вместе с процентами. Такой кладезь мудрости, как вы, поистине находка для нашего «Общества одного моммэ».

Затем, уже собравшись было уходить, он добавил:

— Да, я, помнится, обещал преподнести вам штуку шелка цумуги. Но, быть может, вы соблаговолите удовольствоваться этим...

С такими словами он разложил перед своим благодетелем штуку дешевой бумажной материи «камико» из Сираиси.

— Что же до ваты для набивки одеял, то об этом мы потолкуем после Нового года.

Сказав ему так на прощание, он отправился восвояси.

ДОМ, ГДЕ ДАЖЕ СОВРАТЬ НЕЛЬЗЯ ДАРОМ

Под Новый год все мужчины, «лоб выбрив полумесяцем, с прической щегольской», надевают праздничное платье и выходят на улицу. Глядишь на них и думаешь: вот и пришел радостный праздник! И будто нет у них ни забот, ни тревог. Но это только кажется.

Взять хотя бы вон того незадачливого купца. Перед праздником он оказался в весьма затруднительном положении и потому решил вовсе не платить долгов. В последний день года, наспех позавтракав, он накинул хаори, заткнул за пояс короткий меч и обратился к жене, которая с утра уже была не в духе, с такими словами:

— В любом деле надобно терпение. Подожди немного, вот разбогатею, и ты у меня будешь разъезжать в паланкине. А сейчас возьми немного утятини, что осталась с вечера, приправь ее сакэ и полакомись. Когда начнут приходить сборщики долгов, отдай первому же из них все деньги, что у нас есть, оставь только один кан для игры в «счастливую веревочку». А остальным скажи, что денег нет, пусть уходят ни с чем. Ложись в постель и отвернись к стене, чтобы не глядеть на них.

Наскоро отдав жене такие распоряжения, он вышел из дому. Да разве станут водиться деньги у такого человека? Изю дня в день он торговал с убытком и, хотя сам понимал, что так вести дела не годится, ничего путного придумать не мог. Бедная его жена еще и матерью не стала, а уже успела состариться. Видно, такой уж жребий ей выпал в этой жизни.

И вот в канун Нового года, когда каждый медяк на счету, этот купец сунул в мешочек две или три

золотые монеты, а также почти тридцать моммэ серебра и отправился в чайный домик, где никогда прежде ему бывать не случалось.

— Похоже, у вас еще не подвели итогов за год; куда ни поглядишь, повсюду разбросаны с ч е т а, — сказал купец х о з я й к е. — Но в сумме ваши долги, верно, не так уж велики: каких-нибудь два-три кана. Да, в каждом доме свои расходы. Мне, к примеру, в одну только мануфактурную лавку пришлось заплатить шесть канов пятьсот моммэ. Жена моя ужас как любит наряжаться, так и норовит меня разорить. Уж лучше бы мне вовсе с ней расстаться и тратить свои деньги на дзёро. Одно только меня останавливает: в третьем месяце она понесла, а нынче утром — хорошенькое же время для родов! — у нее начались схватки. В доме у нас все делается прямо по пословице: еще нет ребенка, а уже готовы пеленки. И кормилицу привели, и трех или четырех повитух позвали, и монаха-ямабуси пригласили; он уже читает молитву, чтобы родился мальчик. Но этого мало — надобно мне раздобыть «пояс тысячи поколений», ракушку коясугай, а также морского конька, которого роженицам полагается держать в левой руке. В соседней комнате наш домашний лекарь занят приготовлением зелья, ускоряющего роды. Да, я, кажется, забыл упомянуть ножки грибов мацутакаэ: их заблаговременно доставили, хотя я, признаться, и понятия не имею, для чего они нужны. А тут еще явилась теща и всюду сует свой нос. Ну и суматоха же у нас сейчас! К счастью, оставаться дома во время родов мне не полагается. Вот я и решил к вам зайти. Вы, вероятно, знаете, что я человек богатый. Мне было бы неприятно, если бы вы подумали, будто я пришел сюда в надежде скрыться от заимодавцев. В этой округе

я никому ничего не должен. Дозвольте мне побыть здесь, покуда не родится ребенок. Я за все расплачусь наличными... Что я вижу! У вас тут на крюке висит совсем маленькая макрель. Это никуда не годится. Вот вам золотая монета, скорее купите другую!

— Какая радость! — воскликнула женщина, принимая от него подарок. — Я утаю эти деньги от мужа и куплю на них пояс для кимоно, о котором давно мечтаю... Ну, раз уж в конце старого года, — продолжала она с улыбкой, — нас изволил навестить столь щедрый гость, новый год наверняка будет счастливым. Однако такого благородного человека, как вы, не пристало принимать на кухне. Пожалуйте в залу!

— Только глядите, чтобы угощение было отменное, не то, что вы подаете другим! Я ужасный привередник.

Просто смех разбирает при виде того, как хозяйка суетится, подогревая сакэ, налитое из только что откупоренной бочки. Затем она принимается гадать посетителю.

— Вот уже три раза бросила за колку, — восклицает она, — а выходит все одно: у вас наверняка родится сын!

Так предсказания хозяйки и хвастливые слова гостя сливаются в единый поток хитроумного вранья.

Приятно накануне новогоднего праздника во весь голос затянуть песню, особенно когда тебе подыгрывает на сямисэне куртизанка; это удовольствие можно себе позволить лишь в веселом заведении. «В печали и грусти проходят дни и месяцы жизни моей...» поется в этой песенке, и правда, нашему купцу есть отчего печалиться и грустить. Не потому

ли этот день кажется ему таким длинным? Обычно он жалел, что дни пролетают слишком быстро, нынче же — совсем другое дело.

Куртизанка, которую хозяйка вызвала к гостю, напустила на себя празднично-оживленный вид и, хотя радоваться ей было нечему, с улыбкой заговорила:

— Один за другим уходят годы. Как это печально! Прежде я всегда радовалась наступлению Нового года, думала — придет праздник, можно будет поиграть в волан. Но мне уже минуло девятнадцать. Скоро зашью разрезы на кимоно, обзаведусь семьей, детишки станут называть меня матушкой. Всего только год осталось мне ходить в фурикодэ.

Но у гостя, на беду, оказалась прекрасная память:

— Помнится, когда я в последний раз был в заведении «Ханая» в столице, на тебе было платье со скругленными рукавами, и тогда ты тоже говорила, что тебе девятнадцать. Но с тех пор уже лет двадцать прошло. Выходит, ты уже тридцать девять лет рассказываешь о платьях с длинными рукавами. О чем же тебе жалеть в этом мире? Да тебе просто повезло, что ты маленького роста и кажешься поэтому молодой.

Так, не считаясь с чувствами этой женщины, купец вспоминал прошлое, пока та не взмолилась:

— Простите меня.

Прекратив на этом неуместный разговор о летах, они поладили между собой и сдвинули изголовья.

Но вскоре явилась какая-то старуха, — по всей видимости мать этой женщины, — тихонько ее

окликнула и, поговорив с нею о том о сем, в конце концов с горечью произнесла:

— Я пришла взглянуть на тебя в последний раз. Из-за того что мне не хватает каких-то четырнадцати или пятнадцати моммэ, я должна буду утопиться.

Услыхав это, дочь разрыдалась, поспешно сняла с себя косодэ из дорогого шелка и, завернув его в фуросики, отдала матери. Растроганный купец подарил старухе золотую монету.

Как раз в это время в чайный домик заглянули двое юношей, по виду слуги актеров Кабуки. Услышав громкий голос довольного собственным великодушием купца, они без труда его отыскали.

— Так вот где вы изволили расположиться! — вскричали о н и . — Мы с утра уже несколько раз навещали вас, а вас все нет и нет. Хорошо, хоть здесь застали! — Они забрали у купца все деньги, что были при нем, а также хаори, меч и кимоно. — С уплатой остального долга мы, так и быть, подождем до пятого числа, — сказали они напоследок и удалились.

Очутившись в столь незавидном положении, купец все же попытался сохранить благопристойный вид.

— Когда тебя так просят о помощи, трудно отказать... Да, в последний день года нельзя отлучаться из дома, — сказал он и отправился восвояси.

А все принялись над ним потешаться:

— Такого дурака, как этот гость, поискать надо!

РАЗУМНЫЕ СОВЕТЫ О ТОМ, КАК ВЫГОДНЕЕ ВЕСТИ ХОЗЯЙСТВО

Согласно закону о разделе имущества, при женитьбе или замужестве детей надлежит поступать следующим образом. Если у вас есть, к примеру, состояние в тысячу каммэ, то старшему сыну и наследнику вы отдаете свой дом и четыреста каммэ в придачу; второй сын получает три сотни каммэ и усадьбу; третьему сыну вы вручаете сто каммэ, жените его и отправляете жить к тестю. Если же у вас есть еще и дочь, то вы даете ей в приданое тридцать каммэ и на двадцать каммэ одежды и всякой утвари; при этом лучше всего пристроить ее в семью с меньшим недостатком, нежели ваша собственная. В прежние времена на приданое невесте принято было тратить сорок каммэ и сверх того давать за ней десять каммэ наличными. Нынче же деньги интересуют людей больше всего, поэтому неплохо в сундук для одежды класть серебряные тѣгины, а сундук для домашней утвари набивать медяками.

Даже если девица настолько дурна собой, что не решится сесть возле зажженной свечи, приданое в тридцать каммэ сделает ее в глазах жениха прекрасным цветком! Опытный сват из Киото принимается расхваливать такую прелестницу следующими словами:

— Что ни говорите, эта девушка росла в доме богача и с малых лет жила в холе и довольстве. Личико у нее хоть и скуластое, но приятной округлости. Лоб выпуклый, будто создан для покрывала кацуги. Ноздри у нее, может быть, и великоваты, зато дышит она легко и свободно. Волосы, нет спору, редкие, но и это имеет свое преимущество: не так жарко будет

летом. Галия у нее, конечно, чересчур полная, но и это не так уж страшно — поверх платья она всегда будет носить парадное косодэ свободного покроя, поглядишь — и на душе приятно. И то, что пальцы у нее толстые, тоже не беда, крепче держаться будет за шею повитухи, когда приспееет время рожать.

Представив таким образом самые что ни на есть явные изъяны невесты в виде замечательных достоинств, сват продолжает:

— В подобных делах важен расчет. Если тридцать каммэ, которые принесет с собой невеста, вы отдадите в рост надежному человеку, то каждый месяц будете получать по сто восемьдесят моммэ, а на эти деньги можно прокормить четверых. Решайтесь, ведь, став вашей женой, эта девушка сможет содержать не только себя, но и горничную, служанку и швею, да к тому же будет всячески угождать вам и вашим родителям. Из нее получится прекрасная хозяйка, всем довольная и ничуть не жадная. А если вам захочется взглянуть на хорошенькую женщину, так для этого существуют веселые кварталы, там все до одной красотки. Когда бы вы туда ни завернули, вечером или среди н о ч и , — вам всегда скажут: «Добро пожаловать». Проводить там время куда как приятно. Но утром, когда вы соберетесь уходить и с вас потребуют кругленькую сумму, звон ваших денег на весах заглушит даже рассветные колокола. А это уже куда как неприятно!

В домах свиданий за маленькую чарочку сакэ берут по четыре бу серебром, а в чайных домах, где принято назначать встречи с мальчиками, чашка риса обходится в восемь бу. Это, конечно, очень дорого, но, как говорится, за кувшин, что скоро

бьется, втридорога берется, так что для подобных заведений это вполне естественно, ведь дело-то у них рискованное. Среди посетителей немало таких плутов, которые норовят удрать, не заплатив по счету. Ни стыда, ни совести у них нет. Отчаявшись взыскать долг с такого человека, хозяин заведения в конце концов махнет рукой: дескать, плакали мои денежки.

«Чтоб тебе в будущей жизни превратиться в голодного духа! Пусть все запеченные в винной подливке утки, вся рыба, поджаренная на дощечках из криптомерии, — все, что ты уписывал с такой охотой, — сгорит у тебя на глазах! Тогда ты пожалеешь, что не платил по счетам!» Такие проклятия посылает на голову своего должника хозяин, стуча по жаровне щипцами для углей. На его злобном лице нет и следа того умильного выражения, с которым он накануне принимал в подарок от этого посетителя хаори из дорогого шелка.

Уж поверьте мне, в развлечениях нужно знать меру, разгул не доведет до добра. Согласен, семейная жизнь скучновата, но ее можно стерпеть, ведь в своем доме у вас не будет никаких хлопот. Закусив на ночь тем, что окажется под рукой: холодным рисом, вареным соевым творогом или вяленой рыбой, — позовите к себе постояльца и попросите его рассказать о знаменитой «тыквенной тяжке», которую рассудил Итакура-доно. Потом без всякого стеснения уляжетесь в постель и велите служанке растереть вам ноги. А если вам захочется чаю, жена немедленно его подаст и, пока вы не кончите пить, будет держать чашку, — вам за ней даже и руку протягивать не придется. Для своих домочадцев вы полководец, и, когда повелеваете своим войском, никто вам

перечить не осмеливается. Стоит ли искать большего счастья?

Зная, что хозяин неотлучно сидит дома, приказчики из вашей лавки не посмеют бегать в веселые заведения Ясаки и назначать тайные свидания на постоянных дворах близ Оикэ. Но без дела долго не просидишь, на досуге они будут перечитывать письма от ваших приказчиков из Эдо и наверняка обнаружат какое-нибудь упущение. Вот и хорошо. Подмастерья, которые целыми днями крутят шпагат из ненужной бумаги, в свободное время, стремясь вам угодить, будут читать прописи, да так, чтобы было слышно во всех комнатах; это и для хозяина полезно. Даже слуга Кюсити, который только и мечтает, как бы поскорее бухнуться в постель, займется чем-нибудь дельным, — распустит, к примеру, рогожку, в какой обыкновенно доставляют рыбу, и совет шнур для на низывания монет. А служанка Такэ, ссылаясь на то, что по утрам у нее все из рук валится, еще с вечера приготовит репу на завтрак. За те часы, что вы дома, швея успеет обрезать столько узелков на шелке из Хино, сколько обычно обрезает за целый день. Кошка и та найдет себе дело: она станет зорким стражем у вас на кухне, способным все разглядеть даже сквозь кухонную доску толщиной в три суна, а когда вблизи крюка, на котором подвешена рыба, послышится хотя бы малейший шорох, она подаст голос и отпугнет мышей. Если за один только вечер, когда вы дома, можно извлечь столько выгоды, то подумайте, каков будет прибыток за целый год! Так что, пусть даже супруга вам не очень по нраву, поразмыслив хорошенько, вы поймете, что посещение веселых кварталов — всего лишь напрасная трата денег, и вас перестанет туда тянуть. Если молодой хозяин

в состоянии все это уразуметь, домашние дела пойдут у него на лад.

Так в конце года рассуждал сват в духе рачительности, столь ценимой в Киото. Если слушать его долгие наставления вполуха, все равно хоть что-нибудь да западет в память.

К слову сказать, нынешние женщины с готовностью перенимают все, что видят, и во всем пытаются походить на куртизанок. Жены столичных мануфактурщиков, обращаясь к которым все почтительно говорят «госпожа», наряжаются так, что их можно принять за куртизанок высшего разряда. Жены купцов, выбившихся из приказчиков, с виду неотличимы от банщиц. Ну, а женщины с еще меньшим достатком: жены портных или вышивальщиков, живущие в тесных переулках, — выглядят точь-в-точь как потаскушки из чайных домиков. Смешно глядеть, как все они стараются походить на продажных девиц, каждая по своим деньгам! В сущности, любая женщина не так уж сильно отличается от гетеры. Только она, как правило, глупа, докучлива, неуклюжа. Писать красиво не умеет, пить сакэ с подобающим изяществом не обучена, даже песню спеть — и то не может. Одежда на ней сидит нескладно, движения у нее неловкие, и ходит она вперевалку. В постели говорит только о мисо и о соли. Салфетки «ханагами» использует по одному листочку — из бережливости. Об алоэ знает лишь, что это лекарство. Все в такой женщине вызывает отвращение. Взгляните хотя бы на ее прическу: будто такая же, как у куртизанки, но только глупец скажет, что эта прическа ей к лицу.

Среди мужчин, позволяющих себе развлекаться с дэёро, не сыскать ни одного простофили. Все они знают, как трудно зарабатывать деньги, и очень

неохотно с ними расстаются. Никакая сила не способна заставить их отдать долги, даже если заимодавцы ходят за ними по пятам или — еще того хуже! — грозят завести тяжбу. Это не мешает им, однако, договариваться о новогодней пирушке с куртизанками в веселом квартале. Денег это стоит немалых, но уже тринадцатого числа последнего месяца, в первый день приготовления к празднику, они оплачивают все счета. Уж очень любят они развлекаться! Только неразумное это расточительство!

Некий преуспевающий купец с улицы Карасумару, удалившись на покой, дал обоим своим сыновьям по пятьсот каммэ наличными. Младший брат постепенно расширил свое дело и через некоторое время нажил состояние в две тысячи каммэ, по крайней мере, так утверждают его родственники. Что же до старшего брата, то уже на исходе четвертого года с тех пор, как в его руки попало наследство, ему пришлось надвинуть на глаза бумажный клубок и отправиться на улицу торговать молотым перцем.

«Если бы нынче выдалась лунная н о ч ь , — размышлял он, слоняясь по городу, — разве смог бы я пойти торговать вразнос? А в темноте еще куда ни шло. Недаром говорят: «Небо не покидает человека в беде!»

Вот так, на улице, этот разорившийся купец и встретил Новый год. А когда, повинуясь привычке, добрел он до дороги, ведущей в Тамбу, откуда рукой подать до веселого квартала Симабара, уже стало светать. Тут вспомнилось ему, как в лучшие времена выходил он из этих знакомых ворот после ночных гуляний с куртизанками. Грустно ему стало — и сразу же заторопился он домой.

В ЭТОМ СУЕТНОМ МИРЕ ИЗ-ЗА ВСЕГО СУЕТАТСЯ, ДАЖЕ ИЗ-ЗА ДВЕРНЫХ КОСЯКОВ

Ко всему можно привыкнуть, даже к тому, что внушает нам страх.

Дорога, ведущая к веселому кварталу Симабара, самому известному в столице, вьется среди рисовых полей; это та самая «тропа Сюдзяка», о которой поется в модных песенках. Осенью, когда созревает рис, спасая посевы от птиц, в поле ставят пугало, надевают на него старую плетеную шляпу и умело прилаживают к нему бамбуковую палку. Однако коршуны и вороны, привыкшие изо дня в день видеть широкополые соломенные шляпы с выжженным на них клеймом какого-нибудь веселого заведения, принимают пугало за гуляку, в одиночку идущего в Симабару, и вовсе не испытывают страха. Обнаглевшие птицы осмеливаются даже садиться на шляпу, будто это не пугало, а какой-нибудь искатель любовных приключений.

Казалось бы, нет в жизни ничего страшнее встречи со сборщиком долгов. И тем не менее находятся должники, которые даже в последний день года не считают нужным скрываться от заимодавцев.

— С давних времен и доньше за неуплату долгов голову с плеч не сносят, — сказал один из них в последний день года. — Добро бы у меня были деньги, а тут и рад бы заплатить, да нечем, а на нет и суда нет! Если бы все получалось, как хочется, у меня в саду сейчас же выросло бы дерево с деньгами. Только откуда ему взяться? Ведь чего не посадишь, то не вырастет.

С этими словами он расстелил на солнышке в углу сада старую циновку, достал палочки для еды,

большой кухонный нож и, хорошенько наточив его, молвил:

— С таким трудом счистил я ржавчину с ножа, а у меня нет даже маленькой рыбешки, которую можно было бы им резать. Правда, никто не знает, что случится в следующий миг. Вдруг я сейчас с отчаяния решу покончить с собой и зарежусь. Я свое прожил, мне уже пятьдесят шесть, и с жизнью расставаться не жаль. А вот толстопузый богатей, владелец дома в самом центре Киото, по воле злой судьбы умер совсем еще молодым. Ежели бы он соблаговолил в свое время уплатить по моим счетам, то я — без обмана — вспорол бы себе живот и отправился вместо него на тот свет. Клянусь пресветлыми божествами Удзигами и Инари!

Тут он принялся размахивать кухонным ножом с таким видом, будто в него вселилась лисица. Как раз в это время на глаза ему попала огромная черная курица, с квохтаньем разгуливавшая по саду.

— Тебя-то я и возьму в спутники на тот свет! — крикнул он и одним махом отрубил ей голову.

Сборщики долгов, поджидавшие хозяина в кухне, не на шутку перепугались. «С таким необузданным человеком лучше не связываться, — решили о н и . — Чего доброго, придерется к какому-нибудь не так сказанному слову, да и пустит в ход нож». Подойдя к очагу, над которым грелась вода для чая, кто-то из них сказал:

— Не позавидуешь жене этого господина. Тяжкая выпала ей доля. Жаль бедняжку!

С тем они и отправились восвояси.

Недостойная уловка, к которой прибег этот человек, чтобы не расплачиваться с займодавцами, оказа-

лась удачной. В один миг он уладил свои дела, даже ни перед кем не повинившись.

Но на его беду среди сборщиков долгов оказался приказчик из лавки лесоторговца в Хорикаве. Лет ему было восемнадцать, от силы девятнадцать — совсем недавно стал он выбривать на лбу волосы. Вдобавок уродился слабым, точно девушка. Зато нрава был решительного. Пока хозяин дома запугивал сборщиков долгов, он спокойно сидел на бамбуковой галерее и, перебирая четки, которые всегда носил в рукаве кимоно, повторял про себя молитвы. Когда же все разошлись и шум поутих, он обратился к хозяину с такими словами:

— Я вижу, представление окончено. Мне остается только получить с вас долг и вернуться домой.

— Что ты болтаешь? — возмутился тот. — Люди постарше тебя и те простили мне долги и ушли, а ты все околачиваешься здесь да еще несешь всякий вздор. О каком это представлении ты говоришь?

— В такой день, как нынешний, недостойно прикидываться, будто вы хотите совершить самоубийство.

— Как-нибудь обойдусь без твоих поучений!

— А я все равно не уйду, покуда не получу денег.

— Каких еще денег?

— Тех, что вы задолжали и не хотите платить.

— Да кто ты такой, чтобы взыскивать с меня долг?

— Кто такой? Сборщик долгов! Что-что, а свое дело я знаю. Из всей нашей братии один только я могу требовать деньги с тех, кто упорно не желает платить. А их ни много ни мало двадцать семь человек! Вот, загляните в эту тетрадь. Двадцать шесть человек

уже заплатили, и вы заплатите, иначе я не уйду. Имейте в виду, пока вы не заплатите за доски, которые взяли у нас на перестройку дома, они принадлежат нам. Если вы не намерены сейчас же вернуть деньги, я их заберу.

Приказчик схватил большой деревянный молоток и принялся сбивать дверные косяки. Тут хозяин не выдержал и завопил:

— Не допущу такого самоуправства!

Тот ему в ответ:

— Ваши уловки по нынешним временам устарели. Вы, видно, не знаете, как сейчас поступают сборщики долгов. Сниму у вас все косяки — и мы в расчете. Такой у нас порядок.

Хозяину ничего не оставалось, как извиниться и отдать долг сполна.

— Теперь, — сказал приказчик, — я могу вас оставить в покое. Но, что ни говорите, ваш способ уклоняться от уплаты долгов устарел. Так понапрасну противиться всему, что бы вам ни сказали, нехорошо. Вот мой вам совет. Договоритесь заранее со своей женой и в последний день года, как только появятся сборщики долгов, разыграйте с ней ссору. Пусть жена наденет уличное кимоно и крикнет вам: «Я готова хоть сейчас уйти из дома. Но знай, это повлечет за собой гибель нескольких человек. А с такими вещами не шутят. Ну что, уходить мне? Ведь если уйду — не вернусь!» А вы ей в ответ: «Так мне хотелось отдать все долги, чтобы оставить о себе добрую память! Не зря говорится: человек смертен, а слава о нем живет вечно. Но теперь уже ничего не изменишь. Поздно... Завтра меня уже не будет в живых. О, горе!» При этих словах достаньте какие-нибудь исписанные листки и рвите их — один за

другим — с таким видом, будто уничтожаете казенные бумаги. У любого сборщика долгов дрогнет сердце, и он удалится.

— Такое мне и правда в голову не приходило. Ну как, жена, воспользуемся этим добрым поучением на следующий год? — сказал хозяин и обратился к приказчику: — Подумать только: годами вы совсем еще молоды, а разумом меня превзошли. Спасибо вам за совет. А теперь соблаговолите разделить с нами скромную трапезу.

Хозяйка ощипала убитую мужем курицу и сварила суп, а когда, накормив и напоив, гостя отправили домой, хозяин обратился к жене:

— Ждать до будущего года нам не придется. Как только стемнеет, эти наглецы, сборщики долгов, опять сюда нагрянут.

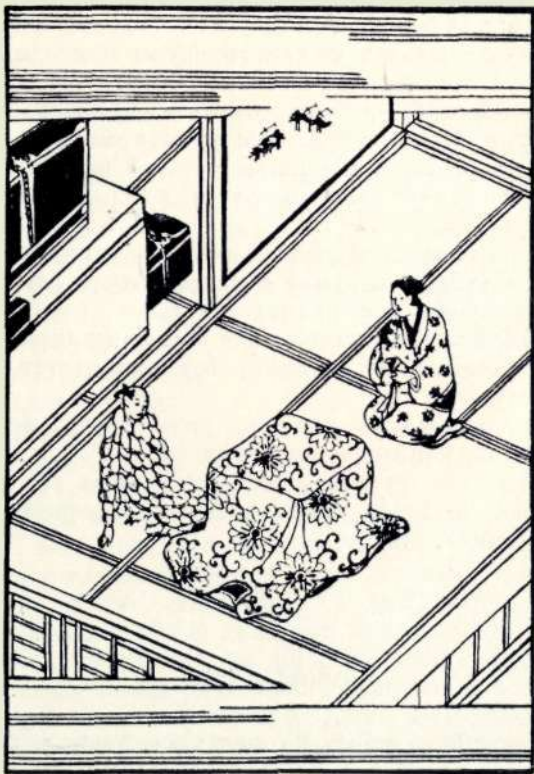
В тот же миг супруги разыграли ссору, и все произошло так, как предсказал приказчик.

От кого это пошло — неизвестно, но с тех самых пор человека этого стали называть «Сварливцем с улицы Омия».

ЗОЛОТЫЕ СНЫ

«Даже во сне не забывай о делах!» — такое наставление даст вам любой богач. И в самом деле, во сне человек видит то, что его больше всего волнует, оттого сновидения бывают и радостные, и печальные. Но самое неприятное, когда во сне находишь оброненные кем-то деньги, — ведь наяву такого не случается. Да и кто по нынешним временам станет терять свои де-

нежки? Люди дорожат ими пуще жизни! Уж на что много пароду стекается в храм в день заупокойной службы, которая каждому прихожанину зачитывается за десять тысяч дней богомолья, или в праздник Тэмма-мацури, и то трудно себе представить, чтобы кто-нибудь потерял хоть медный грош. Как бы то ни было, а деньги водятся лишь у того, кто зарабатывает их своим трудом.

Жил на свете один человек. Был он до крайности беден. Но трудиться не хотел, лишь все время размышлял, как бы в один миг разбогатеть. Когда он еще жил в Эдо, ему довелось однажды увидеть в меняльной лавке на улице Суруга-тё целую горку серебряных монет. Это зрелище так его потрясло, что даже по прошествии нескольких лет он не мог его позабыть.

Наступил канун Нового года.

— Вот бы мне сейчас этакую грудичу серебра, — вздохнул он, растянувшись на ватном тюфяке. — Да, помнится еще, в той лавке на подстилке из оленьей шкуры лежали новенькие золотые кобаны, и занимали они ничуть не меньше места, чем я на своем тюфяке.

Размечтавшись, он незаметно уснул.

На следующее утро жена его пробудилась чуть свет и принялась думать, где бы раздобыть хоть немного денег для встречи Нового года.

— Похоже, нынешний день не сулит нам ничего хорошего, — горестно проговорила она и выглянула в окно. И вдруг, к величайшему своему изумлению, увидела огромную грудку золотых кобанов, озаренных первыми солнечными лучами.

«Вот так чудо! Вот так везение! Не иначе как это дар Неба!» — обрадовалась она и стала тормошить мужа.

— Что случилось? — сонно пробормотал он, и в то же мгновение золотая груда исчезла, словно растаяла.

Женщина только ахнуть успела:

— Какая жалость!

Она поведала обо всем мужу, и он сказал:

— С тех пор как я увидел в Эдо груды золота и серебра, я не переставал о них думать. И так мне хотелось ими завладеть, что мой сон на короткий миг превратился в явь; вот ты и увидела золото. На самом же деле положение мое настолько худо, что я готов хоть сейчас отправиться в Саё-но Накаямю и ударить там в «Колокол вечного ада». Мне хочется избавиться от нищеты еще в этой жизни, пусть даже в будущей я прямым попаду в ад, так и не вкусив райского блаженства. Куда ни поглядишь, для богачей везде рай, а бедняки маются, будто в аду, нет у них даже полена, чтобы развести очаг. Ах, до чего печальный у нас конец года!

Дурные помыслы овладели им с такой силой, что, когда он снова задремал, ему привиделось, будто сами бесы-мучители явились за ним в своей грохочущей огненной колеснице и показали ему черту, которая отделяет их мир от мира человеческого.

Проснувшись, он рассказал об этом жене. Та еще больше опечалилась и принялась корить мужа:

— Никто на свете не живет до ста лет. Так не глупо ли тешить себя пустыми мечтами? Когда-нибудь, если наша любовь останется неизменной, нам, быть может, и доведется счастливо отпраздновать Новый год. Я знаю, ты с горечью думаешь о моей тяжелой доле. Но если все будет продолжаться по-прежнему, мы все трое — умрем от голода. К счастью, меня

приглашают кормилицей в один дом, и ради нашего единственного ребенка я должна согласиться. Обещай хорошенько заботиться о дочке, тогда мы еще сможем надеяться на счастье в будущем. Я совершаю жестокость, покидая нашу крошку. Молю тебя об одном: заботься о ней как следует.

Тут женщина залилась слезами, а муж настолько огорчился, что не мог вымолвить ни слова в ответ. Не смея взглянуть на жену, он закрыл глаза.

Как раз в это время в сопровождении какой-то старухи лет шестидесяти в дом вошла посредница по найму прислуги, жившая в окрестностях Сумидзомэ.

— Еще вчера я сказала, — обратилась посредница к молодой матери, — что у тебя хорошие груди; поэтому ты можешь получить вперед в счет жалованья восемьдесят пять моммэ. Вдобавок хозяин обещает четыре раза в год справлять тебе по новому кимоно. Скажи мне за это спасибо. Своей стряпухе, — девица она крепкая и такая рослая, что, того и гляди, головой до облаков достанет, — он платит всего тридцать два моммэ за полгода, а ведь она не только готовит, но и ткёт полотно! Тебя же берут на таких выгодных условиях лишь потому, что у тебя много молока, поняла? Я подыскала еще одну женщину, которая живет в верхней части улицы Кёмати, так что решай скорее. Кормилица им нужна сегодня же.

Молодая женщина не заставила себя ждать с ответом:

— Я на все согласна, лишь бы моя семья не голодала. Не знаю, правда, смогу ли угодить любимому сыночку этого господина, но служить буду преданно.

— В таком случае мы сейчас же туда и отправимся, — сказала посредница и, не удостоив хозяина ни единым словом, сбегала к соседям, взяла у них тушечницу и, заключив с кормилицей договор сроком на год, вручила ей сверток, на котором было написано: «Тридцать семь монет, а всего восемьдесят пять моммэ». Затем, спохватившись, она проворно вынула из свертка восемь моммэ и пять бу и заметила:

— Эти денежки причитаются мне за услуги. Не все ли равно, когда получать их, сейчас или потом? Любой другой на моем месте взял бы с тебя не меньше.

Покончив с делами, посредница стала торопить женщину:

— Ну, госпожа кормилица! Будет тебе прихорашиваться! Пошли!

На глаза мужа навернулись слезы. С покрасневшим от плача лицом женщина склонилась над маленькой дочкой:

— Прощай, О-Ман! Твоя мама будет теперь жить в доме нового господина. Я приду повидать тебя после новогоднего праздника.

Затем несчастная мать, вся в слезах, побежала к соседям попросить их присмотреть за ребенком.

Жестокосердая посредница не преминула заметить:

— Дети и без родителей вырастают. Кому суждено выжить, тот выживет, хоть забей его до полу-смерти! Ну, прощайте, хозяин.

С этими словами она вышла из дому. Обе женщины последовали за ней. Взглянув в последний раз на дом кормилицы, старуха сказала:

— Увидела я твоего младенца и вспомнила о своем бедном внуке. Каково ему расти без материнского молока!

Нисколько не щадя чувств матери, посредница изрекла:

— Ничего не поделаешь. Все беды происходят из-за денег. Да какое нам, в сущности, дело, помрет ее девчонка или нет?

Последний день года был уже на исходе. Охваченный неодолимой печалью, покинутый муж предавался своим раздумьям: «Я унаследовал от отца огромное состояние, но быстро все промотал и был вынужден покинуть Эдо. Только благодаря любящей жене я сумел обосноваться здесь, в селении Фусими. И сейчас мы могли бы быть счастливы, встречая благословенный новогодний праздник вместе, даже если бы наше угощение состояло из одного чая. А как ждала этого дня моя бедная женушка! Даже купила две пары новых палочек для еды. Увы! Все понапрасну!»

Тут он схватил пару палочек и с возгласом: «Теперь они не нужны!» — разломал их и бросил в огонь.

Среди ночи заплакал ребенок, и унять его было невозможно. Хорошо еще, что прибежали соседки и посоветовали сварить кашу из рисовой муки, добавить к ней сладких тянучек, подогреть и покормить ребенка из бамбуковой трубочки. А одна из соседок заметила:

— Может, мне показалось, но прошел всего день, а ребенок до того осунулся, что подбородочек у него заострился!

— Так оно и есть, — отвечал отец. — Но что тут поделаешь?

В душе его поднялась такая злоба на самого себя, что он швырнул со всего размаху прямо во двор щипцы для углей, которые держал в руке.

— На нашего соседа просто жалко смотреть, — проговорила одна из женщин. — А вот жене его, надо сказать, повезло. Господин, к которому она нанялась, любит хорошеньких. Ну, а эта женщина непременно придется ему по вкусу, потому что очень похожа на его покойную супругу, особенно со спины.

Не в силах слушать такое, покинутый муж воскликнул:

— А ведь деньги, которые мы получили, лежат нетронутые! Уж лучше погибнуть от нужды, чем жить в разлуке!

Он схватил деньги и выскочил из дому.

Так он вернул жену, и они вместе встретили Новый год. Хоть и в слезах, да вместе!

ДАЖЕ БОГИ ИНОГДА ОШИБАЮТСЯ

Каждый год в десятом месяце японские боги покидают подвластные им провинции и собираются в Великом Храме в Идзумо. Здесь они держат совет о ниспослании народу мира и благополучия, решают, кого из богов, ведающих счастливым направлением года, в какую землю послать, спешат вовремя завершить приготовления к новогоднему празднику. Удостоиться чести встретить праздник в Киото, Эдо и Осаке — главных городах страны — могут лишь боги,

превзошедшие других в добродетели. В Нару или Сакаи тоже отправляются лишь самые старые, умеренные опытом боги. Немалыми достоинствами должны обладать и те из них, которых посылают в Нагасаки, Ооцу и Фусими. Нет такого уголка в стране, будь то призамковый посад, приморский городок, поселок в горах или цветущее селение, куда не пожаловал бы свой бог счастья. Он не оставит своей милостью ни один малолюдный островок, ни одну убогую лачугу рыбака. Во все дома, где толкут моти и украшают ворота ветками сосны, непременно придет Новый год.

Однако любой из этих богов норовит оказаться поближе к столице, охотников же встречать Новый год в деревенской глуши, как правило, не находится. Нет сомнения, что если предложить им выбор, то все без изъятия отдадут предпочтение городу.

Дни и месяцы нашей жизни мчатся с быстротой водного потока, годы же подобны волнам, набегающим на берег. Не успеваешь оглянуться — последний месяц уже на исходе.

Жители Сакаи в провинции Сэнсю только и думают, что о богатстве, и хозяйство стараются вести как можно бережливее. Но достатком своим не кичатся. Снаружи жилище богача вроде бы ничем не примечательно — небольшой дом с решетчатым фасадом, в каких обычно доживают свой век купцы, которые уже не ведут торговли, зато внутри там есть где развернуться. Дела свои богач ведет так, что суммы, записанные в течение года в тетрадь доходов, неизменно увеличиваются и перекрывают все расходы на хозяйство.

Ежели в семье такого человека растет дочь, то после того, как она переболела оспой, он долго и вни-

мательно присматривается к ней и, как только убедится, что нисколько она не хуже других, а со временем станет девушкой, по нынешним понятиям, достаточно привлекательной, начинает готовить для нее приданое, хотя невесте всего-то пять годочков. Если же девочка не хороша собой и может в невестах засидеться, богач старается скопить побольше денег на приданое, помимо основного ремесла принимается за ростовщичество. Подобная предусмотрительность необходима, дабы избежать излишних хлопот во время сватовства.

Богач привык о каждой мелочи думать заблаговременно, и потому дом его постепенно обрастает пристройками: крыша еще не прохудилась, а он ее подновляет, столбы еще крепкие, а он подводит под них каменное основание. Медный желоб на карнизе еще не требует починки, между тем он из года в год следит за ценами на медь и покупает ее загодя на самых выгодных условиях. Шелковому кимоно ручного тканья, сшитому на каждый день, сноса не будет, потому что движения богача размеренны, степенны. В такой одежде он даже в будние дни выглядит изысканно-нарядным, но поступает при этом вполне по-хозяйски. От отца он унаследовал драгоценную утварь для чайной церемонии, которая передается в его семье из поколения в поколение, так что стоит ему позвать гостей по случаю проводов старого года, как тотчас же о нем расходится молва: этот человек-де живет в роскоши. Вот что значит из года в год вести хозяйство с умом!

И раз уж богач во всяком деле проявляет бережливость да расчетливость, то о купце с небольшим достатком и говорить не приходится. Вместо подушки

он подкладывает под голову счеты и даже во сне не забывает, что близящийся конец года может принести ему либо удачу, либо разорение. Вместо того чтобы любоваться алыми листьями осенних кленов, он толчет в ступке дешевый красный рис, воображая, будто цвет его ничуть не хуже. Окунями, которых в пору цветения сакуры вылавливают в море прямо у него на глазах, такой купец лакомиться не станет. Он живо смекнет: эта рыбка в большом почете у столичных жителей, так пусть раскошеляются, — и каждую ночь будет отправлять в Киото большие корзины со свежевывловленными окунями. Кефаль он выставляет на стол только для гостей, сам ее не ест, ссылаясь на то, что уж очень она пахнет тиной. Жители столицы, окруженной горами, в изобилии едят свежих тунцов, в то время как здесь, неподалеку от моря, люди довольствуются мелкой прибрежной рыбешкой. Недаром в пословице говорится: «Маяк далеко светит, а у самого его основания темно».

В канун Нового года, едва стемнело, один из богов счастья незаметно проскользнул в дом какого-то, как ему показалось, удачливого торговца, чтобы в его семье встретить праздник. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что хотя полочка эходана и висит на положенном месте, светильники не зажжены и повсюду царят печаль и уныние. Но поскольку этот дом он облюбовал для себя сам, то покинуть его и отправиться еще куда-нибудь было неудобно, да к тому же там мог оказаться другой бог счастья. Поэтому он решил остаться в этом доме и поглядеть, как его обитатели будут встречать Новый год. И вот он стал внимательно наблюдать за всем происходящим.

Всякий раз, как раздавался стук в дверь, хозяйка вздрагивала от страха и каждому, кто приходил, говорила извиняющимся тоном:

— Хозяин еще не вернулся. Какая жалость, что вы опять обеспокоили себя понапрасну!

Незаметно миновала полночь. А на рассвете у дома купца снова собрались заимодавцы.

— Ну что, вернулся хозяин? — закричали они сердитыми голосами. — Где его носит?

В это время откуда-то прибежал приказчик и, едва переводя дух, затараторил:

— Когда мы были уже на полпути в Сукэмацу, на нас напали верзилы, человек пять или шесть, и с криком: «Давай деньги, если жизнь дорога!» — потащили хозяина в сосновую рощу. Но я притворился, будто не слышу, и со всех ног помчался сюда.

Хозяйка воскликнула:

— Ты покинул в беде своего господина! Презренный трус! А еще зовешься мужчиной, — и залилась слезами. При виде ее горя заимодавцы поспешили удалиться.

Как только непрошеные гости разошлись, на лице хозяйки не осталось и следа горя. Приказчик вынул из-за пазухи мешочек с деньгами и сказал:

— В деревне сейчас тоже дела идут туго. Вот кое-как выколотил тридцать пять моммэ серебром да шесть сотен монов медяками.

Да, послужишь в доме, где так лихо умеют обманывать, — и сам плутом станешь!

Хозяин все это время сидел, затаившись в углу кладовки, и в который уже раз перечитывал «Повести о карме». В одной из них рассказывалось о некоем бедном ронине, который жил на почтовой станции Фува в провинции Мино. Попав перед Новым годом в

тяжкое положение, этот самурай вне себя от отчаяния выхватил меч и заколол жену и детей. Дойдя до этого места, самого горестного во всей книге, наш купец опечалился еще больше. «Когда так бедствуешь, остается лишь умереть», — сказал он и, проникшись глубоким состраданием к несчастному ронину, тихонько заплакал. И тут вдруг услышал голос жены:

— Сборщики долгов разошлись!

У хозяина отлегло от сердца, и он несмело выглянул из своего укрытия.

— Один этот день стоил мне нескольких лет жизни! — проговорил он и тяжело вздохнул, вспомнив о былом своем благополучии. Затем он отправился покупать рис и запастись дровами, — и это в ту пору, когда в других семьях новогодний пир шел уже полным ходом. В первый день Нового года в доме купца на стол подали самую что ни на есть будничную еду и лишь наутро второго дня наконец-то приготовили дзони и принесли жертвоприношения буддам и богам.

— Вот уже лет десять, — оправдывался хозяин, — как у нас в семье Новый год празднуют на второй день. Поднос для священных приношений совсем старенький, но вы уж, пожалуйста, не обессудьте.

Но даже и в этот день на ужин нечего было есть.

Уж на что мудрым был этот бог счастья, но и он не мог предположить, что купец до такой степени беден. Едва-едва дождался он конца праздников и на четвертый день Нового года выбрался из этого дома и направился прямо в Имамию к Эбису-доно.

— Не повезло мне на этот раз, — посетовал бог счастья. — Я принял убогий дом за богатый и там встречал Новый год.

Выслушав его печальный рассказ, Эбису молвил:

— Вам, столь мудрому богу, не к лицу попадать впросак. Прежде чем остановить свой выбор на каком-либо доме, к нему надобно хорошенько приглядеться. В доме, где двери к празднику не вымыты, где хозяйка заискивает перед прислугой и где края циновок вытерлись от времени, не приходится рассчитывать на хороший прием. Велик город Сакаи, а таких бедных домов там отыщется всего четыре, ну, от силы — пять. Вам и в самом деле не повезло, коли вы угодили в один из них! А вот обо мне не худо позаботились купцы из разных провинций, взгляните, сколько бочонков сакэ и окуней в связках натащили! Подкрепитесь как следует, а потом уж возвращайтесь в землю Идзумо.

С этими словами Эбису принялся потчевать своего незадачливого собрата, а потом оставил его у себя ненадолго погостить.

Обо всем этом простые смертные узнали от одного человека; рано утром в десятый день первой луны он явился на поклон к Эбису-доно и невольно подслушал разговор, который боги вели во внутреннем святилище храма.

История эта лишний раз подтверждает ту истину, что даже боги бывают бедные и богатые, о людях же и говорить нечего. А поскольку мы живем в суетном мире, где все переменчиво, нам надлежит без устали думать о процветании унаследованного от предков дела и трудиться не покладая рук, дабы богу счастья, который навещает нас всего раз в году, не пришлось испытать в нашем доме ни малейшего неудобства!

ПОСИДЕЛКИ В НАРЕ ВОКРУГ КУХОННОГО ОЧАГА

Забавно устроен мир! Бывает, что много лет кряду изо дня в день вам встречается один и тот же человек.

Жил в Сакаи купец, который чуть ли не два с половиной десятка лет приходил торговать в Нару. Торговал он одними лишь осьминогами, за что получил прозвище Хатискэ — «Продавец осьминогов». Решительно все знали его в лицо, и постепенно у него появилось много покупателей, так что он вполне мог прокормить семью из трех человек. И все же ему ни разу не удалось скопить к Новому году хотя бы пятьсот медяков. Самая большая роскошь, какую он мог себе позволить в праздник, — это накормить своих домочадцев дзони.

Смолоду торговец этот привык жить с расчетом и никогда ничего не делал даром. Даже когда старуха мать просила его купить грелку для рук, он брал с нее плату за хлопоты. А о чужих и говорить не приходится. Случись кому-нибудь попросить его сбегать за повитухой, — ведь в этом деле дорога каждая минута, — он с места не двинется, покуда перед ним не поставят чашку политого чаем риса. Много на свете скаредов, но такого, как он, не часто встретишь. Даже отправляясь за полотном на саван для умершего собрата по поручению молитвенной общины, он требовал вознаграждения за услуги. В народе о таких говорят: «И за счет покойника рад поживиться». Но хотя думал он только о собственной выгоде, разбогатеть ему никак не удавалось. Недаром говорят, что есть справедливость небесная.

Осьминога потому и зовут осьминогом, что у него восемь ног. Однако наш торговец с самого первого дня появления в Наре отрезал у всех своих осьминогов по ноге. Никто, на его счастье, этого не замечал, и плутовство сходило ему с рук. Отрезанные ноги он сбывал владельцу какой-то харчевни в городке Мацубара. Вот до чего доводит жадность!

Есть хорошая поговорка: «Семьдесят пять раз сойдет, на семьдесят шестой попадешься!» Рано или поздно любой обман раскрывается. В самом конце прошлого года Хатискэ совсем обнаглел и стал отрезать у осьминогов уже по две ноги, преспокойно сбывая своих шестиногих калек. К счастью для него, в предновогодней суете этого опять никто не заметил. Но вот на улице Тэгай его пригласили в дом, окруженный изгородью из плетеного бамбука, и купили у него двух осьминогов. Хатискэ собрался уже было уходить, когда хозяин дома, старик с гладко выбритой, точно у монаха, головой, оторвавшись от игры в го, подошел к нему и сказал:

— Что-то у ваших осьминогов подошлы коротковаты.

Затем старик осмотрел их как следует, понял, что у каждого осьминога не хватает двух ног, и вскричал:

— Интересно, в каких это морях водятся такие уродцы? С самой эры богов ни в одной книге не упоминалось об осьминогах с шестью ногами... Значит, все это время ты, несчастный, водил за нос жителей Нары. Ну погоди, теперь-то я хорошо тебя запомнил.

— Нечего меня пугать! — огрызнулся торговец. — Я и сам не стану продавать свой товар таким лентяям, как вы. В последний день года развлекаетесь игрой в го!

Вскоре слух об этом происшествии облетел всю округу. На каждом углу только и судачили о Хатискэ — «Продавце шестиногов». А поскольку Нара городок небольшой, торговец навсегда потерял всех тамошних покупателей. И виною всему была неумная его жадность.

К слову сказать, в Наре в канун Нового года куда спокойнее, нежели в Киото или Осаке. За купленное в долг люди здесь вносят столько денег, сколько могут, а остальное обещают вернуть в следующий раз, заимодавцы верят им на слово и больше не беспокоят перед праздником. Часам к десяти вечера все жители Нары заканчивают свои дела, и в каждом доме устраиваются новогодние посиделки в кухне. Там загодя разжигают очаг и устилают земляной пол циновками, на которых рассаживаются все домочадцы, начиная с хозяина и кончая слугами. По местному обычаю, они вместе пекут круглые моти, используя, как это принято в Наре, формочки из бамбуковых колец, и тут же ими лакомятся. До чего приятно это зрелище семейного благополучия.

Простолюдины, которые живут на северных окраинах города, по обыкновению, начинают свой праздник посещением дома Инабы — вассала святого настоятеля храма Кофукудзи. После этого они обходят весь город, возглашая у каждого дома: «Богатство, богатство, богатство!» — и всюду им подают рисовые лепешки и медяки. Если присмотреться, они напоминают тех, кого в Осаке зовут «изгоняющими беды».

В первый день Нового года, чуть забрезжит рассвет, улицы оглашаются выкриками торговцев картинками с изображением бога Дайкоку, сидящего на мешке с сокровищами: «Покупайте мешки со

счастьем, не проходите мимо своего счастья!» На рассвете второго дня раздаются голоса: «Эбису, кому Эбису!» А на третье утро Нового года торгуют картинками, изображающими бога сокровищ Бисямона: «Кто еще не купил Бисямона, подходите скорее!» Так три утра подряд зазывают покупателей продавцы богов счастья.

По существующему в Наре обычаю в первый день года жители не ходят друг к другу с новогодними поздравлениями, зато отправляются на поклон в храм Касуга-даймёодзин. По этому случаю собирается вся семья — даже самые дальние родственники, и нет конца их оживленным беседам. При этом чем больше родни, тем больше к семье уважения. Где бы то ни было — богатые и знатные всегда вызывают зависть.

Торговцы беленым полотном, которое производится в Наре, весь год поставляют его столичным мануфактурщикам, а деньги за него получают в конце года. Закончив свои дела в Киото, они в новогоднюю ночь отправляются в Нару, освещая себе путь факелами. Трудно вообразить, сколько тысяч каммэ стекается в Южную столицу в уплату за полотно. По возвращении в Нару торговцы прячут деньги в кладовую, а к пятому числу первого месяца заканчивают подсчеты своих доходов. И так из года в год.

В одной из глухих деревушек Ямато скрывались четверо нищих ронинов. Отчаявшись заработать хоть немного денег для встречи Нового года, они решили напасть на купцов, когда те будут возвращаться в Нару. И вот, сговорившись между собой, они, рискуя жизнью, осуществили задуманное, но, осмотрев хорошенько ящики, обнаружили в них большие

деньги — тридцать каммэ и пятьдесят каммэ, а вовсе не ту мелочь, на которую по бедности своей рассчитывали. Поразмыслив, грабители не решились взять эти деньги себе на выпивку и сочли за лучшее отправиться к Темному перевалу, чтобы там подкараулить какого-нибудь купчишку, возвращающегося из Осаки. Вскоре они увидели небольшого роста мужчину с перекинутым через плечо свертком из рогожи.

— Глядите-ка, неплохо придумал, — заметил один из грабителей. — Поклажа у него наверняка тяжелая, а несет он ее так, будто она ничего не весит. Не иначе как там у него спрятаны деньги!

Выскочив из засады, они отняли у путника сверток и поспешили скрыться. А тот закричал им вдогонку:

— К завтрашнему дню вам это не пригодится, ей-ей, не пригодится!

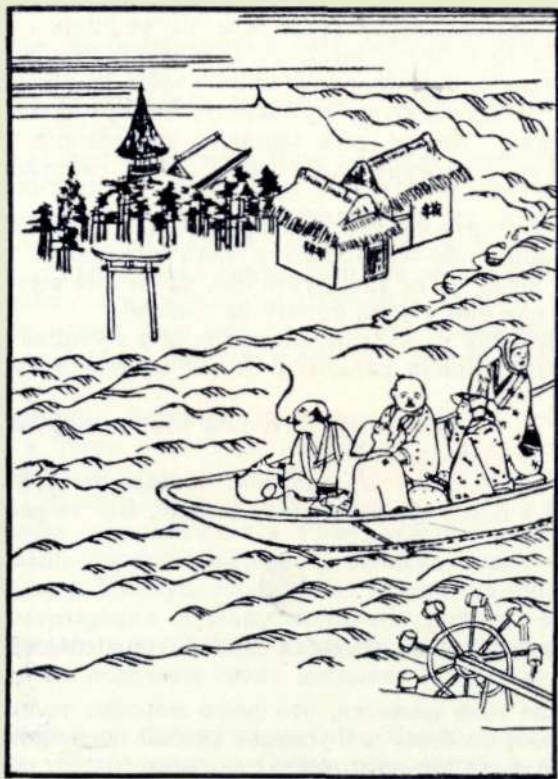
И верно, раскрыв сверток, четверо разбойников нашли в нем... сушеную икру сельди. Вот те раз!

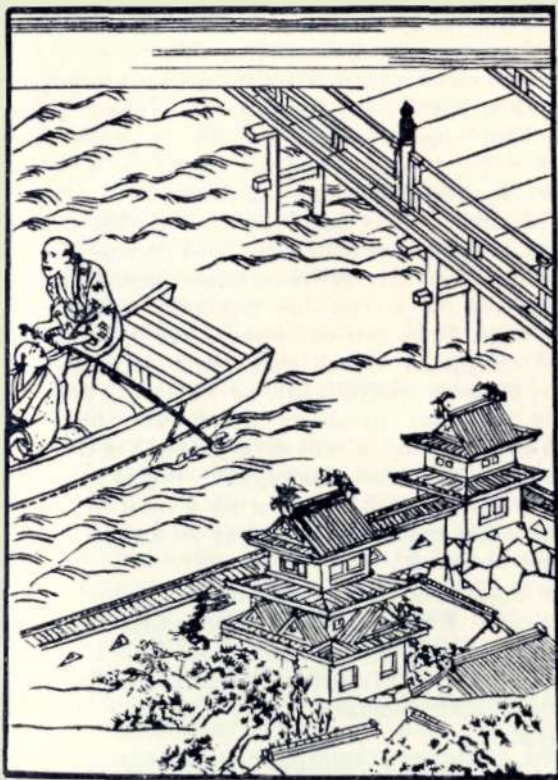

НОЧЬ, КОГДА ХОЗЯЕВА МЕНЯЮТСЯ ДОМАМИ

В конце года кажется, что даже морские волны накатывают на берег в Фусими с особой поспешностью.

Двадцать девятого числа от тамошней пристани отплывала лодка, совершавшая свой обычный вечерний рейс в Осаку. Хотя до отплытия было еще далеко, все пассажиры давно сидели на своих местах и то и дело поторапливали перевозчика: «Отчаливай! Заждались!» Перевозчик и сам знал, что такое

предновогодние дни, и отвечал: «Понимаю, что все спешат, не беспокойтесь, довезу вовремя». Наконец лодка отчалила и прошла под мостом Кёбаси.

В обычные дни пассажиры без умолку трещат: хвастают своими любовными похождениями, расппевают коута и дзёрури, подражают актерам, рассказывают скороговоркой какие-нибудь смешные истории, читают нараспев эпизоды из пьес Но или же повторяют прибаутки уличных лицедеёв. Нынче же стоит тишина. Лишь изредка кто-нибудь, словно очнувшись от сна, произнесет слова молитвы или же примется причитать: «Жизнь человеческая и без того коротка, так не глупо ли торопить время, ожидая Нового года. Ведь это все равно, что торопить собственную смерть...» Остальные сидят мрачные, озабоченные, и хотя никто в лодке не спит, разговор не клеится. Но вот какой-то приказчик принимается громко петь нагэбуси, которую выучил в доме свиданий, и сам себе аккомпанирует, подражая голосом сямисэну. Поет не в склад и не в лад и при этом самодовольно покачивает в такт головой. Право же, забавное зрелище!

Тем временем лодка поравнялась с мостом Кобаси близ замка Ёдо и стала разворачиваться кормой, чтобы пройти между креплениями моста в том самом месте, где установлен сигнальный фонарь. Тут один пассажир, человек, сразу видно, с умом, воскликнул:

— Вы только взгляните на эти водяные колеса! Если бы люди подобно им без устали трудились с утра до вечера, в конце года их расчеты были бы в полном порядке. А то мешкают целый год и лишь перед праздником хватаются за работу, — какой же от этого толк?

Человек произнес это с таким видом, будто сделал важное открытие. Остальные с готовностью закивали в ответ. Другой пассажир, который жил в городке Хёго на Гостиничной улице, сказал:

— Вы совершенно правы, взять хоть, к примеру, меня. Живу я около моря, мог бы вылавливать сколько угодно рыбы и жить, не зная нужды. Однако лень меня одолела — и за целых пятнадцать лет я ни разу не смог из собственных денег заплатить по счетам. В Ооцу живет моя тетка с материнской стороны. Каждый год я брал у нее семьдесят — восемьдесят моммэ, сотни никогда не просил. Но в нынешнем году, видно, терпение у нее лопнуло, и она заявила: «На этот раз ты ничего не получишь». Я-то привык рассчитывать на теткинны деньги, как на свои собственные, и сейчас даже не представляю себе, что будет, когда вернусь домой.

— А я возил младшего брата в Киото, — отозвался другой, — там на Четвертом проспекте живет мой знакомый актер. Думал, он мне поможет пристроить юнца к труппе, — получил бы я тогда задаток, расплатился с займодавцами. Признаться, я был уверен, что у брата моего незаурядная внешность и со временем он сможет стать знаменитым актером. Каково же было мое огорчение, когда мне объявили, что уши у него маловаты и потому принять его в труппу нельзя. Так и пришлось нам ни с чем возвращаться назад. До чего же много, доложу я вам, красивых мальчуганов на свете с задатками настоящих актеров. Каждый день в Киото привозят двадцать, а то и тридцать таких мальчиков от одиннадцати до тринадцати лет. Посредник рассказывал мне по секрету, что есть среди них и дети из благородных семейств — сыновья врачей и ронинов. Видно, туго пришлось в этом году их

родителям, раз они даже чадо свое готовы отдать в лицедеи. Словом, желающих пристроить своих детей к труппе столько, что можно выбрать лишь самых достойных. Договор с ними заключается сроком на десять лет с жалованьем от одного каммэ медяками до тридцати моммэ серебром. По красоте лица и изысканности манер никто не может сравниться с мальчиками из Камигаты. Вот нам и пришлось ехать домой ни с чем, только на дорогу поиздержались.

Тут начал свой рассказ третий пассажир:

— В наследство от отца я получил мандалу, творение самого святого Нитирэна. Несколько лет назад некий человек из Удзи упрашивал меня продать за любые деньги эту семейную реликвию, но мне было жаль с нею расставаться, и я отказался. Нынче же я попал в трудное положение и отправился в Удзи разыскивать этого человека. Но за это время он успел переметнуться к секте «Чистая земля» и даже не прикоснулся к свитку. Надежды мои не оправдались, не знаю теперь, что и делать. Раздобыть деньги мне негде, а без них домой лучше не возвращаться: ничего доброго встреча с кредиторами мне не сулит. Чем ехать в Осаку, направлюсь-ка лучше в храм на горе Коя. Вот уж посмеется надо мной Кобо Дайси, когда прочтет мои мысли.

Вслед за обладателем драгоценной мандалы заговорил еще один пассажир.

— Я торгую рисом, — сказал он, — и много лет продавал его в рассрочку товариществу киотоских ткачей. Комиссионных, причитающихся мне за труды, всегда хватало на то, чтобы без излишних хлопот встретить новогодний праздник. Ткачи рассчитывались за рис в конце третьего месяца, причем за

каждый коку платили не по сорок пять моммэ, как на рынке, а по пятьдесят восемь моммэ. До нынешнего года эти условия их устраивали, но теперь они потолковали между собой и отказались покупать у меня рис. Лучше, дескать, встретить Новый год без риса, чем переплачивать по тринадцать моммэ за коку. Мне ничего не оставалось, как выгрузить рис в Тобе и с пустыми руками возвращаться домой.

Кого из путников ни возьми, у каждого свои заботы, свои тревоги. У каждого есть дом, а идти туда ему нельзя. К знакомым тоже не пойдешь, в предновогодние дни и у них немало хлопот. День еще можно как-то скоротать в храме, рассматривая от нечего делать вывешенные там эма, но вечером деваться решительно некуда. Правильно делают те должники, которые заводят себе любовницу: в ее доме они могут найти убежище в день расплаты с кредиторами. Но такое позволяют себе лишь те, у кого хотя бы изредка водятся деньги. Бедняку это не по средствам. И все же существует множество способов, чтобы обмануть кредиторов в последний день года.

Как-то одному человеку, беспечно распевавшему модные песенки в канун Нового года, сказали:

— Уж если вам сейчас петь охота, дела ваши наверняка благополучно улажены. Просто зависть берет, глядя на вас!

Тот рассмеялся и говорит:

— Вы, видно, еще не знаете, как провести день накануне Нового года, чтобы и себе польза была, и другому. Между тем вот уже несколько лет мы с приятелями в этот день попросту меняемся домами и так избавляем себя от каких бы то ни было хлопот и волнении. Как только являются сборщики долгов,

каждый из нас прикидывается разгневанным и кричит жене друга: «Имейте в виду, ваш муж должен мне куда больше, чем остальным. Кишки из него выпущу, а денежки свои получу!» Тут кредиторы сразу уходят, понимая, что на сей раз им ничего не заплатят. Эта уловка — новинка последних лет. Не правда ли, красиво звучит: «Под Новый год хозяева меняются домами!» Пока лишь немногие знают об этой нашей выдумке, так что нам удастся обводить кредиторов вокруг пальца!

РИСОВЫЕ ЛЕПЕШКИ В НАГАСАКИ

К последнему дню месяца инея китайские суда покидают порт Нагасаки, и в городе становится тихо и пустынно. Однако за установленный для торговли с иностранцами срок купцы в Нагасаки успевают накопить достаточно денег, чтобы не знать нужды в остальное время. И бедный и богатый живут здесь вольготно, каждый в меру своего достатка, и никто не отказывает себе в необходимом. Поскольку все в Нагасаки покупается, как правило, за наличные, в дни выплаты долгов здесь не бывает ни шума, ни пуганицы. Даже накануне Нового года люди спокойно попивают сакэ, как и в обычное время. Жизнь в этом городе легче, чем где бы то ни было.

В последний месяц года люди не мечутся здесь как заведенные взад-вперед. Нет здесь и попрошаек, «сэкидзоро», как в Камигате, и о приближении Нового года можно узнать разве что по календарю. Следуя старинным установлениям, тринадцатого числа

последнего месяца года жители Нагасаки прибирают свои жилища, сметая сажу со стен. А закончив уборку, привязывают бамбуковую метелку к коньковому брусу, где она и хранится до следующего года.

Рисовые лепешки в каждом доме делают по-своему, как где заведено. Особенно заняты так называемые «столбовые» лепешки: последнюю порцию сбитого в ступе теста для новогодних лепешек налепливают на самый толстый столб-опору в доме, а в праздник Сагитё пятнадцатого дня первого месяца года тесто снимают со столба и пекут из него лепешки. Вообще, какой из обычаев этих мест ни возьми, все любопытны. Под Новый год, например, жители Нагасаки протягивают в кухне веревки, которые здесь называют «канатами счастья», и подвешивают к ним всевозможные съестные припасы для новогоднего праздника: макрелей, сушеную мелкую рыбешку, насаженных на бамбуковые вертела моллюсков «морское ушко», гусей, уток, фазанов, соленых окуней, соленые сардины, водоросли, треску, тунцов, лопушник, редьку и многое другое. Любо-дорого взглянуть на очаг с красующейся над ним снедью. В предновогодний вечер на улицу выходят простолюдинки с разрисованными красной краской лицами. Каждая держит в руках глиняную фигурку Эбису или Дайкоку, а также поднос с рассыпанной на нем крупной солью. «Прилив начался как раз в той стороне, откуда в наступающем году пожалует бог счастья!» — возглашают они, входя в каждый дом с новогодними поздравлениями. Перед Новым годом особенно ощущаешь, что Нагасаки в первую очередь город портовый.

Новогодние подарки по всей стране принято делать весьма скромные, в Нагасаки же и по-прежнему: там

подносят друг другу сущие мелочи: мужчинам — дешевые веера, по одному моммэ за полсотни; женщинам — по шепотке чайного листа в бумажной обертке. Что говорить, подарки пустячные, но этому обычаю следуют все, и никому в голову не придет обвинить другого в скаредности. Свои нравы жители Нагасаки считают самыми совершенными. «Нет краше места, чем то, где живешь», — говорится в пословице. Не удивительно поэтому, что и приезжие купцы стремятся поскорее завершить свои дела в Нагасаки, чтобы встретить Новый год у себя на родине.

Жил в Киото небогатый купец. Двадцать лет торговал шелком-сырцом, закупал его в Нагасаки. На редкость расчетливый, он никогда не выезжал из дома, не подкрепившись как следует, в путь готовился с особым тщанием и, пока добирался от Киото до Нагасаки, пешком ли, на корабле ли, ни гроша не тратил впустую. Сколько раз он бывал в Нагасаки, а ни разу не заглянул в веселый квартал Маруяма. Поэтому понятия не имел ни о том, сколь пленительна гетера Киндзан, когда садится перед гостем, ни о том, сколь бела шея красотки Катё. Даже ложась спать, он не забывал класть у изголовья счеты и не выпускал из рук расходной тетради. Об одном день и ночь помышлял: как бы обставить какого-нибудь китайского торговца-простофилю да повыгодней заключить сделку. Однако по нынешним временам обвести вокруг пальца китайского торговца не так-то просто: почта все они теперь знают по-японски да и поумнели. Денег у них полно, а в долг не дают, разве что под залог дома. Получат дом и тотчас подсчитают, какую плату брать с постояльцев, и, уж конечно, в убытке не останутся. Одним словом, чтобы не прогадать, лучше держаться от китайцев подальше. Но как ни

ловки китайцы, на легкую наживу им рассчитывать нечего, потому что торговца из Нагасаки тоже не проведешь.

Если бы одной расчетливости было достаточно, наш торговец давно разбогател бы, но удача обходила его стороной. А сколько торговцев шелком из того же Киото успели сколотить себе огромное состояние, хотя стали наезжать в Нагасаки в одно время с ним. Теперь они посылают туда своих приказчиков, сами же предпочитают осматривать достопримечательности Киото, любоваться вишнями в цвету или пировать с красавицами из веселых домов.

Как-то наш торговец обратился к одному из таких счастливицков: «Расскажите, как это вам удалось скопить столько денег?» Тот ответил: «Думаю, все дело в том, что я, как говорится, по природе своей торговец. Внимательно слежу за ценами на рынке, прикидываю и, если вижу, что в будущем году какой-либо товар поднимется в цене, обычно закупаю большую партию, потом денежки сами плывут ко мне в руки. В этом, конечно, есть определенный риск, но не рискнешь — не разбогатеешь».

Ну, а купец всегда все делал как раз наоборот. Стремился как мог точнее прикинуть разницу в цене на тот или иной товар в Киото и в Нагасаки и в расчетах, как правило, больших погрешностей не допускал. Но ни разу не пошел он на риск, стремясь лишь к верной прибыли. И эта прибыль никогда не превышала его расчетов — уходила же она почти целиком на уплату процентов с тех денег, которые он брал в долг. Вот и получалось, что работал он не на себя, а на других, надрывался хуже простой прислуги, губил свое здоровье.

Из года в год встречал он новогодний праздник в небольшой гостинице в городке Хасимото. Посторонним твердил, что поступает так, следуя старинному обычаю своей семьи. На самом же деле он попросту боялся кредиторов. Иначе вопреки «обычаю своей семьи» с превеликим удовольствием справил бы праздник в собственном доме в Киото, а не в захудалой гостинице.

Он стал внимательно присматриваться к тому, как живут люди вокруг, и однажды сказал себе: «С моей захудалой торговлей больших убытков не понесешь, но и не разбогатеешь, как правильно говорил тот купец. Нет, в нынешнем году надо придумать что-нибудь такое, от чего я вмиг разбогатею».

С этим намерением торговец отправился в Нагасаки. Много перепробовал разных способов, а богатств все равно не нажил. Как известно, деньги идут к деньгам, из ничего денег не добудешь. И вот торговца осенило: «Не удивить ли столичных жителей каким-нибудь чудом природы? Правда, те диковинки, которые мастерят на потеху прохожим осакские и киотоские умельцы, уже не редкость. Но, может, у китайцев что-нибудь отыщется?» После долгих расспросов торговец понял, что никого сейчас ничем не удивишь, разве что детенышем дракона да птицей, пожирающей огонь. Но где их раздобыть? Даже в Нагасаки ничего подобного отыскать не удалось. Тогда он попытался выведать у одного знакомого китайца, нет ли у того на родине какой-либо диковины. Китаец так ему ответил:

— Мне приходилось слышать о птице-фениксе и о громовиках, но сам я никогда их не видел. Словом, все, что в диковинку японцам, для китайца тоже редкость, взять хоть алоэ или женьшеневый корень. Но

самая что ни на есть большая редкость в мире — это деньги. В погоне за деньгами я и отправился за тридевять земель, рискуя жизнью, преодолевая ураганы и морские бури. Запомните, нет ничего желанней денег.

«А что, пожалуй, прав китаец», — подумал про себя торговец и с еще большим рвением принялся искать пути к богатству. Кончилось все тем, что он купил у заморских торговцев в Нагасаки нескольких редкостных птиц, чтобы по возвращении в Киото там их показывать. Увы, он не был первым, кому пришла в голову подобная мысль, и потому затея эта не принесла ему желаемой прибыли. Из всех привезенных им в Киото птиц интерес вызвал только павлин, и зеваки охотно на него глазели, хотя видели не раз. Хорошо еще, что торговцу удалось вернуть те деньги, которые он потратил при покупке птиц. Нет, уж лучше заниматься тем, в чем ты хоть сколько-нибудь смыслишь!

ВЕЧЕРНИЕ ТОРГИ НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА

Из года в год люди жалуются, — дескать, торговля идет вяло и жить на свете становится все труднее. Между тем случись какому-нибудь торговцу снизить цену товара, обычная стоимость которого десять моммэ, до девяти моммэ и восьми бу, как сразу же набегут покупатели и немедленно расхватывают его. Или же, скажем, приди кому-нибудь в голову выложить за какую-нибудь вещь вместо девяти моммэ и восьми бу целых десять моммэ, как тотчас же на прилавках

появится на две тысячи каммэ такого товара. Торговцы в больших городах ведут дело и впрямь на широкую ногу. Ведь без смекалки с толком не купишь, с выгодой не продашь.

Кто говорит, будто деньги на свете перевелись, тот не видал, как живут богачи. Если и есть в этом мире что-либо в избытке, так это деньги. За последние тридцать лет люди у нас в стране заметно разбогатели. Дома, в старину крытые соломой, нынче имеют деревянный навес. Даже хижина у заставы Фува, сквозь крышу которой, как некогда сказал поэт, струится лунное сиянье, теперь покрыта черепицею и побелена снаружи. Внутри в ней устроена кладовка, а в саду выстроен амбар. Фусума в гостиной покрыты не золотой и не серебряной пылью, как прежде, — ибо это не во вкусе нашего века, — а тонким слоем золотой и серебряной краски, по которой нанесен рисунок тушью, точно так же, как в столице.

В одной старинной книге говорится, будто женщины с побережья Нада, те, что выпаривают соль, прежде не носили в волосах даже простых самшитовых гребней. Нынче же эти жительницы взморья весьма пекутся о своей одежде и следуют столичным модам. Они знают, что узор из сосновых веток по подолу уже не моден и что новинкой считается узор в виде разбросанных по фону бамбуковых листьев, да еще вытканых в верхней части кимоно, у самого плеча, иероглифов «солнце на закате». Пока жительницы окрестностей Киото и Осаки донашивают кимоно с мелким узором из листьев папоротника и павлонии, в деревнях женщины щеголяют в нарядах, раскрашенных по последней столичной моде. Одни расхаживают в кимоно со знаками слова «кукушка» на плече, другие в платьях с рисунком из пурпурных

листьев и виноградных лоз. Наряды эти, право же, забавны и привлекают своею новизной. В общем, где бы человек ни жил, если у него есть деньги, он может позволить себе все, что угодно.

Бедность же везде безотраднa, особенно в праздники. Как ни вертись, трудно справиться Новый год по всем правилам, если за душой нет ни одного медяка. Оно и правда: когда полка пуста, сколько ни ищи, ничего не отыщешь. Поэтому всякому человеку в течение всего года следует себя в чем-либо ограничивать. Если в день экономить на табаке хотя бы по одному медяку, за год, глядишь, наберется триста шестьдесят медяков, а за десять лет — целых три каммэ шестьсот монов. Еще можно экономить на чае, дровах, мисо, соли — и тогда последний бедняк скопит за год самое малое тридцать шесть моммэ, а за десять лет — триста шестьдесят моммэ. Ну а за три десятка лет, считая, конечно, и проценты, он сколотит целое состояние в восемь каммэ серебром, не меньше. Отсюда вывод: хозяйство следует вести с умом и экономить на всем, на каждой мелочи. А главное — не пить; недаром с давних пор говорят, что от каждой чарки выпитого сакэ расцветает бедность.

Рассказывают, как один кузнец, на редкость бедный, сорок пять лет кряду по три раза в день бегал в винную лавку и брал себе на восемь медяков сакэ, причем наливал его в бутылку для священного вина, которое он в свое время поднес богу Инари, покровителю кузнецов. Если за день этот человек выпивал два с половиной го сакэ, на двадцать четыре медяка, то за сорок пять лет он влил в себя самое малое сорок коку и пять го, в общем пропил целое состояние — четыре каммэ восемьсот шестьдесят моммэ серебром. Бывало, соседи примутся над ним подшучивать:

кто, дескать, пьет, тот в нищете живет, — а он им с таким видом, будто лучше знает, как вести хозяйство, отвечает: «Кто не пьет, тот тоже не всегда амбар построить может!» — и продолжает пить в свое удовольствие.

В последний день минувшего года кузнец с горем пополам подготовился к новогоднему празднику, даже горку Хорай украсил, и вдруг обнаружил, что денег на сакэ у него не осталось. Кузнец загрузил и говорит жене:

— Сорок пять лет я пью изо дня в день, а под Новый год, вот те раз, остался без выпивки. Так мне и праздник не в радость.

Долго советовались муж с женой, как им быть. В долг взять им было не у кого, в закладную лавку нести — нечего. И вдруг вспомнили про соломенную шляпу, которая спасала их от горячего летнего солнца. Выгореть она еще не успела и выглядела почти как новая.

— Вот то, что нам нужно! — обрадовался кузнец. — До лета далеко, а добро потому и добро, что выручает в трудную минуту. Продам-ка я эту шляпу, все равно ничего другого не придумаешь.

И кузнец поспешил на вечерние торги, на которых ежегодно пускалось с молотка подержанное имущество. Торги как раз были в самом разгаре. Одного взгляда на собравшихся здесь было достаточно, чтобы понять, что все они обременены долгами и что обратиться за помощью им решительно не к кому. Хозяин торгов, жаждавший получить свои десять процентов комиссионных, отчаянно размахивал рукой, выкликая цены.

Вещи, поступившие на торги в последний день года, свидетельствовали о горькой нужде их вла-

дельцев. Один из них, например, принес на продажу полотняное новогоднее косодэ для девочки лет двенадцати — желтовато-зеленого цвета, с узором на подоле. Плотно подбитое ватой, на розовой подкладке и с модной отделкой на рукавах, косодэ выглядело по-настоящему добротным и нарядным. «Кому косодэ?» — крикнул хозяин торгов. Кто-то купил его за шесть моммэ три бу и пять ринов. Одна только подкладка наверняка обошлась его бывшему владельцу дороже.

Вслед за косодэ объявили торги на половину крохотной макрели, выловленной у берегов Танго. На нее тоже нашелся покупатель, тем более что стоила она всего два моммэ два бу и пять ринов.

А вот москитную сетку для комнаты в два татами так и не продали, хотя цена на нее выросла в ходе торгов с восьми моммэ до двадцати трех моммэ и пяти бу. Кто-то заметил:

— Нечего было эту сетку выставлять на продажу. Хозяину ее, видно, не так уж плохо живется, раз он до сих пор не отнес ее в закладную лавку и продержался до Нового года. Да он просто богач! — Это замечание было встречено дружным смехом.

Затем в руках хозяина торгов появился свиток из скрепленных между собой десяти листов воценой бумаги с написанным на нем каллиграфическим текстом, под которым стояла подпись и печать выполнившего его мастера. Цену на него едва удалось поднять с одного до пяти бу.

— Ведь этому свитку цены нет! — воскликнул хозяин торгов. — Взгляните, одной бумаги здесь на три моммэ, не меньше!

— Бумаги там, может, и правда на три моммэ, — отозвался кто-то из толпы, — только вся она исписана.

А кому нужны эти каракули? Пять моммэ отдать и то жалко. А этот ваш каллиграф — порточных дел мастер, больше никто.

— Что ото значит? — удивился хозяин.

— А то, что так писать — все равно что портки надевать, — ответил тот же голос под дружный хохот окружающих.

Не успел стихнуть смех, как для продажи с особой осторожностью, — товар, дескать, хрупкий, — вынесли десять фарфоровых тарелок нанкинской работы, переложенных письмами известных куртизанок из Киото и Осаки. «Вот это да!» — прокатилось по толпе, и все бросились их читать. Однако, как выяснилось, все эти послания были написаны в последнем месяце года, и поэтому ни любовных уверений, ни пылких признаний в них не было — одни только просьбы о денежном вспомоществовании, оправленные, как и подобает, в вежливые обороты: «Воистину, неловко обременять Вас просьбой, однако...»

— И любовь, и вообще все в нашем мире покупается только за деньги, — произнес хозяин. — Видно, владелец этих тарелок был большим кутилой, и каждое такое послание стоило ему не меньше серебряного тёгина. Так эти выброшенные на помойку письма, пожалуй, дороже самих тарелок! — Снова раздался смех.

Вслед за тарелками вниманию собравшихся была предложена фигурка Фудо вместе со всяческой ритуальной рухлядью: железным пестиком, блюдом для цветов, колокольчиком, посохом и алтарем для возжигания священного огня.

— Какое же это божество, — воскликнул кто-то, — если оно не может позаботиться о собственном же благополучии!

Наконец наступила очередь соломенной шляпы знакомого нам кузнеца. Нимало не смущаясь его присутствием, хозяин торгов крикнул:

— Поистине достоин жалости владелец этой шляпы! Наверняка он надеялся пронести ее не одно лето. Взгляните, как бережно она обернута старой бумагой. Итак, кто купит шляпу этого прижимистого малого?

Вначале за нее предложили всего три медяка, но в конце концов нашелся желающий заплатить четырнадцать медяков. Принимая выручку, кузнец сказал:

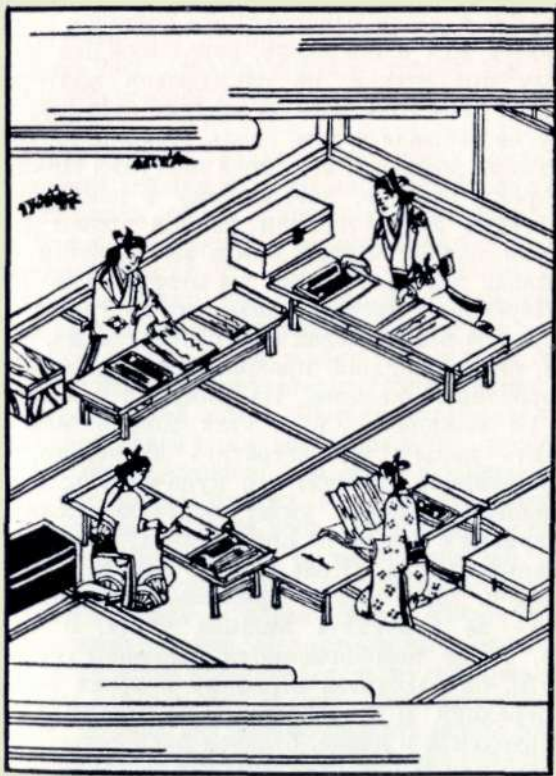
— Клянусь богами, я купил эту шляпу в пятом месяце за тридцать шесть медяков и надел ее всего раз — в день «косин». — Это откровенное признание немало повеселило присутствовавших.

Когда торги подходили к концу, некий человек купил двадцать пять вееров, которые обычно дарят в канун Нового года, а также коробку табака — всего за два моммэ и семь бу. Вернувшись домой, он открыл коробку и обнаружил на дне ее три золотые монеты. Невиданное счастье ему привалило!

ШТОРА ИЗ КИСТЕЙ ДЛЯ ЧИСТОПИСАНИЯ — ПЛОД НАХОДЧИВОГО УМА

Один человек, которому накрепко запал в душу страх перед кредиторами в последний день года, решил теперь по-другому вести хозяйство и усердно трудиться изо дня в день, за исключением разве что трех дней новогоднего праздника. К тому же он

положил за правило платить за каждую покупку только наличными и не позволял себе купить в долг даже рыбы к столу. Наконец, все счета он старался оплачивать, как и положено, перед каждым из пяти крупных праздников, не откладывая платежи на последний день года. Так он прожил весь год, ни на минуту не забывая о том, сколь страшна встреча со сборщиками долгов. И вот снова наступил Новый год.

Вопреки обычаю, заведенному в доме, человек этот в своем хозяйственном рвении провел ритуал сшивания новой счетной книги не десятого числа, как бывало прежде, а уже на второй день Нового года. Переучет в лавке он назначил на третье число, хотя прежде всегда делал это пятого числа. Одним словом, он неожиданно превратился в рачительного и изворотливого хозяина. Из дома он предпочитал вовсе не выходить, — ведь так можно невзначай потратить деньги или встретить знакомого, который непременно затащит его куда-нибудь, и много драгоценного времени уйдет впустую. Если он и разговаривал с кем-то из посторонних, то лишь о хозяйственных делах. «Коль скоро в нашем мире трудно извлечь даже малую прибыль, — рассудил он, — главное — не допускать лишних трат». В третьем месяце, когда возобновляются договоры по найму прислуги, он рассчиталстряпуху и велел жене надеть передник и отправляться на кухню. Сам он днем находился в лавке, отдавая распоряжения приказчикам, как и подобает хозяину, а вечером, заперев входную дверь, работал наравне с ними, помогая шелушить рис. Ноги он мыл водой из колодца и даже в самые холодные дни не позволял себе роскоши согреть для этого воду. Однако же, хоть он и выгадывал буквально на всем, богатство не шло к нему

в руки. Видно, дух бедности преследовал его по пятам. В торговле он не ведал удачи, и постепенно дело его пришло в полный упадок, истаяло, подобно льдинке под лучами солнца. Верно говорили в старину: «Черпаком в один сѣ больше одного сѣ не зачерпнуть».

К слову сказать, недавно в здешних местах объявилась одна монахиня из Кумано. Бродя по улицам, она показывала людям картинки с изображениями Ада и Рая и до хрипоты распевала модные песенки. Несмотря на то что она отчаянно выпрашивала подаяние, ей редко когда удавалось наполнить доверху черпак в один сѣ, привязанный у нее к поясу. Все пекутся о загробной жизни, но делают это по-разному, каждый в меру широты своей души.

Прошлой зимой монах Рюсѣин отправился собирать пожертвования на восстановление сгоревшего храма в Южной столице, где стоит большая статуя Будды. Он молча бродил по дорогам, ничего не прося, и принимал лишь добровольные подаяния. Тем не менее, хотя у него был такой же черпак в один сѣ, стоило ему ступить шаг, как в нем оказывался целый кан медяков, а через десять шагов набиралось уже десять канов. Некоторые жертвовали даже золото и серебро. Говорят, что чудотворная сила Будды тем сильнее, чем больше жертвуют ему денег. Коли так, то наш век можно назвать порой расцвета буддийской веры. Поскольку на сей раз сбор пожертвований был объявлен делом особой важности, приверженцы всех буддийских сект живо откликнулись на него. Даже жители отдаленных селений и те внесли свои скромные пожертвования. Разумеется, они дали не по десять канов, как люди состоятельные, а всего по медяку, но если сложить их подаяния

вместе, то получится сумма, равная целому столбику, составленному из двенадцати каммэ серебра. Из этого следует, что каждому живущему в этом мире стоит проявлять расчетливость и экономить даже на мелочах. Вообще говоря, человек, способный сколотить состояние, от природы иной, нежели все остальные.

Жил некий мальчуган, который обучался каллиграфии. Посещать школу он начал в девять лет, и с той самой поры до того времени, когда ему минуло тринадцать, он собирал ручки от использованных кистей, не только свои, но и однокашников. И вот на тринадцатом году жизни он собственноручно смастерил из них три шторы. Продав их по полтора моммэ за каждую, он впервые в жизни заработал четыре моммэ пять бу серебром. «Мой мальчишка не простак», — с гордостью подумал отец и на радостях решил рассказать об этом учителю каллиграфии. Выслушав его, учитель не стал расточать похвалы мальчику.

— За долгие годы, что я обучаю детей каллиграфии, — сказал о н , — через мои руки прошла не одна сотня мальчиков. Исходя из собственных наблюдений, могу сказать, что ни одному из тех, кто, подобно вашему сыну, с юных лет проявлял чрезмерную изобретательность, не удалось нажить большого состояния. Конечно, они не нищенствуют, но достаток у них невелик. Тому есть несколько причин. Не думайте, пожалуйста, что сын ваш умнее всех. Есть ученики посообразительнее. Один из них каждый день остается после уроков, даже если он не дежурный, и подметает пол. Он собирает клочки бумаги, брошенные другими детьми, дома их хорошенько разглаживает и каждый день продает

ремесленнику, который мастерит ширмы. Это, пожалуй, лучше, чем делать шторы из использованных кистей, — мальчик имеет ежедневный доход. Другой мальчуган берет из дома заведомо больше бумаги, чем ему нужно, и, когда у других детей во время урока неожиданно кончается бумага, он охотно снабжает их своей за двойную плату. Представьте себе, каков его прибыль за год! Каждый из этих мальчиков подражает в расчетливости родителям, так что отнести это на счет их собственного ума или сообразительности нельзя. Но есть среди моих учеников один, которому родители с утра до вечера внушают: «Сосредоточь все свои силы на ученье, сынок, ни о чем другом пока не помышляй. Когда вырастешь, все, чему ты выучишься сейчас, тебе пригодится». И что же? Этот мальчуган с утра до вечера постигает науки. Он уже пишет лучше старших учеников. Можно предположить, что благодаря усидчивости своей и упорству он в будущем станет настоящим богачом. Почему? Да потому, что как сейчас он отдает все силы ученью, так потом целиком посвятит себя заботе о процветании своего дела. Вообще говоря, редко преуспевает тот, кто бросает завещанное родителями дело и берется за новое. То же можно сказать и о мальчиках, которые забывают, что их главная задача — прилежно учиться, и с малых лет стремятся половчее добыть деньги. Ничего, кроме неумной алчности, они воспитать в себе не могут. Что может быть постыднее для ребенка, чем нерадивость в ученье! Вот почему я без всякого одобрения отношусь к изобретательности вашего сына. Всему свой черед: ребенок пусть собирает цветы и запускает змеев, а вырастет и войдет в разум, пусть заботится о том, как преуспеть в жизни.

Прислушайтесь к словам семидесятилетнего старца. Будущее покажет, прав он или не прав.

Предсказания старого учителя каллиграфии и в самом деле сбылись. Когда дети, проявившие в годы учения поистине недетскую деловую сметку, подросли и стали сами зарабатывать себе на жизнь, разбогатеть им так и не удалось. Тот из них, что мастерил шторы из использованных кистей для чистописания, изобрел особую обувь для зимы — соломенные сандалии на деревянных подставках. Однако же мода на них долго не продержалась. Другой, что подбирал с пола клочки бумаги, придумал новый способ изготовления глиняных горшков для хранения масла: с внутренней стороны эти горшки покрывались сосновой смолой и не впитывали в себя жир. Нельзя сказать, что на такую посуду вовсе не было спроса, но тем не менее даже в Новый год этот человек не мог позволить себе зажечь больше одного светильника. Между тем третий мальчик, который в детские годы корпел над книгами и на первый взгляд казался не слишком смышленным, обнаружил поистине недюжинные способности. Он придумал, как предохранить растительное масло, что возят на кораблях в Эдо, от замерзания в холодную зимнюю пору. Оказалось, для этого достаточно добавлять в бочки с маслом по горошине перца. Это изобретение принесло ему немалую прибыль, и нынешний новогодний праздник он встретил состоятельным человеком. Казалось бы, оба однокашника думали об одном и том же — как сохранить масло, только первый мыслил в пределах глиняного горшка, второй же — в пределах бочки. И впрямь великая разница!

ПРАВЕДНЫЙ ХЭЙТАРО

Еще в старину говорили: «Человек нуждается в Будде, но лишь постольку, поскольку тот может пригодиться ему в хозяйстве». И по сию пору это так.

Из года в год в ночь перед Праздником начала весны в храмах секты Дзёдосинсю рассказывают о деяниях праведного Хэйтаро, поистине достойных восхищения. Рассказывают одно и то же, но проповедь эту приходят послушать и стар и млад, мужчины и женщины, ибо дело это благое.

И вот случилось однажды, что Праздник начала весны совпал с последним днем года. Ну и суматоха тут началась! Сборщики долгов вопят, изгоняющие нечисть из своих домов кричат, на весы со звоном падают монеты, глухо ударяются о землю разбрасываемые бобы. Здесь вполне к месту выражение «вязать черта в темноте». Словом, в тот день творилось нечто невообразимое.

Стук барабана в храме возвестил начало вечерней службы, священник зажег светильники перед алтарем и стал ждать прихожан. Однако до первых ночных колоколов их собралось всего трое. Закончив службу, священник некоторое время размышлял о том, как сильно переменялись нравы людей, после чего обратился к прихожанам с такими словами:

— Сегодня — последний день выплаты накопившихся за год долгов, так стоит ли удивляться, что людям сейчас не до проповеди. Однако готов побиться об заклад, что у старушек, коротающих дни свои в праздности, времени и сегодня достаточно. В положенный срок Будда пришлет за ними лодку, и хотят они того или нет, все равно им придется

отправиться на тот свет. До чего же глуп человек, до чего он низок и жалок! Хоть здесь собрались истинно верующие, читать проповедь для троих, пожалуй, нет смысла. Даже в таком деле, как служение Будде, не следует проявлять излишней расточительности. Вашими пожертвованиями не окупить затрат на масло во всех этих светильниках, так что я нанесу ущерб храму, если стану читать сейчас проповедь. Поэтому забирайте ваши подношения и расходитесь по домам. Вы совершили поистине добродетельный поступок, придя сюда в то время, когда остальные всецело погружены в мирские заботы. Вами двигала искренняя вера, и Будда оценит по заслугам вашу праведность. Ваше благочестивое деяние будет занесено в Золотую книгу и непременно зачтется вам в будущей жизни. Так что не думайте, будто вы впустую потратили время, посетив сегодня храм. Будда милосерден. Я говорю вам сушую правду.

Тут находившаяся в храме старушка залилась слезами и так сказала священнику:

— Ваши благостные слова повергли меня в стыд. Должна признаться, что не благочестие привело меня в храм. Дело в том, что сын мой не умеет толком вести хозяйство и потому не может расквитаться с кредиторами. До сих пор он изыскивал способы не платить по счетам в положенный срок, но сегодня ему это не удалось. Вот он и говорит: «Ступайте, мамаша, в храм, а когда явятся сборщики долгов, я сделаю вид, будто вы куда-то пропали. Побегу к соседям, мы возьмем барабаны и гонги и отправимся вас разыскивать. Пока суд да дело, глядишь, ночь минует и все само собой образуется. Уловка эта не нова, но чтобы в новогоднюю ночь разыскивать не кого-нибудь, а родную мать, до такого еще никто не

додумался». Мало того что я вырастила непутевого сына, мне приходится брать на душу еще один грех: причинять беспокойство соседям.

Вслед за старухой заговорил другой прихожанин:
— Чего только не бывает в жизни! Судьба поистине превратна. Родился я в Исэ, и в Осаке у меня не было ни близких, ни знакомых. Но вот я нанялся в услужение к одному монаху из храма Исэ, который ежегодно обходил верующих в Осаке. Таская за ним его поклажу, я присматривался к здешней жизни, примечал, как процветает город, и решил, что, поселившись здесь и взявшись за какое-нибудь ремесло, нетрудно будет прокормить семью из двух, а то и из трех человек. Мне повезло, и вскоре я свел знакомство с одной женщиной, вдовой торговца галантерейными товарами в Ямато. Вдовушка была собою вполне милостива: белолицая, крепкого сложения. Был у нее сынишка двух лет. Я рассудил, что, работая вместе, мы сможем жить припеваючи, а парнишка станет нам опорой в старости. Короче говоря, я решил войти в эту семью мужем-приймаком. Но не прошло и года, как я, не ведая толку в торговых делах, пустил по ветру скромное состояние вдовы и в начале двенадцатого месяца был вынужден искать нового заработка. Жена ко мне совершенно переменялась. Теперь, баюкая своего дитя, она приговаривала: «Слушай меня, сынок, внимательно. Твой папочка был хоть и неказистый с виду, зато с головой. Он даже стирать умел. А меня как холил: бывало, отправит пораньше спать, а сам до рассвета плетет из соломы сандалии. Сам подолгу в старом ходил, а нам с тобой к каждому Новому году новое кимоно на вате справлял. Вот и это кимоно цвета опавших листьев — память о моем любимом муже.

Никого нет ближе его. Плачь, сынок, плачь по своему дороговому папочке, которого уже нет на свете!»

Нелегко было мне, приймаку, выслушивать эти речи, но что поделаешь, приходилось терпеть. Как-то я вспомнил, что на родине у меня осталось несколько должников: получив с них деньги, я смог бы расплатиться с заимодавцами. И я отправился в Исэ. Однако дальнейшее путешествие не оправдало моих надежд: должники успели разъехаться кто куда. Так и вернулся с пустыми руками. Захожу нынче в дом, как раз перед ужином, и глазам своим не верю: рисовые лепешки сбиты, дрова заготовлены, поднос для приношений новогоднему богу счастья устлан листьями папоротника. «Не так уж, видно, плохи наши дела, — подумал я. — Недаром говорят, что одни боги бросают человека в беде, а другие его из беды вызволяют». Я исполнился благодарности к жене, которая, пока я ездил, сумела изловчиться и все уладить. «Ну что же, здравствуй. Вот я и вернулся», — приветствовал я жену, и она, с более дружеским видом, чем обычно, подала мне теплой воды вымыть ноги, потом заботливо поставила передо мной поднос с двумя тарелками. На одной лежало намасу из сардин, на другой — соленые сардины, обжаренные в масле. Только я приступил к еде, как она спрашивает: «Ну что, привез деньги?» Услышала, что поездка моя кончилась неудачей, и давай кричать:

— Да как ты посмел явиться домой с пустыми руками? Ведь этот рис — всего одну мерку — я заняла с условием, что расплачусь за него в конце второго месяца, и притом под залог самой себя. Если к тому времени у меня не будет денег, я пропала! Все платят за коку риса сорок моммэ, а мы вынуждены платить девяносто пять! И все потому, что ты ни

на что не годен. Когда ты вошел в мой дом, у тебя была лишь набедренная повязка, с тем и уходи, ничего не потеряешь. Пока светло, убирайся отсюда!

С этими словами она выхватила у меня из-под носа еду и принялась меня выпроваживать. На крик сбежались соседи, затараторили наперебой, вторя моей женушке:

— Здорово вам не повезло, но ничего не подделаешь, такова участь мужа-приймака. Ежели осталась в вас хоть капля гордости, уходите. Кто знает, быть может, вам посчастливится найти себе другое теплое местечко.

Так выставили меня из дома. Я даже плакать не мог, до того тяжело было у меня на душе. Завтра же отправлюсь в родные края, а сегодня придется провести ночь в этом храме, хоть я и числюсь сторонником секты Нитирэн.

Когда эта исповедь — и грустная, и смешная — подошла к концу, третий прихожанин, вдоволь посмеявшись над незадачливым мужем, начал свою историю:

— Положение мое таково, что даже вам я боюсь сказать, кто я и откуда. Останься я сегодня вечером дома, не уйти бы мне живым от сборщиков долгов. Я знал, что теперь мне ломаного гроша никто не даст. А выпить между тем хотелось, да и продрог я изрядно в нетопленном доме. Я на любое безрассудство был готов, только бы продержаться до Нового года, но ничего путного не мог придумать. И вдруг меня осенило. Я вспомнил, что вечером в этом храме соберутся прихожане послушать проповедь о праведном Хэйтаро. Стыдно признаться, но я решил украсть чьи-нибудь соломенные сандалии или сэкида, продать их и на вырученные деньги купить вина.

К счастью для меня, не только в этом храме, но и в остальных сегодня посетителей негусто. Иначе я мог бы согрешить прямо на глазах у Будды.

Поведав о своей безотрадной участи, бедняга прослезился.

Священник проникся глубоким состраданием ко всем этим несчастным и сказал:

— Все вы рождены на свет для того, чтобы в конечном счете достигнуть святости, но бедность пробуждает в вас дурные помыслы. Что тут поделаешь, раз так устроен мир.

Только успел священник это произнести, как в храм вбежала женщина и, едва переведя дух, выпалила:

— Ваша племянница только что благополучно разрешилась от бремени. Я бежала всю дорогу, чтобы поскорее рассказать вам об этом.

Не успела женщина уйти, как появился мужчина и сообщил:

— Кудзо-плотник переругался со сборщиками долгов и удувился. Хоронить его будут сразу после полуночи. Родственники почтительно просят вас пожаловать к месту сожжения тела.

Священник еще не опомнился от двух этих известий, как прибежал портной:

— Кто-то украл белое косодэ, которое вы заказали мне к празднику. Если не удастся найти вора, покорнейше прошу не взыскивать с меня убытков.

Вслед за портным пришел человек, который жил с восточной стороны храма.

— Простите за беспокойство, — сказал он. — Но у меня ни с того ни с сего пересох колодец, и я прошу позволения брать воду у вас, пока не пройдет пять дней новогоднего праздника.

Наконец, в храм пожаловал молодой повеса, сын самого знатного в округе прихожанина. Он прокутил целую кучу денег, за что был изгнан отцом из дома. Мать же, по доброте сердечной, решила отдать сына на попечение священника, дабы облегчить участь своего чада хотя бы в дни праздника. Как же можно было ей отказать?

Обычно мы говорим: «как священник в последний месяц года», — имея в виду человека, не обремененного никакими заботами. Но в нынешнем мире все по-другому. Даже священнику под Новый год достается!

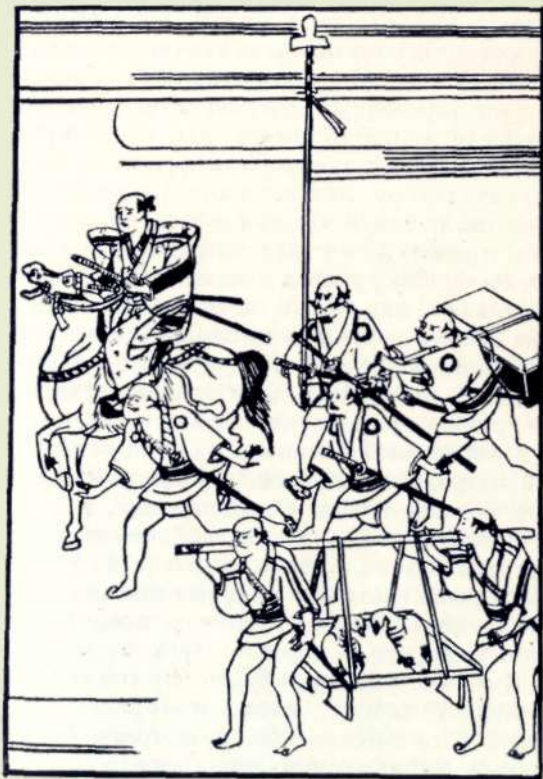

БОЙКО ИДЕТ ТОРГОВЛЯ В ЭДО!

В наш век, когда в Поднебесной царят мир и благоденствие, все торговцы устремляются в Эдо. Недаром здесь можно найти отделения торговых домов всех провинций. Что ни день, по воде и по суше эдоским оптовикам доставляют бессчетное множество грузов. Да, золота и серебра в нашем мире хоть отбавляй, и достоин сожаления тот, кому не хватает ума прибрать к рукам хотя бы малую толику такого богатства.

С пятнадцатого числа последнего месяца года Улица Торитё настолько преобразается, что можно подумать, будто это и есть ярмарка сокровищ. Люди подходят только к тем лавкам, где идет новогодняя распродажа, на другие товары даже не смотрят. Чего здесь только нет. Нарядно изукрашенные ракетки для игры в волан, позолоченные и посеребренные

молоточки для гиттё и еще много разных дорогих безделиц. Крохотный лук со стрелами, например, стоит две золотые монеты, но покупают его не только для княжеских отпрысков — такую роскошь теперь могут позволить себе и горожане. Посреди улицы бойко идет торговля с лотков; сюда ручьями стекаются медяки, поблескивает, как снег, серебро. По мосту Нихонбаси, с которого открывается вид на величественную гору Фудзи, беспрестанно снуют люди, и грохот стоит такой, будто едут сотни телег. Сколько рыбы привозят по утрам на рыбный рынок в районе Фуна-тё! Впору предположить, что ее не ловят, а выращивают, как овощи, хотя страна паша со всех четырех сторон окружена морями. К зеленым лавкам на улице Суда-тё в Канда подходят навьюченные редькой лошади. Редьки столько, что кажется, будто пришло в движение целое поле. А красный перец в корзинках! Глянешь на него — и ты словно уже не на равнине Мусаси, а у подножия горы Тацута во всем ее осеннем великолепии. В лавках на улице Фарфоровой и Солодовой темно от обилия диких гусей и уток, словно сюда с неба упали тучи. Пестреют разноцветными тканями киotosкой окраски лавки на улице Хонтё. На тканях, предназначенных для жен самураев, — картины всех четырех времен года. Ими любуешься, будто прелестью молодой красавицы. А хлопок, которым торгуют на улице Тэмма-тё! Его можно сравнить лишь со снегом в рассветных лучах солнца на горе Ёсино. Вечером улица залита светом огней, которые зажигаются в лавках. За один только вечер накануне Нового года можно истратить тысячу золотых! Таби и сэтта обычно покупают в последнюю очередь, чуть ли не на рассвете. Однажды к этому времени во всем Эдо

не осталось ни таби, ни сэтта. А без них, как известно, не обойтись. Такое могло случиться лишь в Эдо, самом многолюдном из всех городов Японии. Если вечером пара сэтта стоила семь-восемь бу, то после полуночи цена на них возросла до одного моммэ и двух-трех бу, а на рассвете — уже до двух моммэ и пяти бу. Но и такая цена никого не остановила бы, только покупать было нечего.

В другой год раскупили всю рыбу и за пару маленьких окуньков просили восемнадцать моммэ. А когда не уродились апельсины дайдай, их продавали по два золотых за штуку. И что бы вы думали? Все равно находились покупатели. Другое дело в Киото и Осаке: тамошние жители даже по праздникам не станут переплачивать. Недаром говорят, что эдосцы живут по-княжески. В последнее время, правда, торговцы из Киото и Осаки начали перенимать здешние нравы и уже не трясутся над каждым медяком. Даже золотые монеты не взвешивают с прежним тщанием. Если монета попадетя неполновесная, они стараются сбыть ее без лишнего шума. Все в мире находится в вечном коловращении, а о деньгах и говорить нечего, так стоит ли суетиться из-за какой-то монеты?

Семнадцатого и восемнадцатого числа последнего месяца года близ домов, где проживают гонцы, перевозящие деньги из Эдо в Камигату и обратно, можно увидеть целые горы золотых и серебряных монет. Блестят, как новенькие. А ведь сколько раз в году проделывают один и тот же путь! Если кто и не знает отдыха, так это деньги. Да, много денег на свете, но даже в Эдо есть люди, которые встречают новогодний праздник без единого золотого.

У самураев принято накануне Нового года обмениваться подарками. Нередко можно встретить на дорогах целые процессии гонцов, спешащих доставить в срок новогодние подношения. Среди них — дарственная на какой-нибудь дорогой меч, новогоднее косодэ, бочонок сакэ, связка рыбы, коробка свечей. Смотришь на такую процессию, и кажется, что благословенный праздник никогда не кончится. У ворот каждого дома выставлены новогодние украшения из сосны и бамбука. Одного взгляда на них достаточно, чтобы представить себя стоящим у подножия горы Тысячелетнего Благоденствия — Титосэяма. Над мостом Токивабаси, который недаром именуется «Вечнозеленым», встает солнце и щедро заливает все вокруг спокойным светом. Наступает праздник безоблачной весны.

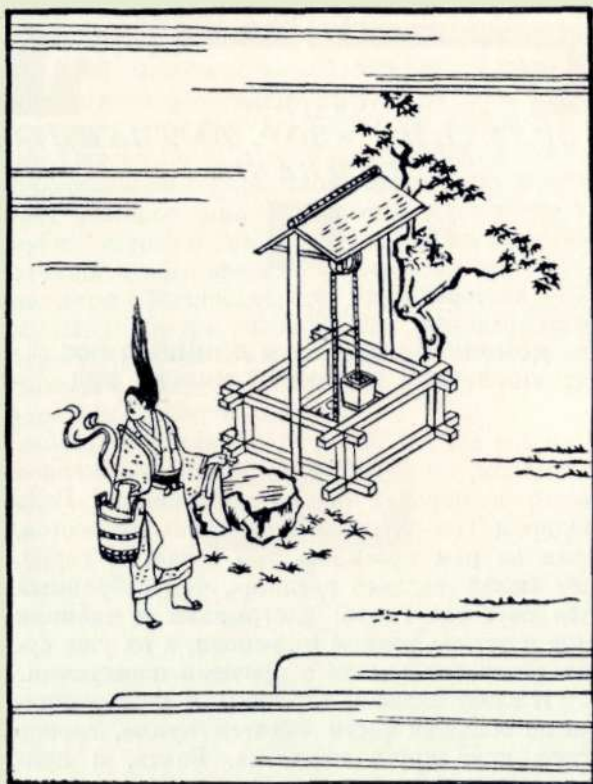
Сборник
«ПОСЛЕДНИЙ УЗОР, ВЫТКАННЫЙ
САЙКАКУ»

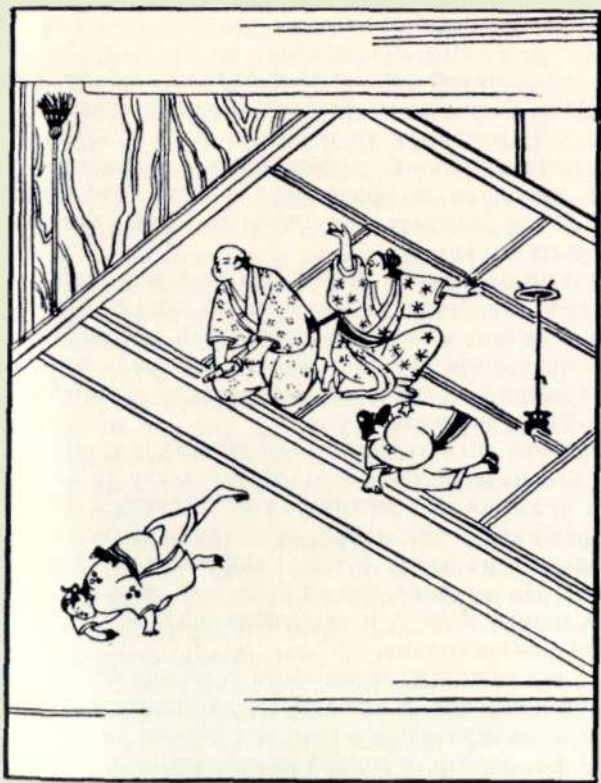

**ДОМОВЛАДЕЛИЦА, ЧЕЙ ДЛИННЫЙ НОС
ПОСЛУЖИЛ ПРИЧИНОЙ МНОГИХ БЕД**

Кем бы вы ни были, торговцем или ремесленником, не спешите покидать насиженное место в поисках нового пристанища! Ведь недаром говорят: «Даже камень согреется, если на нем просидеть три года». И верно, нет более жалкого зрелища, чем собранный для переезда скарб: кастрюльки и чайники еще и остыть толком не успели, а их уже суют в повозку вместе с прочими пожитками.

К слову сказать, торговцы и ремесленники по большей части селятся купно, словно чувят друг друга издалека. Взять, к примеру, Второй проспект в Киото. Жители всех провинций знают, что там находятся лавки, торгующие украшениями из акульей кожи

для мечей, лекарственными травами, а также книгами. В Карасумару же с незапамятных времен ведется торговля шапками эбоси, так что исполнители танцев кагура из Исэ, прорицатели из Касимы, все, кому по роду занятий приходится надевать эбоси, знают это. Даже уличные музыканты и танцовщики приезжают в Карасумару за этими шапками. «Иному не приходится кричать, чтобы быть услышанным», — речет народная мудрость, вот и этим торговцам не приходится зазывать покупателей — они сами стекаются к их лавкам.

В нижней части Киото, на Седьмом проспекте, жил некий торговец. Собственного жилья у него не было, и потому снимал он небольшой домик. В весеннее и летнее время они с женой мастерили веера, а с конца осени до середины зимы ладили кимоно из бу-маги. Тем и кормились.

Надобно сказать, что для своей лавки торговец выбрал весьма удобное место, по соседству со знаменитыми храмами, что находятся на Шестом проспекте. Возвращаясь с богомолья, паломники нередко навещали в их лавку и покупали веера и кимоно на память. Не мудрено, что со временем дело этого торговца пошло в гору, и ему даже удалось сколотить небольшое состояние.

Но вот однажды жена этого торговца отправилась в гости к соседке, и за чаем, когда женщины, как водится, судачили о том о сем, она возьми да скажи:

— Вы знаете, у нашей домовладелицы нос таких огромных размеров, что, приди кому в голову изловить тэнгу с горы Атагояма, лучшей приманки не сыскать!

Однако случилось так, что кто-то слышавший эти насмешливые слова передал их домовладелице. Та, понятное дело, не обрадовалась и завопила:

— Что же мне делать, если родители так позаботились о моем носе? Не сама же я его себе налепила! А раз уж он так досаждаёт моим постояльцам, пусть возьмут да и переделают его по своему вкусу. Не продавать же мне его, в самом деле, ведь я не какая-то там продажная девка. Муж-кормилец и тот за все девятнадцать лет ни разу не попрекнул меня, так что я на свой нос не в обиде. Отчего же он вам не даёт покоя? Теперь уж как хотите, а переделывайте мой нос, я же погляжу, что из этого выйдет!

Тут соседки пришли в смущение и разом затараторили, пытаясь свалить вину на жену торговца веерами:

— Мы живём в вашем доме не один день и знаем, что эта женщина всеначало возводит хулу на вас и вашего супруга. То болтает, что рот у вас чересчур велик, то будто ноги как палки, только этого, дескать, не видно, поскольку вы носите длинные кимоно. У этой женщины и впрямь злой язык.

Услышав такое, домовладелица распалилась ещё пуще прежнего.

— Эй, хозяйюшка! — крикнула она жене торговца веерами. — Нос у меня, как вы изволили заметить, непомерно велик и потому всякий раз цепляется за вашу притолоку, просто беда! Так что извольте поскорее очистить помещение.

В ответ постоялица расхохоталась:

— Как известно, Киото — город большой, и если аккуратно платить за жильё каждый месяц, можно без труда приискать другой дом, где, к слову сказать, не протекает крыша, как у вас, да и у хозяйки будет нос умеренных размеров.

— Между прочим, — не оставалась в долгу домовладелица, — в старину жила императрица с таким же носом, как у меня. Звали её Суэцумухана. Впрочем,

откуда вам, женщине подлого происхождения, знать об этом? Ведь вы, поди, и не слыхали о такой книге, как «Повесть о Гэндзи»!

— Да будет вам известно, — воскликнула жена торговца веерами, — что я родилась в семье придворного и даже ездила в коляске, запряженной лошадьми!

— Вот насмешили! — не унималась домовладелица. — Всем известно, что вы дочь простого бондаря и уж если в чем и ездили, то наверняка в гробу, изготовленном вашим папашей. На всякий случай имейте в виду, что у человека, не приученного к езде в паланкине или в коляске, с непривычки сразу же начинает ломить поясницу. Так что не влезьте туда как-нибудь по глупости!

— И кто только просил вас выяснять чужие родословные? — возмутилась постоялица. — Занялись бы лучше своей собственной. Вы ведь хвастали, будто приходите единственной дочерью главному жрецу храма Идзумо. Отчего же тогда вы вышли замуж за бедняка? Или просто тамошний бог — соединитель судеб, который с легкостью улаживает подобные дела по всей стране, прогневался на вас за что-то? И еще кое-что хочу сказать вам напоследок. Слыхала я, что не так давно на постоялом дворе «Фудэя» в провинции Сага объявилась блудливая Коман по прозвищу «Тэнгу». Говорят, будто она как две капли воды схожа с некоей домовладелицей. Бывает же на свете такое поразительное сходство! Интересно, в какой части Киото обитает эта домовладелица?

Тут домовладелица окончательно вышла из себя и с воплем: «Немедленно убирайтесь вон из моего дома!» — скрылась за дверью черного хода.

Торговец веерами, слышавший весь этот разговор, не на шутку забеспокоился.

— Теперь по милости твоего злого языка нам придется покинуть насиженное место, — принялся он выговаривать жене. — А для торговца переезд хуже разорения. Ступай и, пока не поздно, извинись перед хозяйкой.

— И не подумаю! — отвечала женщина с перекошенным от злости лицом.

— Как, ты еще смеешь мне перечить? — вскричал возмущенный муж. — Немедленно убирайся прочь из дома в чем мать родила! Не жена ты мне больше!

— Хорошо, я уйду. Но за то, что ты меня гонишь, так и знай, я всем расскажу, от чего скончалась твоя сестрица, — молвила женщина и стала собирать вещи.

При этих ее словах гнев мужа исчез без следа, и он заискивающим тоном произнес:

— Как ты могла поверить, что я расстанусь с тобой из-за какой-то ерунды? По правде говоря, мне самому опротивело глядеть, как заносится наша домовладелица. Нам и впрямь лучше уехать отсюда.

Вскоре супруги перебрались на улицу Самэгаи, неподалеку от Пятого проспекта. Все было бы хорошо, если бы не полоумная старуха, проживавшая по соседству с ними с южной стороны. Временами на нее что-то находило, и она ни с того ни с сего хватала нож и носилась с ним по округе. «Жить в таком соседстве небезопасно», — подумали супруги и переселились в другой дом, напротив входа в храм Роккакудо. И что же? Оттого ли, что столбы, подпирающие крышу, были с самого начала врыты не тем концом, или еще почему-то, но каждую ночь они слышали леденящий душу скрип, будто, того и гляди, обрушится потолочная балка. Это повергало их в такой страх, что вскоре они решили переехать на улицу Сэмбондори на окраине города. Уж где было

по-настоящему тихо, так это там, и первое время супруги были очень довольны. Однако же немного спустя обнаружилось, что западный ветер всякий раз приносит с собой дым с близлежащей пустоши, где сжигают трупы. Понятное дело, это пришлось им не по душе, и они снова переселились, на сей раз в верхнюю часть Симмати. Дом, который они себе подыскали, был недавно отстроен и стоял особняком. Соседство им тоже показалось приятным. С северной стороны, в доме с решетчатым переплетом, проживал некий старик на покое, в прошлом торговец посудой. Держался он замкнуто и шумных знакомств не водил. С южной же стороны с ними соседствовали известные в столице винная и солодовая лавки.

— Наконец-то мы отыскивали, что нужно! — не переставали радоваться торговец с женой. Однако в первую же ночь из дома старика послышалось пение молитв в духе секты Сэндзю. Старик вопил до рассвета, да так, что супруги почти не слышали друг друга.

В довершение всех бед из солодовой лавки на несчастных новоселов двинулось целое полчище тараканов, каждый величиной с цикаду. За недолгое время они изгрызли в доме всю деревянную посуду, залезли в кувшин с водой и в бутылку с соей, продырявили мешки с рисом, попортили одежду, бумажные ширмы и веера, обглодали рыбу, подвешенную на крюках в кухне, нагадили в корзинку, где хранилась соль, — одним словом, причинили хозяевам невосполнимый ущерб.

«Мыши в доме — что в стране в оры», — написал некогда Кэнко-хоси, но узнай он об этом, наверняка написал бы так: «Тараканы в доме — что в стране пьяницы!» Едва дотянув до лета, супруги снова переехали. Так, не прошло и двух лет, а они девять

раз сменили жилище, и от их состояния остались лишь жалкие крохи.

В конце концов, послушавшись сводного брата жены, который проживал неподалеку от храма Ниитамацусима на улице Мацубара, супруги перебрались в дом по соседству. Однако же оказалось, что этот дом расположен как раз в дьявольском направлении. К тому же в тот год сие несчастливое направление оказалось еще и местопребыванием божества Кондзин, и это усугубило дело. Торговец веерами пошел было на неприятный, но братец принялся уговаривать их остаться:

— В нашем мире и без того жить тяжело. Не хватало еще думать о каком-то несчастливом направлении! Положитесь во всем на меня.

Поддавшись уговорам брата, супруги поселились в этом доме, но с тех пор у них вообще все разладилось. Листы бумаги, из которых они мастерили кимоно для продажи, почему-то не склеивались между собой, и с каждым днем торговля у них шла все хуже и хуже.

Через некоторое время супруги решили поселиться разنو, чтобы хоть как-то поправить положение. Муж уехал в городок Сираиси в провинции Осю и нанялся подмастерьем к одному из тамошних изготовителей бумажных кимоно. Жена подалась в местечко Хирадоносима в провинции Хидзэн, мастерила веера и тем кормилась. Так они и разъехались в разные стороны, а все из-за того, что жена была невоздержанна на язык. Вообще, в чем женщинам надлежит проявлять особую осмотрительность, так это в словах.

Надобно сказать, что мужа предстоящая разлука сильно опечалила.

— Ну что же, прощай пока, — говорил он жене, утирая рукавом слезы. — А потом мы разыщем друг друга и снова заживем вместе.

Но женщина рассудила иначе.

— К чему связывать себя обещанием? Теперь между нами лягут многие сотни ри, поэтому лучше расстаться навсегда. Так что пришли мне разводную бумагу.

— Ах, так? — завопил м у ж . — Нет чтобы потерпеть немного одной, тебе сразу же подавай другого мужчину!

А жена в ответ:

— Только не прикидывайся, будто ты собираешься жить в одиночестве. Ух, проклятый, мало ему, что укокошил родную сестрицу и прибрал к рукам ее денежки!

Так, разругавшись вконец, они и расстались. Верно говорится в пословице: «Расставшиеся супруги хуже чужаков».

Поистине страшно становится, когда подумаешь о том, что таится в людских сердцах!

РАКУСКЭ, ТОРГОВЕЦ СОЛЮ

Неподалеку от храма Симмэй в Аватагути стояла хижина, крытая бамбуком, и такая низенькая, что до края стрехи можно было рукой достать. Жили в ней муж и жена. Им было уже по шестьдесят лет, а детей они так и не нажили. Одинокой и безрадостной была их старость.

Старуха добывала на жизнь мужским ремеслом — плела из соломы короткие сапожки, которые подшивала к оконной решетке. Погонщики лошадей, державшие путь из столицы в Ооцу, раскупали их, и это

служило подспорьем в их скромном хозяйстве. Что же до старика, то он каждый день ходил в Киото, где торговал солью вразнос. Так они и жили. День пройдет — и ладно, о завтрашнем дне не задумывались.

Воротившись домой, старик подкладывал в очаг хворост, — ветки кустарника хаги с равнины Курусуно, того самого кустарника, о котором в старину сложили много стихов, — вместе с женой они пекли сладкий картофель и запивали его зеленым чаем, который покупали понемногу на улице близ храма Кандзюдзи. Эти скромные радости казались им истинным блаженством, и они никогда не завидовали тем, кто жил в достатке, ни в чем не зная нужды.

Время бежало для них незаметно, точно во сне. Под Новый год они не толкли рисовых лепешек, в праздник Боп не лакомились соленой макрелью, а перед праздником девятого месяца не покупали ни каштанов, ни сакэ с цветами хризантемы. Поскольку в течение всего года они ничего не брали в долг, им не нужно было расплачиваться по счетам, и хотя на первый взгляд могло показаться, что нужда им в тягость, на самом деле жили они легко, ведь многие житейские заботы их миновали. Не напрасно старика прозвали Ракускэ, что значит «Человек, живущий без забот».

Наступило восьмое число девятого месяца, когда принято платить по счетам. В этот день даже топот ног по мостовой совершенно особый. Столичные женщины и те, закрыв лицо покрывалом кацуги модной раскраски, бегут со всех ног, не заботясь о том, как они выглядят со стороны.

И вот среди всей этой суеты некий портной, бравший заказы только у знатных особ, решил праздновать окончание сборки своего нового дома, который возводился в середине улицы Накадатиури. Громадный

домина, он тянется вширь на пятнадцать, а то и на шестнадцать кэнов.

В доме развешаны пышные занавеси, поставлены золоченые ширмы, с ними соперничают своим великолепием ковры. На земляной пол в кухне ставят все новые и новые подношения: бочонки с сакэ и ящики с рыбой. Делать отметки об этих дарах в книге нет времени — слуга только успевает их принимать. Все женщины в доме нарядно одеты. В главной зале собрались гости. По кругу пошел поднос «остров счастья», уставленный рыбными блюдами. Звучат песни и шутки. Те, что успели пропустить уже по седьмой чарке, хохочут без устали. Старший плотник надевает шапку эбоси, облачается в церемониальный костюм, берет в руку гохэй, поднимается на крышу и возлагает на установленную там божницу лук и стрелы для изгнания нечистой силы. Затем с помощью других плотников укрепляет коньковый брус, ритмично ударяя по нему молотком. Тут все гости выкрикивают благопожелание: «Счастья в этом доме вам на десять тысяч лет!» — и бросают на улицу рисовые лепешки, которых для этого случая заготовлено пятьсот восемьдесят штук. Подбирать эти лепешки кидается столько народу, что широкая улица в один миг становится тесной.

Собравшиеся поглазеть на празднество думали про себя: «Вот это богач! Какой дом себе выстроил! Вот бы мне отгрохать такую усадьбу и передать ее в наследство потомкам!»

Тот, кто не мечтал о богатстве, спокойно проходил мимо, лишь мельком взглянув на дом. Тот же, кто останавливался посмотреть на происходящее, сразу принимался подсчитывать, каково состояние хозяина, первым делом обращая внимание на размеры

кладовых. Неразумная алчность, да и только! Ведь еще лет двадцать назад хозяин этого дома занимался починкой фонарей и был настолько беден, что не всегда мог разжечь огонь в очаге. И откуда только берется у людей богатство? Хозяин этого дома, например, придумал наносить на бумагу состав из смеси вяжущего сока хурмы и слюды и стал мастерить фонари, которые можно было использовать даже в дождливые ночи. На этом он и разбогател. Сейчас его состояние оценивается в семь тысяч каммэ, не меньше. Не удивительно, что ему удалось породниться со знатным семейством, ведь в прежние годы даже в Киото не слишком обращали внимание на происхождение жениха, если, конечно, он не занимался такими постыдными ремеслами, как изготовление бамбукового бёрда для ткацкого станка или бамбуковых ручек для ушатов. Хоть и старая это истина, а как не сказать: в нашем мире только и света что от денег.

В толпе, окружившей дом богача, находился и торговец солью из Аватагути, только, в отличие от других, он не мечтал о таком же доме для себя, а просто остановился, чтобы послушать хорошее пение и поглядеть на искусные пляски. Когда толпа стала расходиться, Ракускэ неожиданно увидел на земле шелковый кошелек в красную полоску.

— Кто обронил этот кошелек? — спросил он стоявших рядом.

— Это мой кошелек, давайте его сюда, — откликнулся какой-то бритоголовый мужчина лет пятидесяти.

— Хорошо, я вам его отдам, только прежде скажите, что в кошельке.

— Около сотни мэ мелочью, — ответил мужчина. Ракускэ даже в лице изменился:

— Как не совестно вам, человеку почтенному, пускаться на столь низкие уловки! Знайте же, что в кошельке одни золотые кобаны, так что он принадлежит не вам!.. Настоящий владелец этого кошелька пусть придет за ним ко мне домой! — Ракускэ подробно объяснил, где он живет, и отправился восвояси.

Вечером того же дня к нему явился приказчик от оптовика из восточной провинции и рассказал, что обронил накануне кошелек со ста двадцатью золотыми кобанами, полученными им от оптовика, и теперь не знает, как взглянуть в лицо хозяину.

— Все верно, — сказал Ракускэ. — Здесь и расписка есть, так что кошелек, без сомнения, принадлежит вам.

С этими словами он протянул кошелек приказчику. Тот залился слезами и с благодарностью произнес:

— Попади этот кошелек в другие руки, вряд ли он когда-нибудь вернулся бы ко мне. И тогда я вынужден был бы с позором уезжать из Киото, а так с чистой совестью смогу явиться к хозяину. Позвольте же отблагодарить вас за услугу. — Приказчик вынул из кошелька пять золотых и протянул торговцу солью. Но тот и слышать не пожелал о вознаграждении:

— Этот кошелек принадлежит не вам, а вашему хозяину. По какому же праву вы распоряжаетесь чужими деньгами? Нет, я ни за что не приму их!

Приказчику ничего не оставалось, как положить деньги обратно в кошелек и откланяться.

Однако приказчик добра не забыл и с тех пор в дождливые, ветреные или снежные дни, когда торговцу трудно было идти в столицу, присылал к нему какого-нибудь человека, и тот неизменно покупал у Ракускэ по две мерки соли. Ракускэ радовался, считая, что само Небо одаривает его своею милостью, и даже не подозревал, что все это — дело рук

приказчика из шелковой лавки. Что же до приказчика, то со временем он отделился от хозяина и открыл собственную лавку. Видно, то была награда ему за памятливое сердце. И теперь ему неизменно сопутствовала удача. А не так давно он придумал способ раскрашивать ткань для косодэ, нанося на нее рисунок тушью, и благодаря этому неожиданно разбогател.

* * *

Во времена, о которых идет речь, в верхней части Киото проживал один известный лекарь. Знаменитости — народ своенравный, вот и этому лекарю вдруг наскучило пользоваться знатных особ, и он перебрался в местечко Аватагути. Выбрав участок на одной из тихих улочек, застроенных только наполовину, он обнес его красивой живой изгородью и в глубине построил дом. Дом этот выходил как раз на Токайдоский тракт, по которому то и дело проезжали процессии с даймё из разных провинций, направлявшимися на поклон к сёгуну или возвращавшимся восвояси. Поскольку столичные жители освобождаются от необходимости падать ниц при виде даймё, наш лекарь не отказывал себе в удовольствии усесться на самом приметном месте, мурлыкая под нос какую-нибудь песенку, и никто не мог его за это упрекнуть.

Как-то раз под вечер лекарь стоял у ворот своего дома и глядел на дорогу. В это время из Киото домой возвращался торговец солью. Едва завидев его, лекарь поспешил скрыться в доме.

— Почему при виде торговца солью вы предпочли вернуться в дом? — в недоумении спросили его домочадцы.

— Дело в том, что этот старец — истинный святой, — отвечал лекарь, — а при святом не годится

стоять в сандалиях. Встретить же его разутым мне тоже было неловко, — ведь я с ним совсем не знаком. Вот и счел благоразумным вовсе с ним не встречаться.

— А почему вы назвали его святым? — полюбопытствовали домочадцы.

— Как, вы до сих пор ничего не знаете? — удивился лекарь. — Он нашел деньги и вернул их владельцу. Другого такого человека не только в столице, но и во всей стране не сыщешь! Даже в Китае нет, наверное, человека, возвысившегося до такой святости.

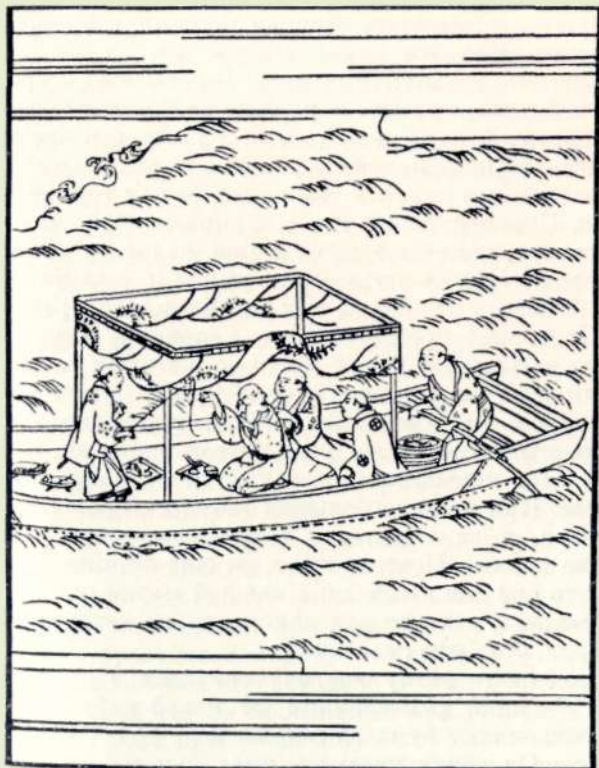
С тех пор домочадцы лекаря стали с особым почтением относиться к Ракускэ, торговцу солью.

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ТОРГОВАЛ ВРАЗНОС СОБСТВЕННОЙ СМЕКАЛКОЙ

На дне всякого моря есть углубление, оно зовется «бирё», то есть «город на дне морском». В это углубление уходит вся вода, которую денно и ночью приносят в море многочисленные реки, и поэтому воды в море не прибавляется.

У всякого человека есть рот, который можно уподобить впадине на дне моря. Сколько пищи бесследно проваливается в эту впадину в течение всей человеческой жизни! Способов прокормить сию ненасытную утробу существует бесчисленное множество, важно лишь не лениться. По нынешним временам, если человек трудится добросовестно, не щадя сил, он живет в полном соответствии с небесными установлениями и не испытывает нужды. Вообще говоря, во всех краях земли нашей, будь то призамковый

посад или приморский город, людей полным-полно, а среди людей, как известно, кое-как проживешь.

Взять, к примеру, селение Фусими в провинции Ямасиро. Как все переменялось там за последние семьдесят — восемьдесят лет. По обеим сторонам главной улицы до сих пор стоят дома, процветавшие в старину. Теперь они пришли в упадок, и среди их обитателей немало таких, которые не заняты никаким определенным делом и тем не менее как-то живут на свете. Посмотришь на это — и впрямь верно говорят, будто там, где есть тысяча домов, человеку не дадут пропасть. Нынче люди стали умнее и уже не хотят зарабатывать на жизнь, как зарабатывали прежде.

На исходе прошлого года, например, в здешних краях объявился некий человек, который ходил по домам и за определенную мзду красил очаги в кухнях. Дело это оказалось весьма прибыльным, и в конце нынешнего года уже другой здоровенный детина стал предлагать свои услуги по части чистки котлов. При этом за большой котел он брал по пять медяков, а за остальные, даже самые маленькие, — по два медяка. Помимо этого, он еще нанимался промывать рис для лепешек; с каждой мерки он брал по два медяка, так что для домов, где не хватало рабочих рук, это было спасением.

Под стать этому ловкачу оказался и другой — с виду бывший ремесленник из какой-нибудь лавки, где обклеивают бумагой ширмы и другую домашнюю утварь. Он ходил повсюду, имея при себе все необходимое для работы: угольник, бамбуковую лопаточку, щетку и клей. Что же до платы, то за бумагу, которую наклеивают на нижнюю часть стены, он брал по медяку с кэна, за оклейку сёдзи — по два медяка, а за переклейку любого фонаря — по медяку,

и к тому же убирал за собой весь мусор. Ну а когда кто-нибудь покупал полочку для приношений новогоднему богу счастья, он тут же прибывал на место, захватив с собой пегли и гвозди, и, выяснив благоприятное для данного года направление, в один миг прилаживал полку. В наш век ни в чем нет нехватки и все устраивается как бы само собой. Это весьма удобно, тем более что подобными услугами могут пользоваться даже люди небогатые.

Вот еще презабавный случай. Один человек лет пятидесяти перекинул через плечо какой-то сверток и стал ходить по городу, крича во весь голос: «Вывожу блох у любой кошки!»

Услышав это, какая-то старушка, державшая двух кошек — одну белую, другую пеструю, — пожелала прибегнуть к его услугам. Порешили на том, что каждая кошка обойдется старухе в три медяка, и этот человек сразу же приступил к делу, да на удивление ловко. Поначалу он облил кошку горячей водой, а потом, как была, мокрую, завернул в волчью шкуру. Тем временем блохи, которые, как известно, не переносят сырости, все, как одна, переползли в волчью шкуру. После этого оставалось лишь вытрясти шкуру хорошенько, и можно было браться за другую кошку. Достаточно проявить смекалку — и даже на таком, казалось бы, вовсе немудреном деле можно заработать.

Да, народ теперь пошел куда как умный, и люди понимают друг друга без слов.

Один мужчина, уже в годах, пустился на такую уловку. Надев кожаные хакама, какие можно увидеть на людях, отправляющихся в путешествие, он заткнул за пояс короткий меч, повесил сбоку большой кошель и стал с умным видом расхаживать по городу, выкрикивая у каждого дома:

— Кто но может самостоятельно принять решение, доверьтесь мне! Если у вас на сердце тяжесть, я помогу советом!

Люди, немало повидавшие на своем веку, попросту не обращали на него внимания, те же, что попростодушней, в полном ошеломлении восклицали: «Глядите, какая наглость! Подобных плутов еще не видывал свет!» — и внимательно всматривались в его лицо.

Между тем осенью прошлого года несколько приятелей, собравшись вместе, отправились в лодке ловить бычков в устье реки Сангэньякава, что в Осаке. Пойманную рыбу тут же зажаривали вместе с головой и внутренностями, она и служила угощением. Изрядно захмелев, друзья стали состязаться, кто больше съест этих самых бычков. Один из них стогряча запихнул в рот рыбу целиком и в тот же миг почувствовал ужасную боль в горле. Друзья сразу же подскочили к нему, чтобы узнать, в чем дело. Оказалось, что в брюхе рыбы находился рыболовный крючок вместе с обрывком нити длиной около двух сунов. Этот крючок и вонзился бедняге в горло. Как ни пытались вытащить его, ничего не получалось. А поскольку помочь страдальцу не было никакой возможности, в лодке стихли звуки барабана и сямысэна и наступило смятение в точности такое же, как в эпизоде из «Цурэдзурэ-гуса», где рассказывается о монахе, который в подпитии надел на голову сосуд канаэ, а потом не мог его снять.

Когда несчастного привели домой, он был почти что при смерти. К больному тотчас же позвали врача, но и тот ничем не сумел ему помочь. К кому только ни обращались за помощью домочадцы — все впустую.

Как раз в ту пору мимо дома пострадавшего проходил уже известный нам мастер давать советы.

Узнав, в чем дело, он сказал: «Не беспокойтесь, в один миг вытащу!» С этими словами он достал четки с мелкими бусинками, распустил их и стал одну за другой нанизывать на торчащий обрывок нити. Потом он связал концы нити между собой и стал потихоньку двигать ее то вверх, то вниз. Не успели домочадцы и глазом моргнуть, как крючок был уже снаружи. Что и говорить, от этакой смекалки все пришли в восторг.

В это время в доме находился некий человек, который любил встревать в чужой разговор.

— Позвольте и мне испросить вашего совета, — обратился он к чудодею. — В последнее время дела мои идут из рук вон плохо. За что ни возьмусь — одни убытки. Об этом узнали другие торговцы и теперь не хотят ничего отпускать мне в долг, так что я нахожусь в весьма стесненных обстоятельствах. К тому же день выплаты долгов уже не за горами, а мне, как ни считай, недостает более двадцати каммэ. Посоветуйте, что делать.

— Нет ли у вас богатых родственников? Скажем, зажиточного тестя? Или, на худой конец, брата-монаха? У монахов часто водятся деньги.

— Н е т, — ответил тот.

— Очень сожалею, но в таком случае ничем помочь вам не смогу, — сказал советчик и пошел прочь.

СВОЕНРАВНАЯ ФРЕЙЛИНА

Некий человек, поднаторевший в мирских делах, говаривал так: «Всякому, у кого водятся деньги, надобно постоянно быть начеку, ибо воров среди бела

дня в нашем мире не меньше, чем мышей темной ночью».

Но если, следуя такому совету, остерегаться всего без разбору, побоишься, пожалуй, разжечь в доме огонь, а уж о том, чтобы сесть на корабль, плавающий по открытому морю, и говорить не приходится. Между тем судьбы людские вершатся на Небе, и кому суждено погибнуть от молнии, тот от молнии и погибнет.

Тем не менее каждый по мере сил своих норовит избежать опасности и, дожив до глубокой старости, в конце концов умирает от какого-нибудь недуга.

В замках князей и домах придворных есть особое помещение — на случай землетрясения или грозы. Крышу трехэтажного дома выкладывают медными пластинами, на потолки натягивают завесу, а стены убирают листьями мальвы, какие можно увидеть в изобилии на празднике храма Камо. В той стороне, где находится плотный занавес, воскуривают благовония, предохраняющие от молнии.

Как только сверкнет молния, супруга князя входит в это помещение, вокруг нее располагаются прислужницы и принимаются читать «Сутру Каннон». Так много раз рядом они убегаются от беды.

Однако избежать собственной кончины не в силах даже самые богатые и знатные, те, что восседают на парчовых подушках. В положенный срок, хотя бы они того или нет, за ними приплывает корабль, перевозящий души покойников на тот берег. Вот и выходит, что человек не властен над смертью и не может ничего изменить, никакие предосторожности здесь не помогут. И все же люди, как правило, забывают о смерти и помышляют только об удовольствиях.

В особенности это относится к фрейлинам знатных особ. Рожденные в семье людей высокого звания, они

не ведают ни тягот, ни невзгод. Только и заботы у них — обучаться манерам придворной дамы. С утра до вечера они ублажают себя то игрой на биве, то сочинением вака. В положенный срок постигают прелесть цветов вишни на рассвете, снега в вечерних сумерках, лупы и алых листьев осенних кленов. Сердца их стремятся только к любви. Предаваясь распутству и возлияниям, они пекутся лишь о нарядах. Их жизнь течет, будто во сне, и не ведомы им ни провинности, ни печали. «Не зачерпнешь из ручья воды, не узнаешь ее вкуса», — говорится в пословице. Фрейлины не знают с людьми низкого звания, не имеют понятия о житейских невзгодах. Им и в голову не придет навернуть на ноги обмотки, чтобы не изнашивался подол кимоно, а ведь именно так поступают из бережливости простолюдинки.

В одном знатном доме служила фрейлина по прозвищу Угуйсу, что значит «Соловей». Была она особо приближена к своей госпоже. И вот однажды, — а случилось это двадцать четвертого дня первого месяца, когда зацвели сливовые деревья, — госпожа отправила ее вместо себя в храм в Китано.

На возвратном пути фрейлина все время глядела в окошко паланкина, с любопытством наблюдая за тем, что происходит вокруг. Когда миновали окрестности квартала Нисидзин с его маленькими домиками, сопровождавший фрейлину челядинец вдруг вспомнил, что впопыхах запамятовал заплатить за представление кагура и принести прочие полагающиеся храму пожертвования. С виноватым видом он пробормотал: «Подождите меня, я скоро вернусь», — и поспешил обратно в храм.

Фрейлина приказала поставить паланкин у ворот одного дома, а сама решила отдохнуть поблизости. Из

дома доносился шум ткацкого станка и слышно было, как что-то толкут в ступке; около ступки хлопотала служанка. Хозяйка, еще молодая женщина, расположившись на галерее, перебирала своими красивыми руками свежую зелень. Судя по всему, она намеревалась приготовить дзони из остатков «зеркальных» моти и попотчевать мужа.

Муж ее с довольным видом растянулся поблизости, положив голову на порожек, точно на подушку.

— Ну в о т , — заговорил он, — под Новый год мы благополучно расплатились по счетам. Да и вообще житью нашему только позавидовать можно. К примеру, кугэ вынуждены носить на голове столько украшений, что и надорваться недолго. Князьям тоже не легче: хочешь не хочешь, а носи за поясом меч да таскай на себе парадные одежды. Куда привольнее горожанину! Вспомни старинное стихотворение: «Ради любимого вышла я в вешнее поле и свежую зелень рву». Это написал какой-то аристократ. А у нас в доме женушка насобирала молодой зелени, чтобы угодить своему муженьку, который любит поесть вволю.

«Вот это и есть счастье», — с завистью подумала фрейлина Угуису. Слова горожанина так глубоко запали ей в душу, что, воротившись в замок, она сказала большой и упростила госпожу ее отпустить.

Очутившись на свободе, Угуису, не теряя времени, вышла замуж за некоего горожанина. Все было бы хорошо, не находи бывшая фрейлина забавной саму мысль о том, что рисовые лепешки не растут прямо в поле, а светильник не горит потому лишь, что в него не налили масла. Поскольку в житейских делах Угуису оказалась до крайности бесполовой, муж решил, что одной красоты для хозяйства мало, и в конце концов отправил ее обратно в родительский дом.

В конце концов к ней посватался владелец одной косметической лавки с Четвертого проспекта в надежде, что ее прельстительная внешность послужит хорошей приманкой для покупателей. Но не тут-то было: фрейлина нашла, что торчать в лавке и целыми днями расточать посетителям улыбки ниже ее достоинства. Кончилось тем, что и отсюда ее прогнали.

Так, погрязнув в позоре, Угуису вовсе утратила стыд и стала женой шута, потешавшего посетителей зланных заведений в квартале Хигаси-кавара. Поначалу супруги еще могли кое-как содержать служанку, но затем впали в горькую нищету, а поскольку весь доход шута состоял лишь из чаевых, которые давали ему гости, выбраться из нее им никак не удавалось. Не было случая, чтобы они вовремя заплатили по счетам. В каждый из пяти праздников муж Угуису уходил из дому и вынужден был скрываться, дабы избежать встречи с работодателями.

Теперь уже фрейлина, которую некогда прозвали «Соловьем», не заливалась песнями, как встарь, а от былой ее красоты не осталось и следа. Ходила она в своем старом, залатанном авасэ бледно-голубого цвета, которое не спасало от ветров в месяц инея, а поясом ей служила простая бумажная веревка. Нечесанные волосы торчали в разные стороны; чуть ли не по месяцу она не мылась, так что прикоснуться к этой женщине было так же неприятно, как взять в руки гусеницу. Ногтей Угуису не стригла, зубы давно перестала чернить. Речь ее сделалась невнятной, неблагозвучной, голос стал грубым и сиплым. Вот до чего она опустилась!

По мере того как изменялась наружность этой женщины, ею овладевали все более страшные и низкие помыслы. Теперь она не видела ничего

предосудительного в том, чтобы в одиночку бродить по ночным улицам. Стоило же какому-нибудь незнакомцу дотронуться до нее, как она принималась клянчить у него деньги. Сборщиков долгов она морочила столь искусно, что в скором времени снискала славу вымогательницы. Едва ли честнее обходилась она с теми, кому мастерила на заказ саси-таби, крученые бумажные шнурки для подвязывания волос, плела пояса из тесьмы или делала обертки для благовонных свечей. Получив за них плату, она, вместо того чтобы отдать эти вещи заказчикам, продавала их и вырученные деньги забирала себе. Однажды какой-то злопыхатель развонил повсюду, что с этой женщиной-де опасно иметь дело, однако столица велика, и несмотря на эти слухи, Угуису жила по-прежнему.

— Наверное, сам бог Удзигами не мог предположить, что фрейлину ожидает такая участь. Пока человек благоденствует, трудно угадать, что станет с ним потом. Подобное злосчастье постигло эту женщину потому, что она позавидовала жалкому существованию простолюдинов и отреклась от благодатной службы в замке. В нашем мире и мужчинам, и женщинам надлежит иметь лишь такого покровителя, который знает обычаи их рода. — Так говорил человек, знающий судьбу фрейлины Угуису.

**Сборник
«ВОРОХ СТАРЫХ ПИСЕМ»**

**И В СТОЛИЦЕ ВСЕ ВЫШЛО НЕ ТАК,
КАК Я ОЖИДАЛ**

*Город Сэндай,
улица Хонтё, первый квартал,
в лавку «Могамия»,
г-ну Итиэмону.*

Нарочно наняв для этого случая гонца, спешу отправить Вам письмо. Как Вы там поживаете, здоровы ли? А я вот крепко стосковался по родным краям. С тех пор как мне по молодости лет захотелось вкусить прелестей столичной жизни и я, не послушавшись Ваших уговоров, уехал из родного города, минуло уже восемнадцать лет, но былого я не забыл.

Интересно, что подельывает моя женушка? Верно, все еще дуется на меня за то, что я от

нее сбежал. Между прочим, я трижды высылал ей разводную бумагу, но она зачем-то все еще хранит мне верность и не хочет вторично выйти замуж. А муж нужен женщине обязательно, чтобы было кому ее содержать. Что же до меня, то я порвал с нею окончательно и бесповоротно. И как только она ухитрилась прикипеть душой к человеку, который говорит ей столь неприятные вещи? Убедительно прошу Вас хорошенько ей все это объяснить и постараться вбить в ее глупую голову, что в ее же собственных интересах выйти замуж, пока она еще молодая. Я, как-никак, в свое время доводился ей мужем и дурного не посоветую. Если же Вам любопытно, почему я от нее сбежал, знайте: из-за ее проклятой ревности. До того довела она меня своими попреками, что со временем даже лицо ее мне опротивело. Не будь я в положении мужа-приймака, вытолкал бы ее вон из дому, но тут ничего иного не оставалось, как сбежать самому.

Поселившись в Киото, я открыл небольшую меняльную лавчонку на улице Каварамати, у Четвертого проспекта, а чтобы не мыкаться одному по хозяйству, нанял приказчика и стряпуху.

Зная, что на поприще менялы особенно не разбогатеешь, я во всем стремился проявлять бережливость. Дрова в столице дороже, так что огонь в очаге мы разводили черными, обуглившимися прутиками величиною с палочки для еды, а это все одно, что разводить огонь собственными ногтями. Еды готовили ровно столько, чтобы хватило на троих, никаких излишеств себе не позволяли. Кстати сказать, в подвесных кастрюлях, которыми здесь пользуются, и за четыре часа не приготовишь пищу, хоть целую охапку дров сунь в очаг.

Вообще, как посмотришь, до чего различаются между собой нравы и привычки людей в разных областях страны, просто смех берет. Например, на той пище, что у вас в день съедает одна служанка, здесь запросто могут просуществовать пять женщин. Верно говорят, будто особенности каждой местности ни в чем не проявляются так ярко, как в быту. У вас, к примеру, на медяк можно купить четырнадцать, а то и пятнадцать свежих сардин, и самая последняя служанка позволяет себе за один присест отправить их в рот целый десяток, причем едят их жареными и вместе с головой. А в столице за этот же медяк вам дадут шестнадцать или семнадцать крохотных вяленых сардинок. Их обжаривают, приправляют соей и едят всего по три штуки, но при этом даже прислуга гнушается съесть их вместе с головой.

Люди здесь приучены к изысканной жизни, а что до женщин, то нигде нет таких красавиц, как в Камигате. К тому же они еще и хлопочут по дому не покладая рук. Ну, а если говорить о бежавших влюбленных, женившихся наперекор родительской воле, то в этих семьях женщины работают наравне с мужчинами. И впрямь, по нынешним временам, жену иметь выгодно.

Вот и я, поразмыслив и так и сяк, решил во что бы то ни стало жениться. Тут как раз заметил я одну девицу вполне сносной внешности, дочь торговца косметическими товарами, который держал лавку на Храмовой улице. В отличие от прежней моей жenuшки она оказалась вовсе не ревнивой и, сколько я ни развлекался на стороне, ни разу меня не попрекнула. В конце концов это даже показалось мне странным, и пока я старался понять, в чем тут дело, она сама

заявила, что, дескать, я ей не по душе, и даже несколько раз пыталась заговаривать о разводе. Для меня, мужчины, выслушивать это было оскорбительно, и, не выдержав, я крикнул ей: «Проклятая дура!» В ответ она принялась колотить посуду, делая вид, будто роняет ее на пол нечаянно, а потом и вовсе прикинулась больной и по целым дням не вставала с постели. Бывало, попросишь ее нанизать медяки на шнур, так она, вместо того чтобы нанизать девяносто шесть монет, нанижет целую сотню, хотя для меня это прямой убыток. Или же возьмется солить овощи и забудет положить в бочонок соль. В фонаре, который горит всю ночь, она зажигает шесть, а то и семь фитилей, хотя вполне можно обойтись одним-двумя. Зонтик свой всегда норовит сложить, не дав ему как следует обсохнуть. Как только увидит у ворот какого-нибудь бродячего певца — несет ему деньги и рис. Одним словом, она была из тех, о ком говорится: «согрев ванну, моется холодной водой». К чему ни притронется ее рука, куда ни ступит ее нога — везде одни убытки. «С такой женой недолго и по миру пойти», — подумал я и, пока не поздно, решил дать ей развод.

Наученный горьким опытом, я рассудил, что для успешного ведения хозяйства нужна женщина немолодая, и поделился своими мыслями с одним человеком. Тот вызвался подыскать мне подходящую супругу, и вскоре дело сладилось. Женщина эта доводилась дочерью хозяину постоянного двора для паломников по святым местам, что находится прямо перед воротами храма Роккакудо. Овдовев, она вернулась под родительский кров. Если верить свату, в то время моей суженой исполнилось двадцать семь лет, но я прикинул, что года три или четыре он ей наверняка

убавил, так что по моим подсчетам выходило, что женщине около тридцати лет. Как бы то ни было, плененный ее приятной внешностью, я сразу же на ней и женился. Однако, присмотревшись к новобрачной хорошенько, я понял, что она уже в преклонных годах. На всякий случай я решил расспросить на сей счет соседа, осведомленного в делах этой семьи, и узнал от него, что у моей жены имеется дочь тридцати шести лет. Если даже предположить, что она появилась на свет, когда матери было семнадцать, выходило, что моей женочке стукнуло не то пятьдесят два, не то пятьдесят три года. «Ловко же меня одурачили!» — подумал я, и с той поры престарелая супруга не внушала мне уже никаких чувств, кроме отвращения. А когда я заметил, как она, думая, что меня нет поблизости, тайком вырывает из головы седые волосы, меня просто-таки стало с души воротить, и я развелся с нею, невзирая на свадебные расходы.

После этого посватался я к женщине, которая, по слухам, некогда служила фрейлиной во дворце. Внешность ее была безупречна, нрав добрый и мягкий. Одним словом, такая пришлась бы по душе любому. «С этой женщиной жизнь будет для меня сплошным праздником», — решил я и, не раздумывая, взял ее в жены. Вскоре, однако, оказалось, что она ничего не смыслит в хозяйстве. Ладно бы еще она не различала делений на шкале весов — женщине благородного происхождения это простительно. Но вот, бывало, увидит перевернутую глиняную ступку, залюбуется и таким восторженным голоском произнесет: «Какое редкостное керамическое изделие! Ему нарочно придали форму горы Фудзи?» Или же, взяв в руки крюк, с помощью которого вытаскивают ведро из колодца,

удивленно вскинет брови и спросит: «Что это, якорь от лодки?» Ну, а о мерке в пять го и вовсе говорить не приходится — эта женщина ни за что не догадалась бы, каково ее назначение. С подобным воспитанием, решил я, в нашей убогой кухне ей, конечно же, не место, и, хотя расставаться с этой милой женщиной мне было жалко и горько, пришлось все-таки дать развод и ей.

Вскоре с помощью одного человека я женился на некой вдове. Помимо собственной усадьбы у нее был еще один дом, который она сдавала внаем за семьдесят моммэ в месяц. Однако, как выяснилось, на шее у вдовы сидело человек девять нахлебников: престарелые родители, а также младшая сестра и племянница с семьями. Уже с одним этим было трудно мириться, а тут еще я узнал, что покойный муж оставил вдове неоплаченный долг в сумме двадцати трех каммэ. «Тут за всю жизнь не расплатишься», — испугался я и покинул любезную вдовушку, разумеется, понесши некоторые убытки.

Через некоторое время я узнал, что у торговца подержанными вещами с улицы Такэя-мати есть дочь на выданье. Сват сообщил мне, что в приданое за ней дают три каммэ серебра и сверх того еще полный набор летней и зимней одежды. На радостях я сразу же вручил свату деньги, что полагались ему за услуги, и незамедлительно отпраздновал свадьбу. Но и на сей раз меня ожидало разочарование: раза два, а то и три в месяц моя молодая жена ни с того ни с сего мешалась в рассудке и, раздевшись догола, выбегала за ворота. В конце концов мне это надоело, и, не долго думая, я отправил ее назад к родителям.

Казалось бы, женщин здесь — хоть отбавляй, а вот достойную супругу не сыщешь.

За семнадцать лет жизни в столице я переменял в общем счете двадцать три жены, и у каждой из них обнаруживался какой-нибудь изъян, так что поневоле приходилось разводиться. Поначалу у меня были кое-какие сбережения, но все деньги разошлись на свадебные подарки, и вот теперь я гол и сир. Снова искать себе жену мне уже не по средствам. Живу я сейчас в убогом бараке на задворках улицы Такэдадори в Фусими, а чтобы не пропасть с голоду, мастерю из бамбука каркасы для плетеных шляп, так и перебиваюсь со дня на день.

Жизнь мне совсем опостылела, но ведь в этом мире и не умрешь по своей воле. Не думайте только, будто, оказавшись в столь печальном положении, я вознамерился вернуться к своей бывшей жене. Об этом не может быть и речи. Видно, брак наш с самого начала был несчастлив, если у меня не осталось никакого чувства к этой женщине. Прошу Вас хорошенько втолковать ей, какой я жестокосердный человек, и позаботиться о том, чтобы она как можно скорее вышла замуж. Вам же я могу сообщить по секрету, что, если человек бедствует, ему все равно, где жить, — в столице или в какой-нибудь глуши. А супруги на то и супруги, чтобы жить вместе, помогая друг другу. Ежели сравнить теперешнюю мою жизнь с прежней, то прежняя мне куда милее. И то сказать, за все годы, что я провел в столице, я ни разу не полюбовался вишнями в цвету, ни разу не вышел прогуляться по вечерней прохладе. Не было случая, чтобы осенью я лакомился грибами из Саги, а зимой, когда все вокруг покрыто снегом, ел суп из рыбы фугу. О столичной жизни мне напоминал лишь грохот запряженных быками телег, возвращающихся в Тобу.

Приехав в Киото, я только и знал, что жениться да разводиться, вот и пустил по ветру все свои деньги. Как стыдно в этом признаваться! Прошу Вас ни в коем случае ничего не рассказывать знакомым.

Это мое последнее письмо к Вам. Считайте меня умершим и не берите на себя труд меня разыскивать. Ежели суждено мне выжить, постригусь в монахи и, быть может, когда-нибудь, совершая паломничество, побываю в Ваших краях.

Засим низко Вам кланяюсь.

*Писано Фукусимаей Кухэйдзи,
в столице.*

ЛАРЕЦ С ЗАВЕЩАНИЕМ, ПОВЕРГШИМ ВСЕХ В РАСТЕРЯННОСТЬ

*Г-ну Цусаки Дзиндаю
и его почтенному
семейству.*

Даже люди, постигшие таинства жизни и смерти, нередко теряются при виде чьей-либо кончины, мне же, не наделенному подобной мудростью, тем более пристало предаваться скорби.

В прошлом месяце, двадцать девятого дня, упокоился наш старший брат Дзинрокуро. Посмертное имя ему дали Сюнэцу Досэн, так что не преминьте и Вы совершить по нем заупокойную службу. До последнего часа брат вспоминал Вас, — дескать, ему было бы

кому довериться, будь рядом Дзиндаю, и все пенял нам, домочадцам, за то, что отправили Вас торговать в далекий Мацумаэ.

Вплоть до самой кончины Дзинрокуро находился в здравом рассудке, собственноручно написал завещание и даже попросил пятерых чиновников из городской управы скрепить его, как полагается, своими подписями. В завещании говорилось, что спустя семь дней после его кончины нам следует в присутствии всех родственников открыть внутреннюю кладовую и произвести раздел оставленных им ценностей. Прочитающуюся Вам долю я высылаю с этим гонцом, так что не забудьте ее востребовать.

Относительно своего имущества покойный распорядился следующим образом. Дом вместе со всей утварью, а также триста пятьдесят каммэ серебром он отказал старшему сыну Дзинтаро. Усадьба с домом в одиннадцать кэнов на той же улице и двести пятьдесят каммэ в придачу отошли второму сыну Дзиндзиро. Участок земли в Синсю и тридцать каммэ унаследовала старшая сестра покойного — Мёсан. Мне он завещал пятьдесят каммэ, а Вам — двадцать пять. Еще пять каммэ он отписал приказчику Куробэю. В общем, каждому из родственников и прислуги он счел нужным что-нибудь оставить, так что все были глубоко тронуты его заботой. Единственно о ком в завещании не было упомянуто, так это о его супруге. На сей счет Дзинрокуро оставил отдельное распоряжение, в котором указывалось, что, поскольку она не проявляла должной заботы о его сыновьях, ей надлежит вернуться в родительский дом, захватив с собой сундук и прочее приданое, дабы не остаться в убытке. Годами она, мол, еще молода, и эти вещи могут ей сгодиться, коли вздумает вторично выйти замуж.

А поскольку денег за ней в приданое не дали, он считает себя вправе по этому поводу не беспокоиться. Уехать же к родителям она должна в течение тридцати пяти дней после его смерти. Вот что было написано в этой бумаге.

Тут старший сын Дзинтаро, не поднимая особого шума, возразил: «Поскольку дело идет не о ком-нибудь, а о законной супруге покойного отца, в этом единственном случае я позволю себе не посчитаться с его волей. Рядом с домом я сооружу для матушки пристройку, где она сможет жить на покое, и дам ей двадцать каммэ для паломничества в храмы и на прочие нужды». При этих словах все прослезилось и принялись хвалить Дзинтаро, — дескать, в столь юном возрасте редко кто способен на подобную доброту. А кто-то из соседей заметил, что вдова должна быть довольна таким поворотом дела. Но та и не думала радоваться. Оставив недорезанными водоросли, она сказала, постукивая ножом по кухонной доске: «Мне, женщине, не привыкать к подобному унижительному обхождению. Я поступлю так, как хотел того покойный, — уеду жить к родителям. Денег же, о которых вы говорите, я не приму. Но все-таки, хоть это может показаться нескромным, хочу вам напомнить, что на протяжении последних пяти или даже семи лет я не раз была вынуждена обращаться к родителям за деньгами на свои расходы. И если теперь вы дадите мне взамен хотя бы ничтожную сумму, я буду вполне довольна. В любом случае нынче же вечером я покину этот дом. Только не думайте, будто я намерена выйти замуж вторично, позабыв о долге перед покойным мужем. В этом у вас будет возможность убедиться». Сказав так, она переоделась в другое косодэ и, хотя прежде всегда разъезжала

в паланкине, на сей раз в суете и неразберихе отправилась пешком. Кое-кто из родственников попытались было ее удержать, — не след, мол, действовать сгоряча, — другие же посчитали, что ей и в самом деле лучше уйти. Разные у людей сердца — у кого доброе, а у кого и злое. Одним словом, не успев оплакать покойного, вдова удалилась из дома, оглашая округу громкими воплями. Позднее один человек преклонных лет объяснил, что брат потому так обделил свою супругу в завещании, что был ею весьма недоволен. Но мы потолковали между собой и, решив, что вряд ли нас засмеют, если мы выделим ей небольшую толику денег, оставленных Дзинрокуро, вместе с ее вещами отослали ей в родительский дом пять каммэ, благо они оказались в шкафу.

После этого мы вскрыли кладовую и в присутствии всех родственников осмотрели ее, только ящиков с деньгами нигде не оказалось. «Вот те р а з», — подумали мы и принялись обыскивать каждый уголок. Наконец на дне старого длинного сундука кто-то обнаружил ларец с долговыми расписками, к каждой из которых был прикреплен соответствующий ярлык. Тут стало ясно, что все свое огромное состояние брат пустил на ссуды разным даймё и вместо денег оставил нам в наследство их долговые расписки. Все прямо ахнули, — ведь бумагами этими сразу же не воспользуешься, а к тому времени, когда придет срок получать по ним деньги, неизвестно, что еще может произойти. Из наличных денег оставалось всего лишь пять каммэ, которые мы отправили вдове. Так что Дзинтаро оказался почти без гроша, и мне до сих пор приходится понемногу ссужать его деньгами, хотя для меня это весьма стеснительно. Так и перебиваемся со дня на день. А вот как поступить с многочисленными

работниками — ума не приложу. Денег на производство сакэ теперь нет, стало быть, и дела для них нет. Бумаги же с долговыми обязательствами в оборот не пустишь. Да, брат проявил непростительное легкомыслие, и теперь дети его вынуждены за это расплачиваться. Что же до причитающейся Вам доли наследства, то и ее приходится высылать все теми же долговыми расписками, — так посоветовали мне чиновники из городской управы.

Как Вы знаете, Дзинрокуро был человеком основательным и никогда не полагался на удачу. Но тут, видно, позавидовал киотоским заимодавцам, которые, ссужая даймё деньгами, сколотили огромные состояния, и последовал их примеру. С таким же успехом он мог бы просто выбросить свои деньги в мусорную яму. Да, чуть не забыл: помимо расписок от даймё, среди его бумаг еще обнаружено долговое обязательство на тридцать каммэ от одного театра, которому брат в свое время оказывал денежную поддержку. Видно, Дзинрокуро и сам понимал, что деньги эти пропащие, и вышеупомянутого обязательства никому не завещал. И впрямь о размерах состояния человека можно судить лишь после его смерти. Мне и во сне не могло привидеться, что у брата нет наличных денег.

Покойный отец наш, Досай, помнится, говаривал, что горожанин может ссужать деньги только в одном-единственном случае — под залог усадьбы. Да и то в этих целях разумно использовать лишь треть имеющихся денег. Отдавать же все деньги, каким бы надежным ни был залог, ни в коем случае не следует. Так он нам втолковывал, и эти его слова я вспоминаю теперь, когда вместо денег мы остались с никому не нужными долговыми расписками.

Да, много печального в нашей переменчивой жизни, но есть в ней и немало забавного. На днях мне стало известно, что вдова Дзинрокуро успела подыскать себе второго мужа, хотя со смерти брата не прошло даже ста дней, и у них уже состоялась помолвка. Что ж, подобное нередко случается на свете, но хотя бы год могла обождать. Добро бы еще она была из тех обездоленных женщин, которые пропитания ради вынуждены работать наравне с мужем. Те и правда после смерти супруга впадают в такую нужду, что, позабыв о долге и приличии, сразу же начинают думать о новом замужестве.

Как раз в ту пору, когда мы узнали о подлой сущности вдовы Дзинрокуро, в углу кладовки кто-то заметил ее сундук для всевозможной утвари, — ведь, отправляя ей вслед ее вещи, мы не удосужились проследить, все ли они учтены. И вот по прошествии многих дней после этого мне как-то докладывают, что за сундуком явился посыльный. Этот человек передает мне слова хозяйки, — дескать, оставлять сундук долее в нашем доме она не может и потому просит без промедления вручить его посыльному. Я сразу же отправил в кладовую двух или трех служанок и велел им вынести сундук, но они не смогли даже сдвинуть его с места. Тогда за сундук взялось несколько дюжих парней, но и у них ничего не получилось. А поскольку сундук был заперт на замок да к тому же еще основательно запечатан, открыть его оказалось невозможным, и те отступились в полной растерянности, приговаривая: «Обычно в таких сундуках держат бамбуковые прутья для растягивания выстиранной ткани и иголки для шитья шелком, а сюда, поди, двадцать каменных ступ зачихнули». В это время подошел я. Гляжу — в крышке сундука есть небольшое

отверстие. «Странно», — думаю, без лишних слов взламываю замок, и что же? — сундук битком набит медными монетами. Видно, не один год эта женщина их туда складывала. До чего же алчное создание! Находясь на полном содержании у мужа, она на всякий случай потихоньку припрятывала деньги, да еще в таком количестве! Именно потому, что она поступила против совести, эта ее тайная уловка обнаружилась. По моим подсчетам, в сундуке было не меньше восьмисот каммэ.

Брат наш Дзинрокуро был щедрым на руку человеком, потому и дела его стали расстраиваться. И вот, предвидя денежные затруднения, супруга его заблаговременно готовилась к разрыву, что с ее стороны было вопиющим бессердечием. Таких женщин на свете сколько угодно, так что, по нынешним временам, надобно со всеми быть начеку, даже с собственной женой.

Что же до сундука, то я сказал посыльному так: поскольку, мол, во время свадьбы его несли двое слуг, пусть и на сей раз за ним явятся двое, но только покрепче, чтобы ноша была им по силам. Видно, от этих слов женщина усовестилась, во всяком случае, до сих пор за сундуком так никто и не пожаловал.

Было бы славно, если бы до конца года Вы смогли к нам воротиться. Жду Вас с нетерпением, много о чем хочется поговорить. Ну, а пока жду Вашего ответного письма.

*Ваш Дзинтабэй.
Провинция Ацу.*

22 числа четвертого месяца.

МИР, ПОГРУЗИВШИЙСЯ ВО МРАК

*Провинция Этидзэн,
город Футю,
монаху Дзёгё.*

Как дикие гуси по весне возвращаются в землю Косидзи, так и я шлю Вам весточку о себе. Письмо это по моей просьбе написал мой близкий друг, священник, который долгие годы служит в храме Мёсиндзи. Оказалось, он доводится родственником моей покойной жене, так что нас с ним связывают не только узы дружбы, но и узы родства. Сей преподобный отец любезно наставляет меня на путь истинной веры, за что я ему премного благодарен.

Не могу не выразить радости в связи с тем, что Вы изъявили готовность посетить селение Мураками в нашей родной провинции Этиго, как я того и желал. Быть может, когда-нибудь Вас занесет и в наши края. Ежели Вы решите меня навестить и пожалуете под вечер, я могу предложить Вам переночевать в моей хижине. Вместе послушаем проповеди моего друга священника, его мудрые слова помогают осознать непрочность всего мирского.

Воистину, мы с Вами родные братья, и потому нам при всяких обстоятельствах полагалось бы хранить привязанность друг к другу, как это и заведено у людей. Я же, поверив наветам жены, вынудил Вас, своего младшего брата, принять постриг и уехать из столицы. Думая о том, сколько лишений Вам пришлось испытать за все это время, я беспрестанно терзался душой. Но теперь я считаю, что в конечном итоге мое решение обернулось для Вас благом, — ведь нам рано или поздно придется

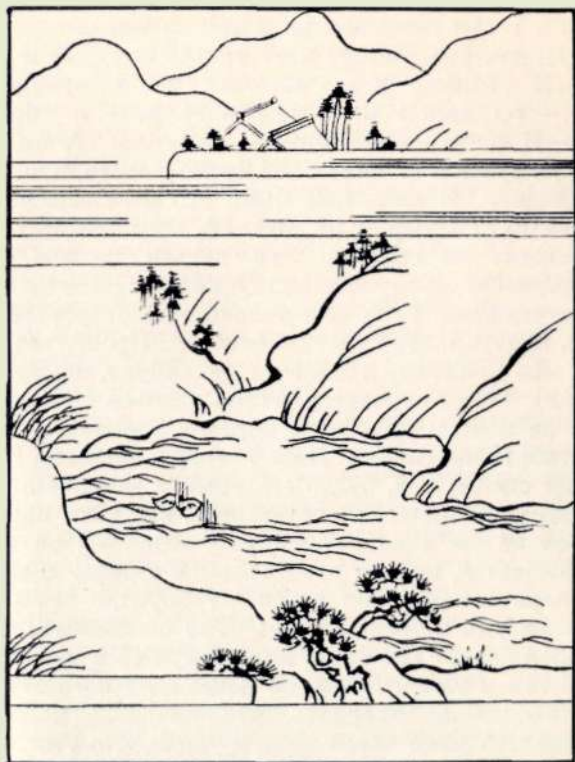
покинуть сей мир. К тому же Вам, человеку духовного звания, сподручно возносить молитвы об усопших наших родителях, в чем я вижу много проку. Что же до жены моей, то, будучи, как и все женщины, существом неразумным, она наговорила про Вас недоброе, и потому, наверное, не дано ей было дожить до старости. Вот уже четыре года, да нет, все пять, как она преставилась. Так что, пожалуйста, не держите более на нее зла.

До сих пор я скрывал от Вас, что со мною приключилась беда, но теперь решил написать. Обрушилась на меня кара за одно прегрешение, воистину страшная кара.

Как Вы знаете, на Третьем проспекте в столице я держал винную лавку, а со временем помимо этого стал торговать еще и бумагой. Дело мое пошло в гору, в деньгах стеснения не было, и все выходило так, как только можно было желать. Единственное, что мне досаждало, так это мое жилище — низенький, темный домишко. И то сказать, он стоит еще с эры Гэнва, поэтому немудрено, что жить в нем мне стало не по душе. Вот, думаю, скоплю денег и перестрою его, как мне хочется. Ведь нет для человека больших радостей, чем добротная одежда, сытная пища да просторный дом.

И вот в один прекрасный день пожаловал в мою лавку самурай, видно, отряженный каким-нибудь даймё за покупками, а при нем был еще сопровождающий с дорожным сундучком через плечо. Самурай этот спросил у меня бумаги «хосё» среднего размера, я отсчитал ему триста листов и получил деньги. Перед уходом покупатель перекинулся со мной двумя-тремя словами о театральных представлениях да за разговором и позабыл свой кошель.

Только он вышел, я взял кошель в руки, а он полон денег. Соблазнился я легкой поживой и припрятал кошель, а сам сижу как ни в чем не бывало.

Тут как раз вбегает этот самый самурай и говорит: «Я позабыл у вас кошелек и вот вернулся за ним». — «О каком кошельке идет речь? — спрашиваю. — Я ничего подобного не заметил». А он этак стиснул зубы и отвечает: «Я точно помню, что здесь его оставил. В кошельке было сто восемьдесят три рё, двадцать четыре или двадцать пять золотых бу и шестьдесят мэ серебра. Эти деньги не мои — они принадлежат моему господину, который послал меня с поручениями. Если моя оплошность откроется, для меня, самурая, это будет бесчестьем. Прошу вас, верните мне кошелек, я никогда не забуду, сколь вам обязан». Редко случается, чтобы человек с двумя мечами за поясом подобным образом унижался перед простым горожанином. Но я уперся и стоял на своем, да еще сделал вид, будто его намеки меня оскорбляют. Самурая ничего не оставалось, как уйти прочь.

Только не прошло и двух часов, как он снова возвращается, на этот раз с вороной в руке. «Если ты и теперь станешь отпираться, — говорит, — так и знай, когда-нибудь я тебя проучу!» Тут он выхватил меч, выколол вороне оба глаза и швырнул ее в мою сторону. С тем и ушел. Я же, не боясь людского осуждения, продолжал твердить, что никакого кошелька не видел. А дней через пять я узнал, что этот самурай вспорол себе живот в Куродани и скончался.

Как только весть об этом дошла до округи, люди перестали со мною кланяться, так что жить на прежнем месте я уже больше не мог. Тогда я продал свой дом и перебрался в Сагу, где с помощью тамошних поселян в живописном месте построил себе хижину.

У меня не было иных желаний, кроме как усердными молитвами очистить душу от дурных помыслов. Поэтому я обрил голову, облачился в рубище и, дабы наказать себя за прегрешение, решил провести остаток дней в горной глуши. Детей у меня нет, так что я мог распорядиться своей судьбой по собственному усмотрению. Мало-помалу я стал освобождаться от пут суетного мира, и передо мной открылся путь прозрения. Но вот как-то ночью ко мне нагрянула шайка негодяев, — они так и назвались: мы, дескать, грабители из Киото. И как только им удалось меня разыскать?! Одним словом, они перевернули мою хижину вверх дном и забрали все деньги, что я копил на протяжении целой жизни. Оставшись без гроша, я был вынужден ходить по округе и бить в гонг, выпрашивая у сердобольных людей по горстке риса. Этими подаяниями кое-как и перебивался со дня на день. Что пользы в такой жизни? Вот я и решил умереть, уповая на то, что в будущей жизни удостоюсь более счастливой доли. Однажды ночью я отправился к озеру Хиросава и, выйдя на западный берег, принялся искать место, где поглубже, чтобы поскорее свести счеты с жизнью. Но тут из-за сосны появился тот самый самурай. Он вцепился в меня с такой силой, что я чуть было не задохнулся, и молвил: «Значит, ты, подлая твоя душа, вознамерился избегнуть страданий. Но я этого не допущу! Пока обида моя не иссякнет, тебе придется испить чашу позора до дна». Что было делать? Я возвратился в свою хижину. Душу мою терзали ужас и отчаяние, жизнь походила на страшный сон.

Спустя три дня после этого, проснувшись на рассвете, я снова попытался покончить с собой, откусив себе язык. Но и на сей раз передо мной возник

призрак самурая. Он крепко стиснул мою голову и сказал: «Сколько бы ты ни старался лишить себя жизни, ничего у тебя не выйдет. Моя ненависть к тебе превратилась в страшного беса, так что жди, когда я приеду за тобой в огненной колеснице!» Мне сделалось до того жутко, что кости заныли.

С тех пор чего я только ни придумывал, чтобы поскорее умереть, — все тщетно. Казалось бы, раз жизнь твоя, ты и волен с нею расстаться, но не тут-то было. О подобном страшном возмездии мне никогда еще не доводилось слышать! Сколько ни раскаивался я в содеянном, прошлое вернуть невозможно. Проклиная самого себя, я при жизни оказался низвергнутым в бездну преисподней. Раз так, подумал я, подвергну себя еще и мучениям Голодного ада — и вовсе перестал есть, но смерть ко мне по-прежнему не приходила. Перед каждым встречным исповедовался я в своих грехах, и из глаз моих лились кровавые слезы.

И вот однажды под вечер послышался унылый крик ворон, спешащих в свои гнезда. Не успел я оглянуться, как они влетели в мою хижину и выклевали мне оба глаза. В тот же миг мир для меня погрузился во мрак. Теперь я уже никогда не увижу ни белых цветов сакуры на горе Арасияма, ни кленовых листьев всех оттенков алого на горе Такао, ни луны, ни снега... Только уши мои слышат по-прежнему, и временами до меня доносится голос оленя с горы Окураяма, шум волн реки Киётакигава, что плещутся о скалы, да завывание ветра в соснах в Тоганоо.

Люди, с которыми я водил дружбу в столице, больше не навещают меня, будто дорогу ко мне позабыли. Готовить пищу мне не на чем: для этого нужны дрова, а как я их добуду? Бывает, услышу,

как деревенские ребяташки возвращаются с прогулки в горах, выхожу и пою им всякие потешные песенки. За это они делятся со мною собранными плодами. А чтобы утолить жажду, спускаюсь к ближайшей речушке. Худо-бедно, до нынешнего дня я дотянул, а что станется со мною завтра — не знаю.

Единственный, кто ни разу еще не покинул меня в беде с тех пор, как мы познакомились в столице, — это добрейший священник. Его рассказы о неумолимых законах судьбы приносят мне облегчение. Прошу и Вас, любезный братец, после моей смерти по-родственному помянуть мою душу молитвой. Ведь я и по сию пору горько раскаиваюсь в том, что поступил против совести, присвоив себе чужие деньги и послужив тем самым причиной гибели человека. Сам же я все еще живу на свете, и смерть ко мне не идет, сколько ее ни призываю.

Засим прощайте.

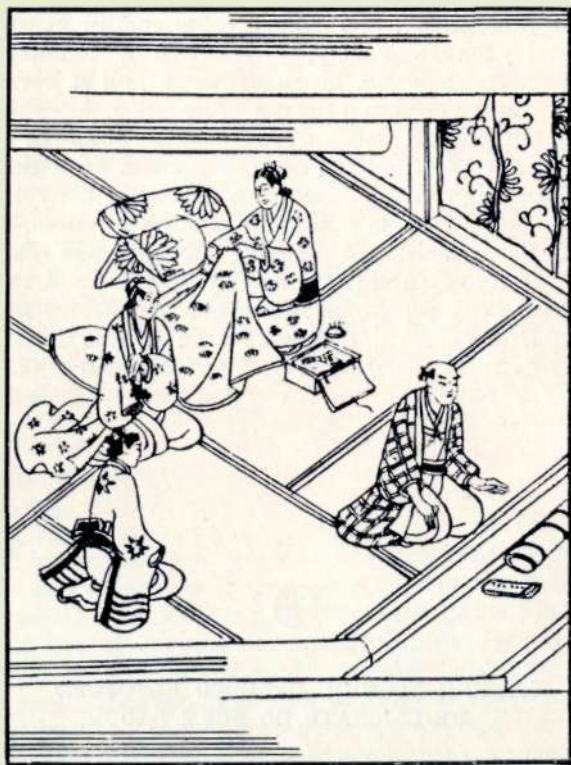
*Писано Дзисином
в Сагано
в последний день третьей луны.*

**ЛОВКИЙ ХОЗЯИН, РАВНОГО КОТОРОМУ
НЕ СЫСКАТЬ ВО ВСЕМ ЭДО**

*Г-ну Тюдзаэмону,
аптекарю.*

Нынче я отправляю своего приказчика с поручением в Нагасаки и, пользуясь сей благоприятной возможностью, посылаю Вам это письмишко,

а также полштуки шелка цумуги в полоску для Вашей супруги. Пусть сошьет из него будничное платье. По теперешним временам даже у нас, в Эдо, не принято рядиться в особо щегольские одежды.

Спешу осведомиться о Ваших делах. Питаете ли Вы по-прежнему пагубное пристрастие к вину? Или с этим покончено? Ведь нет ничего страшнее похмелья и процентов с денег, взятых в долг. Право же, Ваш образ жизни выше моего разума. В наше время надо рядом иметь человека, который смог бы при необходимости ссудить Вас деньгами, иначе разбогатеть невозможно. Но Вы не желаете этого понять, что с Вашей стороны непростительная беспечность. Да, иной умник на поверку ничем не лучше простака.

Вот Вы, к примеру, носите летом кимоно из дорогого жатого ситца, поверх него — накидку из черного шелкового крепа, да еще вертите в руках бамбуковую трость, хотя в Ваши молодые лета она ни к чему. Кому, спрашивается, Ваш щегольской вид может внушить доверие, особенно в таком городе, как Сакаи?

Тому, у кого достаток ниже среднего, следует держаться сообразно своему положению. Прическу делать самую что ни на есть скромную, с гладко зачесанными за уши волосами; одеваться в простое пеньковое кимоно, скажем, бледно-голубого цвета с гербом, нарисованным лаковой краской, которая облезает после первых двух или трех стирок; подпоясываться поясом, подбитым ватой, носить на боку кошель из грубой кожи и пользоваться веером, протершимся на сгибах. Каждый месяц двадцать седьмого или двадцать восьмого числа надо

непременно посещать храм, загодя купив на три медяка сосновых веток и трав. Людям бедным даже летом не зазорно носить кожаные таби и зимние сандалии. Словом, одеваться должно так, чтобы окружающие думали: этот человек весь как на ладони.

Но одного этого мало, чтобы войти в доверие к какому-нибудь богачу. Надо еще с ним незаметно завязать знакомство, проведать раз, другой, когда он захворает. Постепенно в его доме к Вам привыкнут. А если разговор зайдет о том, какого врача лучше пригласить, не преминьте с видом глубокого участия, как близкий к дому человек, подать какой-нибудь совет. Неплохо также послать больному гостинец, — скажем, рыбу, которая ему не повредит. Не забудьте и супруге его поднести какие-нибудь сласти. А дальше все пойдет само собой: больной поправится и непременно отблагодарит Вас за заботу. Тогда Вы явитесь к нему уже затем, чтобы выразить радость по случаю его выздоровления. Неплохо также, уловив удобный момент, оказать ему услугу, — взыскать, к примеру, ссуду с должников, которую они взяли под залог. Так Вам удастся снискать расположение не только самого богача, но и его приказчиков. После этого Вы с чистой совестью сможете просить у него взаймы. На первый раз возьмите небольшую сумму и верните ее точно в срок. Зато на следующий раз попросите сумму покрупнее. Умело распорядившись этими деньгами, Вы возвратите ему в конце года две трети долга, а оставшуюся часть отдавать не спешите, пусть это будет предлогом для дальнейшего знакомства. И тогда уже смело занимайте деньги, сколько Вам понадобится. Пустив их на расширение торговли,

вы вскорости сможете сколотить себе приличное состояние.

Главное для торговца — источник, из которого можно свободно черпать деньги. Нет такого источника — нет и надежды на успех. Вы же неопытны в торговле, и потому дела Ваши не только не поправятся, но постепенно вовсе захиреют.

Когда все вы от меня отвернулись и мне пришлось бежать из Сакаи, у меня не было денег даже на дорогу в Эдо. Тогда я выклянчил в долг небольшую сумму у менялы с улицы Оосёдзи, соврав ему, что, дескать, собираюсь тайком от отца совершить паломничество в храмы Исэ. На эти деньги я кое-как добрался до Эдо. Попервоначально туго мне приходилось, — город незнакомый, обратиться за советом не к кому. Потом, однако же, мне пришла в голову мысль попытать счастья в торговле шинкованной морской капустой. В то время она была здесь в диковинку, кроме того, Эдо — город людный, и затея моя удалась: за четыре-пять лет я скопил восемьдесят рё. После этого я стал закупать морскую капусту в Мацумаэ и переключился на оптовую торговлю. Казалось, богатство само плыло мне в руки, и все же я понимал, что без больших денег ничего не достигну.

Как раз в это время я прослышал об одном враче, который пользовал только зажиточных и знатных. Не долго думая, я притворился больным, пригласил этого врача к себе, терпеливо принимал прописанное им лекарство, а потом в знак благодарности вместо одного бу, полагавшегося ему за услуги, поднес целых пять рё и сверх того послал ему шелковой ваты, бочонок сакэ и большую рыбину.

И вот этот врач, получив столь щедрое вознаграждение, распустил повсюду слух, будто я самый настоящий богач. После этого все вокруг стали относиться ко мне с доверием, и лавочники отпускали мне в кредит любые товары, какие бы я ни пожелал. Выбрав подходящий случай, я рассказал этому самому врачу, что нуждаюсь в деньгах, и он согласился выступить за меня поручителем. Так я получил ссуду в размере пятисот золотых кобанов.

С тех пор дела мои пошли в гору, и вот теперь, по прошествии двадцати четырех с лишним лет, я располагаю состоянием в девять тысяч рё, не считая недвижимости и всякого прочего имущества. Это выяснилось в начале нынешнего года, когда я подсчитал доходы от торговли. В нашем мире без денег состояния не наживешь. Эту истину и Вам полезно усвоить.

Что ни говорите, а Эдо для торговца наиболее благоприятное место. Было бы хорошо, если бы Вы прислали сюда своих сыновей, пока они еще не приобрели дурных привычек. Если только они не охочи до чужого добра, я обещаю, что лет через десять они вернутся к Вам, имея по три сотни рё на брата. Разумеется, можно заработать и больше, но это уже зависит от них самих.

У здешних торговцев в обычае держаться скромно. Вот я, к примеру, хоть и имею состояние в десять тысяч рё, всегда хожу в баню один, без прислуги, и сам несу банный халат, намотав его на шею. Жена моя не гнушается собственноручно подавать завтрак и ужин всей многочисленной прислуге. Казалось бы, не хозяйское это дело, но если бы каждый стал накладывать себе еды сколько захочет, в год убыток

составил бы не менее пятидесяти рё. От того, что жена два раза в день поработает черпаком, руки у нее не замараются, и теми же руками она сможет потом возжечь благовония на домашней божнице. А что толку, если Ваша супруга напялит на себя ни с того ни с сего парадную накидку и усядется посреди комнаты, чванливо сощутив глаза? Сколько бы она ни строила из себя благородную особу, свои ноги-тяпки ей не переделать, они все равно выдают ее деревенское происхождение.

Да, нет на свете ничего горше безденежья. И ложь, и раболепие, и вообще все пороки протекают от бедности. Говорят, что всякий в нашем мире наполовину мошенник. Вы же, судя по всему, — и того более. Такая жизнь недостойна Вас, мужчины. Подумайте хотя бы о детях и возьмитесь наконец за ум.

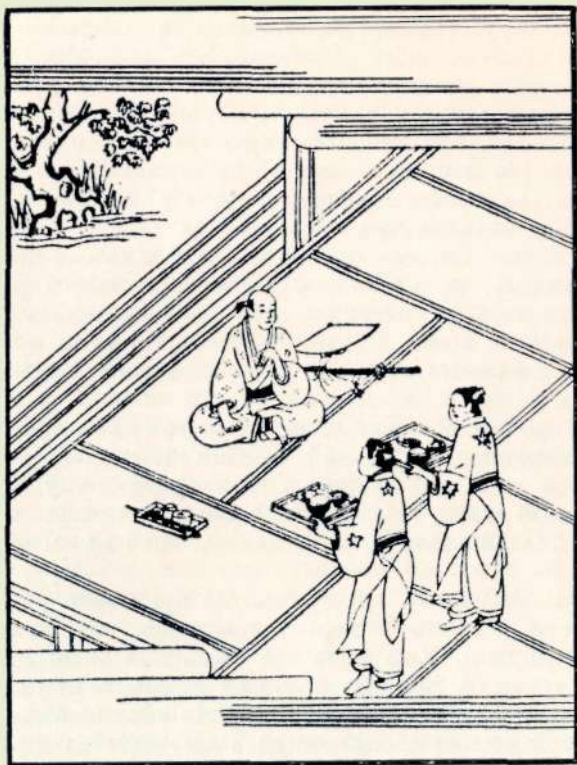
*Ваш Гондаю, хозяин лавки «Мацумаэ».
Писано в Эдо 8-го месяца 9-го дня.*

БЕГСТВО, ПРИВЕДШЕЕ К ДВУМ ПОДНОСАМ

*Г-ну Кикиомону,
в лавку «Тадая».*

Спешу поделиться с Вами своим горем и сообщить, что с внуком моим Тёитиро случилось несчастье. И все по вине няньки, которую я взяла в дом этой

весной. Не сообразила я, глупая, предупредить ее, чтобы, когда возится с ребенком, не втыкала в прическу гребней и шпилек с острыми концами!

Прежде эта самая нянька служила в доме какого-то оптовика и там привыкла наряжаться куда более щеголевато, чем приличествует женщинам ее положения. Но я прикинула, что за семьдесят мэ серебром в год лучше держать в доме служанку приятной наружности, чем какое-нибудь чучело, и наняла ее к внуку. Скромным видом она и в самом деле не отличалась, но оказалась добросердечной, в работе отдыха себе не давала — весь день вертелась волчком, а если с кем и водила дружбу, то лишь с людьми достойными, так что я нарадоваться на нее не могла.

И вот однажды, взяв на руки Тёитиро, она не заметила, как край гребня коснулся кончика его носа, а шпилька воткнулась ему прямо в левый глаз. Из глаза хлынула кровь, и малец плакал так, что казалось, сейчас испустит дух.

Ну, мы сразу же принялись врачевать рану, и Тёитиро в конце концов поправился, только ослеп на один глаз. Уже одно это было для меня страшным горем, а тут еще вслед за левым стал отказывать правый глаз. Видно, такая уж кара выпала мне, что мой единственный внук с малолетства превратился в калеку. Уродился он здоровым, крепким ребенком, ничуть не хуже других, и я все мечтала, как он вырастет и станет мне опорой в старости. Напрасно мечтала. Вот горе какое! А людей недобрых по нынешним временам немало, — бывает, завидев моего Тёитиро, кто-нибудь начнет

тыкать в него пальцем и потешаться: «Глядите-ка, вон идет побочный сын слепого принца Сэмимару!» От этого я просто-таки прихожу в ярость. Но что поделаешь? Приходится терпеть, хотя душа болит.

До сих пор я ничего Вам не писала о матери Тёитиро, моей невестке, но теперь скрывать не стану, — она злодейка, каких еще не видел свет. Завела себе на стороне мужчину, целых два года, а то и больше тайно с ним встречалась. Но, как известно, семьдесят пять раз сойдет, на семьдесят шестой — попадешься. Так и случилось: в один прекрасный день их кто-то заприметил, и пошли слухи, так, мол, и так. В конце концов об этом прослышал Тёносин. Неловко хвалить своего сына, но должна прямо сказать, что повел он себя достойно — хорошенько все обдумал и без лишнего шума, без ругани стал следить за негодяем, который спутался с его женой. Так она, проклятая, каким-то образом провела об этом и подговорила своего любовника убить Тёносина. И после всего этого у нее еще хватило наглости оплакивать покойника! Мне и в голову не могло прийти, что это она повинна в смерти Тёносина, я сдуру жалела ее и вместе со всеми старалась подбодрить. А она, негодная, убивалась лишь для того, чтобы ее ни в чем не заподозрили, и все требовала, чтобы схватили убийцу. Она разжалобила слезами самого наместника сёгуна, он провел расследование, но время шло, а преступника обнаружить так и не удавалось.

«Поистине все изменчиво в этом мире!» — думала я, глядя на невестку, которая раньше времени овдовела. Тёитиро она родила уже после

смерти мужа и, даже лаская малыша, не забывала о своем горе. На все это нельзя было смотреть без слез.

Тем временем ее любовник, опасаясь, как бы его не заподозрили в убийстве, однажды ночью взял и сбежал. Достигнув переправы Кувана в Исэ, до которой пять дней ходьбы от Ямато, он решил сесть на корабль вечером, дождавшись попутного ветра, и остановился передохнуть в гостинице. Спросив себе еды, приготовленной на скорую руку, прошел в залу и незаметно задремал. Но не успел он увидеть и первого сна, как ему принесли блюда, которыми славится эта местность: суп из устриц и жареных моллюсков.

«Проспитесь, проспитесь, — принялись будить его служанки, — кушать подано». Открыв глаза, беглец увидел перед собой два подноса. «Зачем два подноса? — спросил о н . — Я один, так что будьте любезны лишний поднос забрать!»

«Как же так? — ответили на это служанки. — Мы сами видели, как вы вошли с каким-то господином. Куда же он подевался?»

Беглец рта не мог раскрыть от удивления, а тут еще подошел хозяин гостиницы и сказал: «Честное слово, все видели, как вместе с вами в залу вошел какой-то господин». На вопрос постояльца, как же тот выглядел, хозяин принялся подробно рассказывать, что лет ему с виду тридцать пять, что он полный, с курчавыми волосами и чуть приплюснутым носом. На веке у него — след как от чирья. Одет в авасэ из шелка татэдзима, поверх авасэ — накидка цвета хурмы.

Тут постоялец всплеснул руками, покраснел и, обронив: «Я знаю, кто этот человек...» — заплакал.

«Отчего вы плачете?» — любопытствовал хозяин, на что гость ему ответил: «Теперь мне все одно умирать, потому расскажу вам все без утайки. Дело в том, что у себя на родине я по наущению убил человека по имени Тёносин. После чего тайно бежал из тех мест, надеясь скрыться на востоке, и вот оказался здесь. Господин, о котором вы толкуете, не кто иной, как убитый мною Тёносин. В тот вечер на нем была точно такая же одежда. Теперь его мстительный дух будет преследовать меня повсюду, мне от него нигде не укрыться. А чтобы из-за меня не пострадали другие, я решил вернуться на родину, признаться во всем и принять заслуженную кару».

Возвратившись в Ямато, беглец действительно признался в совершенном преступлении, и ему тут же отрубили голову. Что же до моей невестки, то она, видимо, рассудив, что теперь и ей не избежать наказания, утопилась в озере Сугата.

Хотя Тёитиро и рожден этой злодейкой, в нем все же течет кровь моего сына. Помня об этом, я всячески его лелеяла. Но не минуло сиротке и двух годочков, как он ослеп на оба глаза. После всех этих несчастий жизнь стала мне не в радость, но разве бросишь внука на произвол судьбы? Ведь он — живое существо. Вот я и думаю обучить его какому-нибудь искусству, чтобы в будущем он смог прокормиться. Как сровняется ему семь лет, отправлю его к Вам в Осаку. Вы уж похлопочите за него, может, какой-нибудь слепой музыкант, из известных, возьмет его в ученики. А я тем временем буду откладывать деньги, чтобы было чем заплатить учителю в надежде, что когда-нибудь мой внук станет

искусным сказителем с бивой. Умоляю Вас сжалиться над бедным сироткой и исполнить эту мою просьбу. Засим кланяюсь Вам.

*Бабушка Тёитиро из Ямато.
Писано 10 месяца 21 дня.*

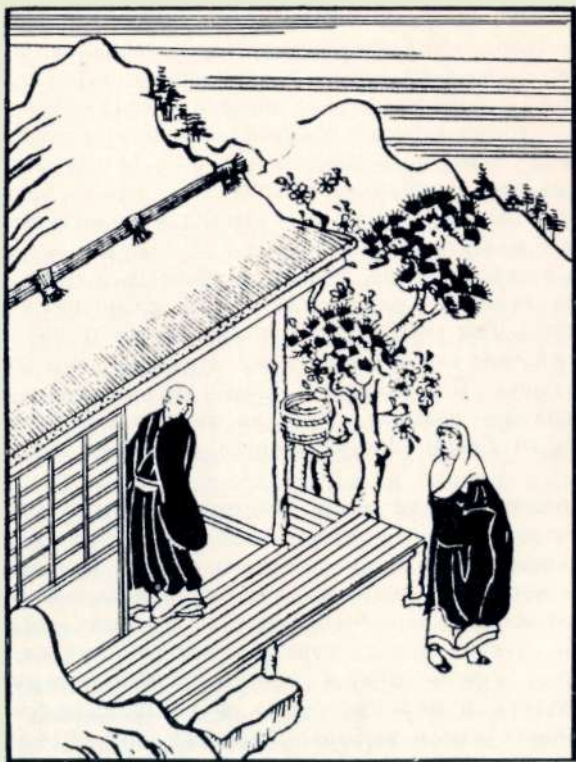
ТРУДНАЯ ЗИМА В ГОРАХ ЁСИНО

*В лавку «Итанья»,
достопочтенному семейству
г-на Мохэя.*

Если дует ветер, то и за тысячу ри от него не укрыться. Если одолела нужда, от нее никуда не уедешь. Как прежде в Наниве я дрожал на ветру, дующем с взморья, так и теперь, поселившись в хижине на горе Ёсино, мерзну от ветра, который свободно гуляет не только в сосновых ветвях, но и в полах моего бумажного платья. А согреться нечем — запас дров у меня, одинокого отшельника, давно уже иссяк. Где уж тут любоваться «белым снегом, укрывшим горное селение в Ёсино», как говорится в одном из старинных стихотворений. Очень я раскаиваюсь, что не внял Вашим увещаниям и в неразумной погоне за загробным блаженством принял монашеский постриг.

Одно дело видеть Ёсино, когда там зацветает сакура, и совсем другое — жить здесь круглый год.

Хоть сказано, что все в нашем мире изменчиво, как воды реки Асука, я ни в чем не вижу перемен: время здесь тянется медленно, и не проходит дня

чтобы я не сетовал на нынешнее свое существование.

В хижине, где я сейчас живу, до меня перебивало немало таких же скороспелых монахов, и этот горный приют из хвороста, некогда построенный с большим тщанием, теперь вконец запущен. Все эти люди — точно волки в овечьих шкурах: с виду настоящие монахи, а помыслы у них самые низкие. Многие уже разбрелись кто куда — одни обосновались в столице, другие в деревнях у родственников, так что вряд ли хоть один из них вспоминает о хижине в горах Ёсино. Изваяния святых и будд остались в полном одиночестве, точно сторожа в пустом доме. Так что в праздник Хиган и во время десятинощных служб некому принести им цветы и возжечь благовония. Даже звуков гонга они никогда не слышат. Как не посочувствовать несчастным богам, вынужденным прозябать на этой горе!

Конечно, среди всей непутовой братии изредка встречаются люди, которые всерьез посвятили себя служению Будде. Они способны часами предаваться созерцанию и не ленятся изо дня в день совершать богослужения. Но большинство здешних монахов таково, что от них за версту несет скоромным. Собственно, в монахи они пошли только потому, что запутались в мирских делах, и у них попросту не оставалось иного выбора. Дни свои они проводят в праздности и суесловии. А то, бывает, соберутся вчетвером или впятером и давай резаться в карты. Даже в посты они объедаются форелью, что идет на нерест, и совершают обильные возлияния, после чего либо бранятся между собой, либо — еще того хуже — надевают на свои бритые головы парики

и подражают лицедеям. Служение Будде для них лишь звук пустой, а что скажут люди — их не заботит нисколько.

В последнее время мода принимать монашеский постриг распространилась и среди женщин. Не поладит иная из них со свекром и свекровью, или мужа своего возненавидит, или прелюбодеяние совершит — и вот, чтобы хоть как-то выгородить себя, сразу же принимает постриг. Много таких новоиспеченных монахинь прибегает сюда из столицы. Хоть и облачены они в рясы, красота их видна все равно. И они знай себе охорашиваются. Бывает, что даже самые истые монахи теряют из-за них голову и сворачивают со стези добродетели. А бывает и наоборот: иная молоденькая черница с усердием, достойным похвалы, целыми днями возносит молитвы, но за ней начинает волочиться какой-нибудь беспутный монах, и, во мгновение ока поддавшись соблазну, она покидает обитель и возвращается к жизни в миру. Таким случаям нет числа. Живя среди всего этого сброда, я тем не менее остаюсь чист сердцем, а если порой душа моя и оскверняется беспутством и взор обращается к непотребному, то происходит это лишь потому, что я еще не достиг истинной святости.

Причины, по которым я покинул мир, Вам хорошо известны. После того как смерть-разлучница отняла у меня любимую жену и детишек, я, чтоб забыться, пустился в разгул с куртизанками и актерами, но вскоре преисполнился отвращения к суетному миру и понял, что все в нем — тлен и непостоянство, и потому принял постриг.

Должен признаться без ложной скромности, с тех пор я ни разу не свернул со стези подвижничества.

ства. Уверившись в том, что наш бранный мир — это лишь временное обиталище человека, я подумал, что даже если кому-либо суждено прожить сто лет, то есть более тридцати шести тысяч дней, его век столь же быстротечен, как век бабочки, которая живет всего одну весну. Уподобив жизнь человеческую мимолетному сну, я целиком отрешился от мирской суеты.

Но летом меня одолевают проклятые комары, а зимой не дают покоя ночные ураганы. Одним кипятиком в такие ночи не согреешься, так что поневоле приходится нарушать запрет и перед сном выпивать немного сакэ. В остальном же я свято блюду пост, и теперь от одного лишь запаха рыбного или мясного меня начинает мутить.

Без скромного вполне можно обойтись, но вот что по-настоящему невыносимо в монашеской жизни — так это одинокая постель. Поэтому, хоть и неловко просить о подобной услуге, я был бы Вам премного обязан, если бы Вы прислали ко мне сюда какую-нибудь молоденькую особу лет пятнадцати — семнадцати. Отдавая себе отчет в том, что по-настоящему прелестное дитя не согласится ютиться в горной хижине, я прошу лишь о том, чтобы особа, которую Вы для меня приглядите, носила модную прическу и была по возможности упитанной. А если она к тому же окажется белолицей, меня не смутит ничто — ни ее неумение писать, ни скверное произношение, ни даже придурковатость.

Сговариваясь с означенной особой, не преминьте упомянуть, что я обязуюсь выдать ей одно хлопчатобумажное и одно холщовое кимоно, а также шелковый пояс и позаботиться обо всем остальном.

Составьте договор сроком на пять лет при условии, что плата за весь этот срок составит пятьдесят моммэ серебром. В качестве задатка сразу же заплатите двадцать пять или тридцать моммэ, остальное я выдам со временем. По истечении срока договора упомянутая особа вольна поступить по своему усмотрению. Коли ей будет угодно принять постриг, я оставлю ей свою хижину. Как вы знаете, у меня нет наследников, и после смерти все мое имущество вплоть до палочек для еды перейдет данной особе. Что же касается внешности, то желательнее, чтобы сия особа походила на Рокусабуру, что служит у г-на Куроэмона в лавке «Бидзэнъя».

Да, от всяких утех бренного мира можно отказаться, только не от плотских, и понял я это лишь теперь, когда стал монахом. Вообще говоря, с такими помыслами оставаться монахом бесполезно, но я решил все-таки помучиться еще лет пять. Только прошу Вас все это сохранить в строгой тайне. Я позволил себе быть откровенным с Вами, лишь памятуя о связывающих нас братских узах.

Со следующей оказией пришлите мне двести моммэ из тех денег, что я у Вас оставил. А также что-нибудь из книг.

Последнее Ваше письмо меня несколько озадачило, но я не в обиде на Ваши советы. Вы правы, сюда и в самом деле забредают мальчишки-лицедеи, но я к ним и близко не подхожу. На этот счет Вы можете не беспокоиться.

Вместе с письмом посылаю подарок для Вашей супруги: три пакетика с мукой из кудзу, кои обильно произрастают в здешних местах, а в круглой коробке — соленья из гречишных колосьев.

В ближайшее время намереваюсь побывать в Ваших краях, тогда и потолкуем обо всем подробно. А пока покорнейше прошу Вас похлопотать о деле, которое меня весьма заботит.

Засим остаюсь преданным Вам,

монах Гамму, обитающий в горах Ёсино.

4-го месяца 19-го дня.

КОММЕНТАРИИ

Ихара Сайкаку (1642—1693) принадлежит к числу признанных классиков японской литературы. Замечательный мастер короткой новеллы, он по праву считается основоположником нового, демократического и реалистического, направления в японской прозе. Творчеству этого писателя литература XVII столетия обязана многими художественно-познавательными открытиями, оказавшими глубокое воздействие на все последующее развитие японской словесности.

Прозаическое творчество Сайкаку уже достаточно хорошо известно советскому читателю¹. Созревшие в лоне японской художественной традиции и отмеченные ярким национальным своеобразием, его произведения в то же время являются составной частью мирового литературного развития. Думается, что имя Ихары Сайкаку может быть с полным основанием поставлено в один ряд с такими великими именами, как Боккаччо, Чосер, Рабле, Сервантес. При всем несходстве творческих индивидуальностей, художественной манеры, культурных традиций этих писателей сближает главное — подлинный гуманизм, жизнелюбие, свобода в преодолении стереотипов средневекового мышления, смелость в утверждении новых принципов художественного видения.

XVII век — время, когда жил и творил Сайкаку, — было порой бурного расцвета городской цивилизации и городской

¹ Ихара Сайкаку. Новеллы. М., Гослитиздат, 1959; Ихара Сайкаку. Избранное. М., ИХЛ, 1974; Ихара Сайкаку. Новеллы. М., «Художественная литература», 1981.

культуры. На арену общественной жизни вышли горожане — ремесленники, купцы, ростовщики. Эти представители незнатного люда составили ту аудиторию, к которой было обращено искусство XVII века. Из среды горожан вышло немало талантливых писателей, художников, мыслителей. Городская культура соединила изысканность и утонченность средневековой художественной традиции с новым и свежим восприятием действительности. Сложился особый стиль эпохи, в котором условность и декоративность сочетались с точным и тонким видением реальности и в котором явственно преобладало светское, рационалистическое начало. Приметы этого стиля легко различимы и в искусстве гравюры на дереве (укиё-э), и в театральном искусстве, и в «лубочной» литературе XVII века, достигшей высокого совершенства в творчестве Ихары Сайкаку.

О жизни замечательного японского новеллиста известно очень немногое. Сведения, дошедшие до нас в записях некоторых его современников и потомков, скупы и подчас не вполне достоверны. По происхождению он был горожанином, скорее всего купцом, родился в многолюдном торговом городе Осака. В молодые годы увлекался поэзией и приобрел на этом поприще немалую известность. Все прозаические сочинения были созданы им в последнее десятилетие жизни. Скончался Сайкаку в возрасте пятидесяти двух лет.

Сайкаку был неутомимым странником. Исходив Японию из конца в конец, он, по собственному признанию, «всюду искал семена, из коих вырастают рассказы», собирал и записывал сказки, предания, легенды разных областей страны. Тема странствий часто звучит в произведениях Сайкаку и всегда воспринимается как метафора словно бы заново увиденного и обновленного мира.

Жанровый диапазон творчества Ихары Сайкаку чрезвычайно широк. В этой книге читатель найдет разные по своим

жанровым признакам новеллы — любовные, рыцарские, волшебнo-фантастические, судебные. Есть в ней и такие, которым нелегко подобрать точное жанровое обозначение. Это так называемые «тёнинмоно» — «книги о горожанах», в которых занимательное, собственно новеллистическое повествование как бы разрежено пространными авторскими отступлениями и комментариями в духе нравоописательного и нравоучительного эссе. Наконец, значительный художественный интерес представляют новеллы Сайкаку эпистолярного цикла — выразительнейший литературный и человеческий документ эпохи.

Литературный кругозор Сайкаку обширен. Он свободно черпает материал для своих произведений как из сокровищницы национальной литературы, так и из художественной традиции Китая, которая на протяжении веков оказывала серьезное влияние на культуру Японии. Но при этом произведения писателя всегда несут на себе печать личного авторского видения и ощущения действительности; Во всем, что создано Сайкаку, безошибочно угадываются черты его зоркого, ироничного таланта.

Сайкаку пристально всматривался в жизнь современного ему города и запечатлевал ее в своих книгах с обилием точно подмеченных деталей и многокрасочных подробностей, со всем, что было в ней веселого и грустного. В произведениях Сайкаку, пожалуй, впервые в истории японской литературы окружающая человека действительность стала предметом объективного и разностороннего художественного исследования. Стремление писателя осмыслить жизнь города и его обитателей во всей ее полноте и противоречивости, внимание к присущим этой жизни конфликтам свидетельствуют об утверждении в его творчестве принципов подлинно реалистического подхода к изображению действительности.

Художественный стиль прозы Сайкаку ярок и многоцветен. В повествовательную ткань его новелл вплетены посло-

вицы, поговорки, цитаты из хорошо известных произведений прошлого, но не прямые, а словно бы заключенные в «насмешливо-веселые кавычки» (М. Бахтин). Сайкаку любит шутку и умеет внушить любовь к ней читателю. Смех в новеллах Сайкаку (от иронии, возникающей как бы помимо воли автора, до комедийного гротеска) — полноправный участник действия. Он проникает даже в серьезные моралистические и риторические сентенции писателя, придавая им ту веселую неоднозначность, без которой они были бы мертвы.

Данная книга снабжена иллюстрациями, взятыми из старинных японских изданий Сайкаку. Созданные известными мастерами гравюры XVII века Ёсидой Хамбэем и Макиэси Гэндзабуро, эти иллюстрации исполнены юмора, их пластический язык отточен и очень выразителен. Как и проза Сайкаку, они изобилуют всевозможными бытовыми деталями и конкретными приметам эпохи.

* * *

В настоящее издание включены избранные произведения Ихары Сайкаку, охватывающие наиболее значительные периоды его творчества и отражающие многообразие художественной манеры писателя. Новеллы расположены по сборникам в порядке хронологии их публикации, внутри сборников — по циклам (свиткам), установленным самим автором. Сборники «Последний узор, вытканый Сайкаку» и «Ворох старых писем» увидели свет лишь после смерти писателя и были подготовлены его учениками. Аутентичность этих произведений доказана японскими филологами.

Включенные в настоящую книгу сборники и циклы представлены неполностью. При отборе новелл для настоящего издания переводчик стремился отдавать предпочтение тем из них, которые представляют наибольший интерес для чита-

толя и достаточно полно отражают особенности художественного мышления автора.

Перевод осуществлен по изданию: «Тэйхон Сайкаку дзэнсю». Токио, «Гюокоронся», 1975—1977.

Текстологические и источниковедческие сведения в комментарии не приводятся. Примечания ограничены объяснением отдельных понятий, имен и географических названий, способствующим более полному раскрытию смысла произведений.

Сборник

«ДВАДЦАТЬ НЕПОЧТИТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ ЯПОНИИ»

ДОБРО И ЗЛО В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ НЕДОЛГО ХОДЯТ

(Свиток 4, № 1)

- Стр. 7. *Ри* — мера длины, равная 3,927 км.
Сун — мера длины, равная приблизительно 3 см.
- Стр. 10. *Сэцубун* — Праздник начала весны, отмечаемый четвертого числа второго месяца по лунному календарю. В ночь на Сэцубун совершался обряд изгнания нечистой силы, люди разбрасывали бобы с криками: «Счастье в дом, черти — вон!» Во время этого праздника нищие ходили по домам и произносили молитвы и заклинания против несчастий, получая за это подаяния в виде риса или нескольких мелких монет.
- Стр. 11. *Дунфан Шо* — сановник китайского императора Уди, живший во II—I вв. до н. э. Одна из многочисленных легенд, связанных с именем Дунфан Шо, повествует о том, как он похитил из волшебного сада Владычицы Запада Сиванму пер-

сик (согласно китайской мифологии, плод бессмертия), даровавший ему долголетие.

Учение сердца (сингаку) — этическое учение, сформировавшееся во второй половине XVII в. в среде горожан. Сторонники этого учения проповедовали принципы «должного» поведения горожанина; среди которых значительное место занимали конфуцианские добродетели: верность высшему, сыновняя почтительность и т. д.

Стр. 13. *Ронин* — самурай, по какой-либо причине оставивший службу у своего господина.

Стр. 14. *Мне положили жалованье, как и прежде, — пятьсот коку риса.* — Начиная с XVI в. жалованье феодальным князьям, самураям, а также некоторым государственным чиновникам выплачивалось в виде рисового пайка. Один коку риса весит около 150 кг.

ПРИПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ НА ИЗГОЛОВЬЕ

(Свиток 4, № 2)

Стр. 18. *Таю* — гетера высшего ранга.

Стр. 19. *Фурикодэ* (букв.: «развевающиеся рукава») — праздничная одежда молодой незамужней женщины.

Стр. 20. *...супружеские узы не прерываются на протяжении целых двух поколений.* — Известная старинная поговорка гласит: «Узы между родителями и детьми не прерываются на протяжении одного поколения; супружеские узы — на протяжении двух поколений; узы между господином и подданным — на протяжении трех поколений».

ГОРЕ, ВЫЛЕТЕВШЕЕ ИЗ РУКАВА

(Свиток 4, № 3)

- Стр. 26. ...он стал носить взрослую причёску, выбривая волосы углом на висках. — По достижении четырнадцати — пятнадцати лет юноши начинали делать взрослую причёску.
- Стр. 28. *Камигата* — район, объединяющий города Киото, Осаку и их окрестности.

ОБЩЕСТВО ВОСЬМЕРЫХ ПЬЯНИЦ

(Свиток 5, № 2)

- Стр. 28. *Общество восьмерых пьяниц* (В оригинале: «Общество восьмерых сё дзё»). — Сё дзё — фантастическое существо с телом обезьяны и длинной красной шерстью, отличающееся любовью к вину. В переносном смысле — горький пьяница.
- Стр. 29. *Каннай «Сютэндодзи»*. — Сютэндодзи — имя известного разбойника и вора. Первый компонент этого имени, «Сютэн», в буквальном переводе означает «Пьяница», отсюда его использование в шуточном прозвище одного из восьми пьяниц.
- Тоскэ по прозвищу «Дунпо из Ямато»...* — Дунпо — знаменитый китайский поэт Су Дунпо (1036—1101). Его стихотворения о вине были широко известны в Японии. Ямато — старинное название Японии.
- Кикубэй «Хризантемовая водка»*. — Хризантемовая водка — сакэ с плавающими в нем цветами хризантемы. Его пили в Праздник хризантем, который отмечался девятого числа девятого месяца по лунному календарю.

Мелодия «тысячекратная осень» — старинный напев, имеющий благопожелательный смысл. Первоначально исполнялся в заключение служб в буддийских храмах. В новелле Сайкаку этот обычай пародируется.

«*Сима-э*» — вид гравюры на дереве с применением штриховки для изображения полутонов. Возник под влиянием европейской живописи.

...*состязания лучников у храма Сандзюсанкэндо*. — Сандзюсанкэндо — храм буддийской секты Тэндай (Опора небес) в Киото. В старину в этом храме проводились состязания лучников, длившиеся примерно сутки.

Хосино Кандзаэмон, Васа Дайхати — имена самураев, удостоившихся титула «лучший лучник во всей Поднебесной». В 1669 г. на состязании у храма Сандзюсанкэндо Хосино Кандзаэмон установил рекорд, поразив цель восемью тысячами стрел. Этот результат превзошел Баса Дайхати в 1686 г.

Стр. 32.

...*точно лучник, которому вручили золотой жезл...* — На состязаниях лучнику, сумевшему поразить цель пятьюстами стрел, вручали золотой жезл.

Го — облавные шашки, игра китайского происхождения, получившая широкое распространение в Японии. Для игры в «го» используется квадратная доска, на которой вертикальные и горизонтальные линии, пересекаясь, образуют 361 крест. На этих крестах располагаются белые и черные камешки (иси) противников. В игре побеждает тот, кому удастся завладеть большим пространством на доске.

- Стр. 33. *...не больше пяти мерок.* — Одна мерка (го) соответствует 0,18 л.
Итами — местность в провинции Сэтцу (ныне префектура Хёго), славившаяся производством сакэ.

КИЧЛИВЫЙ СИЛАЧ

(Свиток 5, № 3)

- Стр. 34. *Судья поднял свой веер...* — Жест, символизирующий начало состязаний борцов сумо. Сумо — традиционный японский вид борьбы, обставленный сложным ритуалом.
Храм Компира — знаменитый храм в провинции Сануки (ныне префектура Кагава), в котором чтят буддийское божество Компира (санскр. Кумбхира), покровительствующее мореплавателям. Праздник этого храма отмечался в десятом месяце по лунному календарю.
...обзавелись набедренными повязками из узорчатого шелка... — Борцы сумо выступают в специальных набедренных повязках.
- Стр. 35. *Кото* — старинный щипковый музыкальный инструмент, японская цитра.
Чайная церемония — своеобразное эстетическое времяпрепровождение и одновременно один из видов традиционного искусства Японии. Приготовление чая и чаепитие обставлены сложным церемониалом, ведущим к внутреннему спокойствию и молчаливому созерцанию. Возникшее из особого ритуального чаепития, практиковавшегося монахами секты Дзэн, искусство чайной церемонии рассматривалось как один

из способов постижения истинного смысла бытия.

Игра в ножной мяч (кэмари) — игра, напоминающая футбол и распространенная в среде аристократии. Игроки подкидывают мяч из оленьей кожи в воздух и передают его друг другу так, чтобы он не коснулся земли.

Утаи — песни, исполняемые во время представлений в классическом японском театре Но.

Четверокнижие — общее название книг конфуцианского канона: «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Середина и постоянство»), «Лунь юй» (Изречения Конфуция) и «Мэнцзы» (сочинения Мэнцзы).

...поехал в столицу... — Имеется в виду город Киото. Несмотря на то что с начала XVII в. столицей Японии стал город Эдо (ныне — Токио), в произведениях Сайкаку под «столицей» («мияко»), как правило, понимается Киото, на протяжении многих веков служивший административным и культурным центром Японии.

Стр. 38. *Симабара* — знаменитый веселый квартал, находившийся в Киото.

Рё — старинная золотая монета высокого достоинства.

Стр. 39. *Хатиман* — синтоистский бог войны, покровитель воинов. Синтоизм — древняя религия японцев, связанная с поклонением силам природы и духам предков.

Мариси — в японской буддийской традиции владычица небесных сфер, воплощение солнечного и лунного света. Почиталась воинами как защитница от поражений и дарительница воинской удачи.

Фудо — одно из воплощений Будды Дайнити, божество, устрашающее демонов зла. Обычно изображается сидящим на фоне пламени.

Сикоку — один из пяти крупных островов Японского архипелага.

Сборник

«ДОРОЖНАЯ ТУШЕЧНИЦА»

**ЧЕРТОВА ЛАПА, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, НАДЕЛАВШИЙ МНОГО ШУМА
ИЗ НИЧЕГО**

(Свиток 1, № 1)

Стр. 44. *Сакьямуни* (Будда Гаутама) — легендарный основоположник буддизма.

Бодхидхарма — индийский священник, который, по преданию, приехал в Китай и стал проповедовать там учение дзэн (кит. чань).

Стр. 45. *Храм Тёмёдзи* — храм буддийской секты Нитирэн-сю в городе Киото.

Вот уж когда святому Нитирэну воистину пристало бы сочинить свою молитву о спасении в водной бездне. — Согласно легенде, монах Нитирэн (1222—1282), основатель буддийской секты Нитирэн-сю, отправляясь в ссылку на остров Садо в 1271 г., написал молитву о спасении в волнах.

...фигуры обеих стражей врат... — парные изваяния грозных и могучих охранителей буддийского закона, которые устанавливаются у ворот крупных буддийских храмов. Считается, что они служат воплощением божеств Индры и Брахмы, укрощающих нечистую силу.

- Стр. 46. *«Медвежья лапа»* — вид оружия: несколько железных крючьев, насаженных на длинную палку.
- Стр. 47. *Веревка «симэ»* — ритуальное украшение из соломенных веревок с вплетенными в них полосками белой бумаги, восходящее к синтоистскому культу.
- Стр. 47. *Ватанабэ-но Цуна (953—1024)* — человек, по преданию, прославившийся тем, что поймал черта.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ЗНАКОМОМУ ИЗГОЛОВЬЮ

(Свиток 1, № 4)

- Стр. 48. *«Лишь в бухтах — бедные рыбацьи шалаши...»* — Здесь частично цитируется пятистишие (танка) японского средневекового поэта Фудзивары Садаиэ (1162—1241): «Взгляну кругом — и нет уже цветов, // Не видно даже алых листьев клена, // Лишь в бухтах // Бедные рыбацьи шалаши... // О, сумерки осенние у моря!..» (Перевод А. Е. Глускиной.)
- Стр. 51. *Хакама* — широкие шаровары в складку, часть официального мужского костюма.

ЧУДЕСНЫЕ ЗВУКИ БАРАБАНЧИКА, ЗАВЛЕКШИЕ СТРАННИКА

(Свиток 2, № 4)

- Стр. 52. *Киёмигата* — название части морского побережья в нынешней префектуре Сидзуока.
- Стр. 55. *Агэмаки* — название прически, которую в старину носили мальчики. Волосы на макушке разделялись на две пряди и поднимались кверху валиками.
- Фуривакэ* — прическа, которую носили девочки. Волосы отстригались до плеч и посередине разделялись пробором.

КОМУ ВЕСЕЛАЯ СВАДЬБА, А КОМУ РЕКА СЛЕЗ

(Свиток 3, № 1)

- Стр. 57. *Небесный грот* (Ама-но И в а т о). — Согласно японскому мифу, богиня солнца Аматэрасу, обидевшись на своего брата Сусаноо, скрылась в Небесном гроте, после чего мир погрузился во мрак.
- Стр. 60. *Бог Удзигами* — синтоистский бог-охранитель рода и семейного очага. В феодальной Японии каждая семья поклонялась своему богу Удзигами, которым считали либо дух далекого предка, либо божество, особенно чтимое данной семьей.
Котацу — жаровня, которая помещается в углублении в полу.
- Стр. 61. *Татами* — плотная и толстая циновка (6—8 см.) стандартного размера (несколько больше 1,5 кв. м.), ими застилают пол в японском доме. (Размер такой циновки — принятая в Японии мера жилой площади.)
- Стр. 64. *Хорай* — мифический остров с горой Счастья. В старину на Новый год в японских домах устанавливали миниатюрную горку Хорай, украшая ее ветками сосны, папоротника и торрейи, а также лангустом и апельсином дайдай, считающимися символами счастья и долголетия. Ворота домов также украшались ветками сосны и бамбуком. Этот обычай сохраняется и в современной Японии.
«Окатить жениха! Окатить жениха!» — В соответствии со старинным японским обычаем, в новогодний праздник новобрачного полагается облить водой.

- Стр. 65. *Симэ* — здесь: новогоднее украшение в виде толстой соломенной веревки с вплетенными в нее полосками белой бумаги. Вывешивается над воротами или перед входом в дом. К симэ нередко прикрепляются апельсины, водоросли, омары или листья папоротника, служащие символами счастья, благополучия и долголетия. Считается, что дом, украшенный симэ, недоступен вторжению нечистой силы.

ДРАКОНОВ ОГОНЬ, ЧТО ЗАСИЯЛ ВО СНЕ

(Свиток 3, № 2)

- Стр. 67. *Хиэйдзан* — гора неподалеку от Киото, на которой находились буддийские монастыри.
Дева из храма Тамацусима. — Имеется в виду Сотори-химэ, жена императора Ингё (412—453), прославившаяся своей красотой и поэтическим даром. После смерти была обожествлена и почитается как одно из божеств синтоистского храма Тамацусима, находящегося неподалеку от Ваканоура.
Бива — музыкальный инструмент типа лютни. Обычно имеет четыре или пять струн; играют на нем с помощью плектра. Был заимствован в VIII в. из Китая.
- Стр. 68. *Бо Лэтянь* (Бо Цзюйи) — знаменитый китайский поэт (772—846).
- Стр. 70. «*Сутра о деяниях всемилостивой богини Каннон*» — один из разделов «Сутры Лотоса», повествующий о том, как богиня Каннон, принимая на земле разные образы, помогала людям. Каннон (санскр. Авалокитешвара) — согласно буддийским верованиям, бодхисаттва, помогающий лю-

дям обрести спасение. В народной религиозной традиции Японии — богиня милосердия. Бодхисатвами именовались существа, которым для достижения абсолютной святости будды необходимо всего лишь раз пройти круг человеческого существования.

МОГИЛА В ОЧАРОВАННОМ ЛЕСУ

(Свиток 3, № 3)

- Стр. 71. *Осуми* — название одной из провинций на острове Кюсю.
Праздник, что отмечают в пятый день пятой луны. — Праздник мальчиков (Танго-но сэкку), один из пяти традиционных праздников.
Катагину — церемониальная накидка без рукавов, надеваемая поверх парадного костюма.
«Тимаки» — рисовые колобки, завернутые в листья ириса или бамбука, которыми лакомятся в Праздник мальчиков.
- Стр. 75. *...мрачнейший из всех миров — мир тварей.* — Согласно буддийским верованиям, душа человека в зависимости от кармы может возродиться в шести мирах: мире небожителей, мире людей, в аду, в мире тварей, в царстве демонов Асура и в мире голодных духов. Считалось, что в образе тварей возрождаются души тех, кто в прежнем существовании совершил тяжкое преступление.
- Стр. 76. *Мататаби* — съедобная лиана, излюбленное лакомство кошек.
- Стр. 78. *Сайкайдо* (букв.: «Земли у западных морей») — одна из восьми крупных областей Японии; общее название островов Кюсю, Ики и Цусима.

О МОНАХЕ, КОТОРЫЙ ПОБЫВАЛ В АДУ И В РАЮ

(Свиток 4, № 5)

- Стр. 82. *Гора Компира* — одна из гор в провинции Сануки, на которой стоит храм, посвященный боже-
ству Компира (см. коммент. к с. 34).
Дзё — мера длины, равная 3,03 м.
«Безводный месяц» (минадзуки) — старинное на-
звание шестого месяца по лунному кален-
дарю.
Тё — мера длины, приблизительно равная 109 м.
- Стр. 83. *...повернувшись в сторону запада...* — Согласно
буддийским верованиям, на западе находилась
«Чистая земля» — буддийский рай.
*...как это случилось в свое время с Сакьямуни на
Орлиной горе.* — Орлиная гора (Рёдзэн или Рёд-
зюсээн, санскр. Гридхракута) — гора, распо-
ложенная в Индии на территории современного
штата Бихар, место, где, по преданию, пропове-
довал Будда Сакьямуни.
*...все восемь областей Ледяного и Огненного
ада...* — Согласно буддийским представлениям и
народным легендам, существовало два вида ада,
каждый из которых состоял из восьми областей:
Ледяной ад, в котором грешников мучили холо-
дом, и Огненный ад — геенна.
*...в благословенном краю, усыпанном золотым и
серебряным песком...* — то есть в раю.
- Стр. 84. *Эмма* — в буддийской мифологии властитель
преисподней, который вершит суд над грешни-
ками.
- Стр. 85. *Будда Амитаба* (санскр. Амитабха) — в япон-
ской буддийской мифологии — владыкя рая, в ко-
тором праведники возрождаются после смерти.

НОВАЯ ТЮДЗЁ-ХИМЭ

(Свиток 5, № 4)

- Стр. 85. *Тюдзё-химэ* — дочь канцлера Фудзивары Тоёнари, жившая в VIII в. Преследуемая мачехой, она удалилась в монастырь, где, по легенде, соткала изумительной красоты мандалу, изображающую буддийский рай. Мандала — символическое изображение, воспроизводящее буддийскую схему мироздания.
- Стр. 86. *Ацута* — город в провинции Овари, знаменитый находящимися там синтоистскими храмами.
Цумуги — шелковая ткань типа чесучи.

Сборник

«ЗАПИСКИ О ПЕРЕДАЧЕ ВОИНСКИХ ИСКУССТВ»

МЕЛОДИЯ ПЕЧАЛИ, ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, ВДРУГ СТАВШИЕ МУЗЫКАНТШАМИ

(Свиток 2, № 1)

- Стр. 92. *Праздник встречи двух звезд* (Танабата) — отмечался седьмого числа седьмого месяца по лунному календарю. Согласно китайской легенде, в этот день раз в году встречаются влюбленные друг в друга звезды — Ткачиха (Вега) и Пастух (Альтаир). Разделенные Небесной рекой (Млечным Путем), в этот день они могут встретиться, потому что сороки образуют своими крыльями мост, по которому Ткачиха переправляется к возлюбленному. В день Танабата было принято писать на листьях тутового дерева или на поло-

сках бумаги стихи на тему праздника и пускать их по воде.

Мотоюи — шнурок из плотной бумаги, используемый для закрепления волос в причёске.

- Стр. 94. ...отслужил положенный срок при дворе сёгуна в Эдо... — В эпоху Токугава (1603—1868) феодальным князьям (даймё), а также некоторым их подданным полагалось посменно находиться при дворе сёгуна в течение года (так называемая система «санкин котай»). *Сёгун* — титул верховного правителя Японии.

- Стр. 96. ...малышу стали отпускать волосы... — Согласно обычаю, с трех лет мальчикам начинали отпускать волосы. В середине одиннадцатого месяца по лунному календарю совершался особый обряд (камиоки-но гёдзи), в ходе которого волосы ребенка, достигшего трех лет, впервые укладывались в церемониальную причёску.

...впервые надели... *хакама*. — Имеется в виду церемония «хакамаги-но гёдзи», во время которой мальчикам, достигшим пятилетнего возраста, разрешалось впервые надеть *хакама*.

Сякухати — бамбуковая флейта с печальным, нежным тембром.

- Стр. 97. *Исиямадэра* — знаменитый буддийский храм в провинции Оми, где, по преданию, писательница Мурасаки Сикибу создала одну из глав своего знаменитого романа «Повесть о Гэндзи» (XI в.).

Мураноскэ-доно. — Доно — вежливый суффикс со значением «господин», прибавляемый к имени.

- Стр. 98. *Ицукусима* — живописный остров, расположенный к юго-западу от Хиросимы.

**БЕЗРАССУДНЫЙ ГНЕВ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
ЖЕНИЛСЯ, НЕ ВЗГЛЯНУВ НА ЛИЦО НЕВЕСТЫ**

(Свиток 2, № 2)

- Стр. 99. *Яката* — улица в Кумамото, где находились самурайские усадьбы.
- Стр. 103. *...ветки мисканта, по которым путники обычно уз-
нают дорогу...* — Залом ветки на дереве и привязанный к нему стебель мисканта (сусуки) служили знаками, указывающими путникам дорогу в горах.
- Стр. 105. *Пылая желанием мстить, как пылает гора Асама...* — Асама (Асамаяма) — действующий вулкан в Синано. Здесь Сайкаку обыгрывает стихотворение из антологии «Госэнсю»: «Когда пылает гора Асама, что в Синано, дымка, курящаяся над горю Фудзи, утрачивает свое очарование».

ВСТРЕЧА С РУСАЛКОЙ, СТОИВШАЯ ЖИЗНИ САМУРАЮ

(Свиток 2, № 4)

- Стр. 106. *Го-Фуакауса* — японский император, находившийся на престоле с 1247 по 1259 г.
Первый год эры Ходзи — 1247 г.
- Стр. 107. *Флейта-жаворонок* — особый вид флейты, звучание которой напоминает пение жаворонка.
- Стр. 110. *Слепой рассказчик*. — В феодальной Японии князя (даймё) брали к себе на службу рассказчиков, в обязанности которых входило развлекать своих господ военными или шуточными историями.
Кэн — мера длины, равная 1,81 м.
- Стр. 110. *...во времена семнадцатого императора Нинтоку...* — Здесь Сайкаку допускает неточность; имеется в виду шестнадцатый по счету японский

император, который, по преданию, правил на протяжении восьмидесяти семи лет, с 313 по 399 г. Упоминание о человеке с двумя лицами встречается в памятнике «Нихон сёки» («Анналы Японии», VIII в.).

Император Тэмму — сороковой по счету император Японии, правивший с 673 по 683 г.

Бык с двенадцатью рогами. — Упоминание о двенадцатирогом быке встречается в «Нихон сёки».

Император Момму — сорок второй японский император, находившийся у власти с 697 по 707 г.

Стр. 111. *Четвертый год эры Кэйун* — соответствует 707 г. по европейской системе летосчисления.

Сяку — мера длины, равная приблизительно 30 см.

Стр. 112. *Чистая земля* — буддийский рай, по преданию, находящийся в западной стороне.

Сборник

«ПОВЕСТИ О САМУРАЙСКОМ ДОЛГЕ»

ГОЛЫЙ В РЕКЕ, ИЛИ НАКАЗАНИЕ ЗА БОЛТЛИВОСТЬ

(Свиток 1, № 1)

Стр. 115. ...«*Бывает речь опасней тигра*»... — Образное выражение, бичующее болтливость и злословие.

Аото Фудзицуна — исторический деятель XIII в., советник князя Токиёри, прославившийся бережливостью, справедливостью и бескорыстием.

Стр. 118. ...*три связки медяков*... — Во времена, к которым относится описанная в рассказе история, в каждой связке было по тысяче медных монет.

Стр. 120. *Князь Токиёри* — главный советник сёгуна и фактический правитель Японии XIII в.

...на Журавлином холме, название которого сулило ему тысячелетие немеркнувшей славы. — Считалось, что журавль живет тысячу лет.

РОДИНКА, ВОСКРЕСИВШАЯ В ПАМЯТИ ПРОШЛОЕ

(Свиток 1, № 2)

- Стр. 120. *Акоти Мицухидэ* — историческое лицо, известный полководец XVI в., находившийся в услужении у Оды Нобунаги. Позднее Мицухидэ предал своего сюзерена и убил его в храме Ханнодзи.
- Стр. 123. *...взяла свое любимое зеркало... разбила его вдребезги...* — Разбитое зеркало — символ расторжения помолвки или супружеских уз.
- Стр. 124. *Южная столица* — старинное название города Нары.
«Остров счастья» — аксессуар свадебной церемонии, деревянный столик, украшенный карликовой сосной, бамбуком и прочими эмблемами счастья и долголетия.

СМЕРТЬ В ВОЛНАХ УРАВНИВАЕТ ВСЕХ

(Свиток 1, № 5)

- Стр. 127. *Араки Мураσιгэ* — историческое лицо, один из князей, выступавших на стороне Оды Нобунаги. Позднее, однако, участвовал в заговоре против Нобунаги и, потерпев поражение, принял постриг. Умер в 1586 г.
Эдо — старинное название острова Хоккайдо.
Удзуки — название четвертого месяца по лунному календарю.
- Стр. 131. *Киёмидзу* — храм буддийской секты Тэндай в провинции Бансю (ныне префектура Хёго).

**О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ РЕШИЛАСЬ ПОЖЕРТВОВАТЬ
ОДНИМ РЕБЕНКОМ, ДАБЫ СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ ДРУГОМУ**

(Свиток 5, № 2)

Стр. 132. *Двенадцатый год эры Эйроку...* — Имеется в виду 1570 г.

Битва у реки Анэгава — битва, в которой объединенные войска Нобунаги и Токугавы одержали победу над объединенными войсками Асакуры Ёсикагэ и Асаи Нагамасы.

Сборник

«НОВЫЕ ЗАПИСКИ О ТОМ, ЧТО СМЕХА ДОСТОЙНО»

**СЛЕД ОТ ПРИЖИГАНИЯ МОКСОЙ, О КОТОРОМ НЕ МОГ ЗНАТЬ
ПОСТОРОННИЙ**

(Свиток 2, № 2)

Стр. 137. *Император Бурэцу* — двадцать пятый по счету японский император (499—506), известный своей жестокостью.

Земля Акицусу (или Акицусима) — одно из поэтических наименований Японии. Согласно преданию, легендарный император Дзимму, взирая с вершины одной из гор Ямато на простертую внизу землю, уподобил ее двум стрекозам, совершающим брачный полет. Отсюда — название Акицусу; «акицу» значит «стрекоза».

Стр. 140. *...точно скакун, перелетающий через расщелину.* — Образное выражение, обозначающее бег времени. Восходит к изречению известного китайского философа IV в. до н. э. Чжуанцзы: «Жизнь человека... проносится так же стремительно, как

- перелетает через расщелину белый конь». Белый конь — символ времени.
- Стр. 141. *Чжоугун* — легендарный правитель древнего Китая, прославившийся своей мудростью. Жил во времена династии Чжоу (XII в. до н. э.).
- Стр. 142. *...выбросила свой гребень.* — Считалось, что гребень, оставленный на ночь в волосах, может стать причиной разлада между любящими.
- У Даоцзи* (или *У Даосюань*) — придворный художник, живший во времена династии Тан (608—906), известный мастер пейзажной живописи и буддийской иконографии.

О ШТУКАТУРЕ, КОТОРЫЙ ПОДНЯЛСЯ В ВОЗДУХ И В ОДНОЧАСЬЕ СОСТАРИЛСЯ

(Свиток 3, № 4)

- Стр. 144. *...нечто подобное случилось с одним знаменитым китайским каллиграфом...* — Имеется в виду Вэй Дань, приближенный вэйского императора Минди (226—239), славившийся каллиграфическим мастерством. Для того чтобы по приказу императора выполнить каллиграфическую надпись под сводами дворца, он был вынужден подняться в корзине на высоту 25 дзё (приблизительно 75 м.). Как гласит предание, Вэй Дань вернулся на землю седым.
- Стр. 146. *Черня зубы, брызгает краской прямо на дайкокубасира...* — Замужние женщины в старину покрывали зубы черным лаком. Дайкокубасира — главный опорный столб, находящийся в центре японского дома.
- ...каждое первое и двадцать восьмое число вся семья по ее милости занимается умерщвлением*

плоти. — В эпоху Токугава первое, пятнадцатое и двадцать восьмое числа каждого месяца считались своеобразными праздниками. В эти дни полагалось посещать храмы и соблюдать пост.

- Стр. 147. ...*велел принести табличку с посмертным именем иштукатура.* — В старину после смерти человек получал особое, посмертное имя, которое писалось на специальной поминальной табличке. Эти таблички хранились на домашней божнице.

ГУМАННОЕ ПРАВЛЕНИЕ, ОТМЕНИВШЕЕ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ ДОЛГОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

(Свиток 3, № 5)

- Стр. 148. ...*всем казалось, будто наступил канун Нового года.* — Перед Новым годом в старину было принято подводить итоги за год, расплачиваться по счетам, отдавать долги и т. д.

- Стр. 152. *Праздник Гион* — праздник синтоистского храма Ясака дзиндзя в Киото, проводившийся в шестом месяце по лунному календарю. Существенным элементом праздника Гион служат знаменитые процессии нарядно изукрашенных ковчегов, на которых помещаются предметы, почитаемые данным храмом священными. Украшением ковчегов нередко служат куклы, изображающие японских богов, деятелей истории или известных литературных персонажей.

Каккё — японское звучание китайского имени Го Цзюй. Сюжет упоминаемой автором притчи восходит к китайской книге XIII в. «Двадцать четыре примера сыновней почтительности», получившей широкое распространение во времена Сайкаку.

СЕСТРЫ-РАЗБОЙНИЦЫ

(Свиток 5, № 4)

- Стр. 153. *Земли Оу* — старинное название земель, расположенных в северной части острова Хонсю.
Второй год эры Тайэй — 1522 г.
Го-Нара — сто пятый по счету японский император, правивший в XVI в.
- Стр. 154. *Косодэ* — шелковое кимоно, подбитое ватой.
- Стр. 156. *Хики* — мера измерения тканей, равная 21,2 м.

Сборник

«ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ»

НЕОЖИДАННОЕ ВЕЗЕНИЕ, ИЛИ ПОГОНЩИК РОКУДЗО, СТАВШИЙ ПЕРВЫМ КУТИЛОЙ В ООЦУ

(Свиток 2, № 5)

- Стр. 163. *Дзёро* — гетера невысокого разряда.
Сибая-мати — веселый квартал в городе Ооцу.

ХИТРОУМНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ВДОВЫ, ИЛИ КУТИЛА, КОТОРОМУ УЛЫБНУЛОСЬ СЧАСТЬЕ

(Свиток 5, № 1)

- Стр. 165. *Каммэ* (или кан) — мера веса, равная 3,75 кг. Во времена Сайкаку монеты взвешивались.
- Стр. 170. *...был повесой эдоской закваски...* — то есть настоящим повесой, поднаторевшим в любовных делах.

ПОЖИЛОЙ КУТИЛА, СТОРЕВШИЙ В ОГНЕ ЛЮБВИ

(Свиток 5, № 5)

- Стр. 171. *Ванкю* (*Вангя Кюэмон*) — богатый осакский горожанин, живший в XVII в. и прославившийся

- своими любовными похождениями. Описанию его жизни посвящена книга Сайкаку «История Ванкю Первого» («Ванкю иссэй-но моногатари»).
- Стр. 172. *Столица сливовых цветов* — старинное поэтическое название города Осаки.
- Десятинощные службы* — богослужения, проводившиеся в буддийских храмах секты Дзёдо (Чистая земля) на протяжении десяти ночей, начиная с шестого числа десятого месяца по лунному календарю. В это время вблизи храмов открывались ночные ларьки, в которых велась оживленная торговля.
- Симмати* — знаменитый веселый квартал в городе Осаке.
- Стр. 174. *Праздник Бон* — один из крупнейших традиционных праздников, День поминовения усопших, отмечающийся в седьмом месяце по лунному календарю. Согласно буддийским верованиям, в этот день души умерших возвращаются в родной дом.
- Моммэ* — мера веса, равная 3,75 г.

Сборник
«СОПОСТАВЛЕНИЕ ДЕЛ ПОД СЕНЬЮ САКУРЫ
В НАШЕЙ СТРАНЕ»

ЖЕНЩИНА, ПОВЕРГШАЯ В СЛЕЗЫ СОЛОВЬЯ

(Свиток 3, № 9)

- Стр. 179. *...вернули ему оба меча — большой и малый... —*
Ношение за поясом двух мечей — большого и малого — было привилегией самураев.

ТЕНЬ РАЗРЕШАЕТ ВСЕ СОМНЕНИЯ

(Свиток 1, № 2)

- Стр. 181. *Кисояма* — название гористой местности в провинции Синано.
- Стр. 183. *Как только миновал период погружения в скверну...* — По обычаю, восходящему к синтоистской традиции, в первые десять дней после родов женщина считалась «погруженной в скверну».

ПРИСНИВШИЙСЯ БУДДА

(Свиток 2, № 3)

- Стр. 184. *...его ...нарекли Сякаэмоном, дескать, в святости своей человек этот может сравниться с Буддой.* — Первый компонент имени «Сяка» означает «Будда Сакьямуни». *Вдобавок волосы у него были от природы курчавые...* — В буддийской иконографии Сакьямуни изображается с головой, покрытой крутыми спиралевидными завитками. Эта деталь облика Будды восходит к индийской легенде, повествующей о том, как однажды, погруженный в мысли о спасении человечества от страданий, Будда не заметил, что сидит под лучами палящего солнца. Тогда улитки забрались ему на голову и своими прохладными телами защитили Будду от зноя. *...не желал соблюдать посты, потому что принадлежал к секте И к к о .* — В отличие от других сект, сторонникам секты Икко не возбранялось употреблять в пищу мясо. Икко — одно из ответвлений буддийской секты Дзёдо.
- Стр. 180. *Кобо Дайси (774—835)* — посмертное имя Кукая, основателя секты Сингон (Истинное слово). Ему приписывалась способность читать мысли людей.

ТО, ЧТО УСЛЫШАЛА ГЛУХАЯ

(Свиток 2, № 7)

- Стр. 194. ...одних глиняных тарелок будде-целителю больше тысячи штук снесли... — По поверью, глухой может вернуть себе слух, если пожертвует храму будды-целителя связки мелких камешков или глиняной посуды (тарелок, пиал и т. д.). Выдолбленные в камешках или тарелках отверстия, в которые продевался шнур, символизировали желание обрести уши, отверстые для звуков.

ВОДА ИЗ РОДНИКА — ПОСЛЕДНИЙ ДАР УМЕРШЕМУ

(Свиток 3, № 3)

- Стр. 198. «Уж не козни ли это какой-нибудь лисицы или барсука?» — Лисицы и барсуки считались в народе оборотнями и колдунами, способными морочить или напускать «порчу» на людей.

СТОИТ ЛИШЬ НАБРАТЬСЯ ТЕРПЕНИЯ — И ДЕЛО УЛАДИТСЯ

(Свиток 3, № 7)

О ТОМ, КАК ВЫБОР ИСТИНУ ОПРЕДЕЛИЛ

(Свиток 4, № 2)

Сборник

«ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ О ТОМ, КАК ЛУЧШЕ ПРОЖИТЬ НА СВЕТЕ»

ЛЕГЧЕ УВИДЕТЬ КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ КЛЕНА ВЕСНОЙ, НЕЖЕЛИ КУПИТЬ ЛАНГУСТА К НОВОМУ ГОДУ

(Свиток 1, № 3)

- Стр. 203. Бу — мера веса, равная 0,375 г.
Стр. 207. Кан (или каммэ) — См. коммент. к с. 165.
Тогда отправляются на поиски лангустов — как

не сравнить их с алыми листьями клена! — в бедные рыбацьи хижины неподалеку от бухт и громко кричат на все побережье: «Куплю лангуста!» — Здесь содержится отсылка к пятистишию Фудзивары Садаиэ (см. коммент. к с. 48).

Праздник поминовения усопших (Бон). — См. коммент. к с. 174.

...я переплатил бондарю за гроб... — В давние времена бондари в Японии делали и гробы. Японский гроб имеет квадратную или бочкообразную форму. Тело умершего находится в нем в сидячем положении.

Стр. 209. *...когда Праздник начала весны предшествует новогоднему празднику...* — По лунному календарю Праздник начала весны (Сэцубун) может совпадать с Новым годом, предшествовать ему или следовать после него. Даты обоих праздников являются переходящими и падают на конец января — середину февраля по нашему стилю.

Стр. 210. *Богиня храма Дайдзингу (Аматэрасу букв.: «Озаряющая небо»),* верховное божество синтоистского пантеона, олицетворение солнца. Ей посвящен главный храм в комплексе Исэ. *«Голубиный глаз»* — свинцовая монета с отверстием посередине, имевшая хождение только в храмах Исэ.

Стр. 211. *Эбису* — один из семи богов счастья. Согласно синтоистской мифологии — третий сын богов-прародителей Идзанаги и Идзанами. В XVII в. почитался главным образом как покровитель рыбаков и торговцев. Обычно изображается с огромным окуном (тай) в левой руке и удочкой, перекинутой через правое плечо.

Дайкоку — один из семи богов счастья. Как и Эбису, божество синтоистского происхождения. Почитался как бог богатства. Изображается сидящим или стоящим на двух мешках с рисом; на левом плече у него мешок с сокровищами, а в правой руке — небольшой молоток, символизирующий удачу.

...Инари-доно защищает от разорения, он не позволит вашему состоянию выскользнуть из рук, подобно лисьему хвосту... — Инари — синтоистский бог урожая; во времена Сайкаку ему поклонялись еще и как богу-покровителю торговли. В храмах бога Инари всегда устанавливают парные изображения лисиц, которые считаются его посланниками; отсюда сравнение: «подобно лисьему хвосту».

«Храмовые воробушки». — Так назывались монахи, сопровождавшие паломников по храмам.

МЫШЬ НА ПОСЫЛКАХ

(Свиток 1, № 4)

- Стр. 212. *...начиная с оберток от рисовых колобков, которыми лакомятся в пятый день пятого месяца, и кончая листьями лотоса, сохранившимися с Праздника поминовения усопших.* — В пятый день пятого месяца по лунному календарю отмечается Праздник мальчиков (Танго-но сэкку). Рисовые колобки, завернутые в листья бамбука, — традиционное праздничное лакомство. В Праздник поминовения усопших (Бон) (см. коммент. к с. 174) для душ умерших родственников готовили угощение на листьях лотоса.
- Стр. 214. *Полочка эходана* — устраивается в домах для приношений новогоднему богу счастья.

- Монах-ямабуси* — монах-отшельник. Во времена Сайкаку о ямабуси шла дурная слава, как об обманщиках и даже грабителях.
- Гохэй* — ритуальные полоски из белой, золотой или пятицветной бумаги, которые прикрепляются к жезлу и используются во время синтоистских обрядов и заклинаний.
- Стр. 215. *Танец Тоса* — танец, сопровождавшийся ударами в гонг и барабан и пением буддийских молитв.
- Стр. 216. *Тридцать седьмой император Котоку* — тридцать седьмой японский император, находившийся на престоле в 645—654 гг.
- Эра Тайка* — 645—650 гг.
- Нанива* — старинное название города Осаки.
- Стр. 217. *Нагасаки Мидзуамон* — знаменитый дрессировщик времен Сайкаку, живший в Эдо.

ОБЩЕСТВО ОДНОГО МОММЭ

(Свиток 2, № 6)

- Стр. 219. ...*ни о Будде, ни о Законе*. — «Закон» — здесь: основы буддийского учения.
- Стр. 222. *Месяц инея* — одиннадцатый месяц по лунному календарю.
- Стр. 223. ...*точь-в-точь процессия со священными ковчегами во время Летнего праздника*. — Имеется в виду праздник, отмечавшийся в шестом месяце по лунному календарю осакскими храмами Тэммангу и Сумиёси. Тэммангу — синтоистский храм, в котором чтят божество Тэмма Тэндзин (посмертное имя Сугавара-но Митидзанэ (845—903), крупнейшего государственного деятеля, поэта, ученого и каллиграфа. После смерти был обожествлен и считается богом-покровителем города

Осаки). Сумиёси — храм, посвященный синтоистским богам — повелителям водной стихии и покровителям мореплавателей.

...настолько нуждается в деньгах, что готов даже платить ссудный процент наравне с театрами... — Во времена, о которых идет речь в новелле, театральные труппы часто разорялись, поэтому, давая им ссуду, назначали самый высокий ссудный процент — до 30% и более.

- Стр. 225. *Праздник лодок в храме Тэммангу.* — Иное название Летнего праздника этого храма (см. коммент. к с. 223). Процессия лодок со священными ковчегами служит одной из важных частей праздника, привлекающей многих зрителей.
- ...точно прекрасный павлин, рожденный в семье коршунов.* — Выражение, используемое для похвалы ребенку, который превзошел красотой своих родителей.

ДОМ, ГДЕ ДАЖЕ СОВРАТЬ НЕЛЬЗЯ ДАРОМ

(Свиток 2, № 2)

- Стр. 228. *...«лоб выбрив полумесяцем»...* — Имеется в виду старинная мужская прическа «сакаяки». Волосы на лбу выбривались полумесяцем, а на висках закручивались локонами. В новелле цитируются строки популярной детской песенки.
- «Счастливая веревочка»* — одно из новогодних развлечений. Участники этой игры по очереди тянут спутанные в клубке веревочки; вытянувший меченую получает приз.
- Стр. 230. *«Пояс тысячи поколений»* — символ легких и многочисленных родов.
- Ракушка коясугай, морской конек* — по поверью, средства, помогающие при родах.

- Стр. 231. *Ножки грибов мацутаке* использовались как болеутоляющее средство после родов.
Вот уже три раза бросила заколку... — Имеется в виду один из способов гадания. На циновку бросали заколку для волос и в направлении ее острия подсчитывали количество петель до края циновки, по этому числу предсказывали судьбу.
- Стр. 232. *Скоро зашью разрезы на кимоно...* — Кимоно с разрезами под мышкой полагалось носить лишь девушкам не старше восемнадцати лет.
- Стр. 233. *Фуросики* — квадратный платок, в который заворачивают вещи.
Кабуки (букв.: «искусство пения и танца») — один из видов классического театрального искусства Японии. Возник в XVII в.

РАЗУМНЫЕ СОВЕТЫ О ТОМ, КАК ВЫГОДНЕЕ ВЕСТИ ХОЗЯЙСТВО

(Свиток 2, № 3)

- Стр. 234. *Кацуги* — накидка, которую в старину надевали поверх кимоно знатные дамы, выходя на улицу. Шилась таким образом, что верхняя ее часть покрывала голову.
- Стр. 237. *Голодный дух* (гаки, санскр. прета) — согласно буддийским верованиям, человек, совершивший тяжкие проступки, продиктованные скупостью, алчностью или жестокостью, после смерти может быть ввергнут в царство голодных духов, где грешников мучит голод и жажда. Стоит им увидеть пищу, как она превращается в огонь.
Хаори — накидка, надеваемая поверх кимоно, принадлежность мужского парадного костюма.
...о знаменитой «тыквенной тяжбе», которую рас- судил Итакура-доно. — Итакура-доно — Итакура

Кацусигэ (1545—1624) — известный судья, прославившийся мудрыми решениями. Здесь имеется в виду знаменитая тяжба из-за наследства, которую он рассудил на основании того, как повернулась тыква.

- Стр. 238. ...*читать прописи*... — В прописях той поры встречалось немало образцов деловой переписки, содержавшей полезные сведения о ведении хозяйства.
- Стр. 239. *Мисо* — паста из перебродивших соевых бобов; употребляется для приготовления супа и в качестве приправы для многих японских блюд.

В ЭТОМ СУЕТНОМ МИРЕ ИЗ-ЗА ВСЕГО СУЕЯТСЯ, ДАЖЕ ИЗ-ЗА ДВЕРНЫХ КОСЯКОВ

(Свиток 2, № 4)

- Стр. 241. ...*широкополые соломенные шляпы с выжженным на них клеймом какого-нибудь веселого заведения*... — Чтобы остаться неузнанными, посетители веселых заведений, закрывали лицо специальной плетеной шляпой.

ЗОЛОТЫЕ СНЫ

(Свиток 3, № 3)

- Стр. 250. ...*в день заупокойной службы, которая каждому прихожанину зачитывается за десять тысяч дней богомолья*... — Такого рода заупокойные службы проводились преимущественно в храмах буддийской секты Дзёдо.
Тэмма-мацури. — См. коммент. к с. 223.
Кобан — старинная золотая монета высокого достоинства.
- Стр. 251. ...*отправиться в Саё-но Накаямю и ударить там в «Колокол вечного ада»*. — В храме богини Кан-он, стоявшем вблизи дороги Саё-но Накаяма,

находился «Колокол вечного ада». Согласно поверью, если ударить в этот колокол, то в нынешней ЖИЗНИ приобретешь богатство, но зато в будущей попадешь в Огненный ад.

ДАЖЕ БОГИ ИНОГДА ОШИБАЮТСЯ

(Свиток 3, № 4)

- Стр. 255. ...в десятом месяце японские боги покидают подвластные им провинции... — Десятый месяц лунного календаря носит традиционное название «каминадзуки», то есть «месяц отсутствия богов». Считалось, что в это время все японские боги соби­рались в старинной провинции Идзумо, где находится один из знаменитых синтоистских храмов.
- Стр. 255. ...богов, ведающих счастливым направлением года... — новогодних богов счастья (тоситокудзин), местопребывание которых, по поверью, совпадает со счастливым для данного года направлением, определяемым по совокупности примет.
- Стр. 258. *Моти* — лепешки из вареного и отбитого в ступе риса, традиционное новогоднее лакомство.
- Стр. 261. «*Повести, о карме*» — один из популярных во времена Сайкаку сборников назидательных повестей, иллюстрирующих буддийский закон кармы.
- Стр. 262. *Дзони* — суп с кусочками рисовой лепешки и овощами, традиционное новогоднее угощение.

ПОСИДЕЛКИ В ПАРЕ ВОКРУГ КУХОННОГО ОЧАГА

(Свиток 4, № 2)

- Стр. 267. *Кофукудзи* — один из храмов буддийской секты Хоссо в Наре. В первый день Нового года, на рассвете, простолюдины стучались в ворота дома Инабы, возглашая праздничные приветствия, и получали традиционное угощение — вино и еду.

...они напоминают тех, кого в Осаке зовут «изгоняющими беды». — В старой Японии в новогоднюю ночь или в ночь праздника Сэцубун (см. коммент. к с. 10) совершался обряд изгнания бед и злых духов. В дома, для которых данный год считался несчастливым, приглашали специальных людей (нищих лицедеев), которые назывались «изгоняющими беды» (якухараи). Они проносили молитвы и заклинания против несчастий и получали за это несколько мелких монет.

Стр. 268.

Касуга-даймёодзин (Великий светлый бог Касуга) — синтоистский бог Аmano Коянэ, чтимый в знаменитом храме Касуга, находящемся в городе Наре.

НОЧЬ, КОГДА ХОЗЯЕВА МЕНЯЮТСЯ ДОМАМИ

(Свиток 4, № 3)

Стр. 272.

Коута (букв.: «короткая песенка») — песня или баллада, исполняемая под аккомпанемент сямисэна.

Дзёрури — здесь: популярные отрывки из драм кукольного театра.

Но — традиционный японский театр, сложившийся в XIV в.

Нагэбуси — песни любовного содержания, распространенные в «веселых» кварталах.

Сямисэн — японский трехструнный музыкальный инструмент, на котором играют с помощью плектра.

...взгляните на эти водяные колеса! — С помощью двух водяных колес вода из реки Ёдогава поступала в замок Ёдо.

Стр. 274.

Гора Коя — считается священной сторонниками буддийской секты Сингон. На горе Коя находят-

ся буддийские монастыри, а также мавзолей Кобо Дайси.

Кобо Дайси. — См. коммент. к с. 186.

- Стр. 275. *Эма* — деревянные таблички с различными изображениями, подносимые храму по обету.

РИСОВЫЕ ЛЕПЕШКИ В НАГАСАКИ

(Свиток 4, № 4)

- Стр. 276. ...за установленный для торговли с иностранцами срок... — В соответствии с правительственным указом, выпущенным в 1634 г., иностранным кораблям позволялось находиться в порту Нагасаки не более пятидесяти дней.

- Стр. 278. *Праздник Сагитё* — праздник изгнания злых духов. В этот день рядом с домом разводили костер, в котором сжигали все новогодние украшения и пекли рисовые лепешки. Считалось, что съеденные в этот день рисовые лепешки предотвращают недуги.

ВЕЧЕРНИЕ ТОРГИ НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА

(Свиток 5, № 1)

- Стр. 283. *Фусума* — раздвижные деревянные рамы, оклеенные с обеих сторон плотной бумагой. Служат внутренними перегородками в японском доме.

- Стр. 286. *То* — мера емкости, приблизительно равная 18 л.

- Стр. 288. *Рин* — мелкая монета.

- Стр. 290. «*Косин*» — «День обезьяны». Обезьяна — один из циклических знаков, применявшихся для обозначения времени по старому китайскому календарю. В «День обезьяны» было принято посещать храмы, в которых чтили синтоистского бога-покровителя путников Сарудахико (первый компонент имени — «Сару» означает: «Обезьяна») или

буддийское божество Сёмэнконго, изображавшееся в виде небесного воина, разящего демонов зла.

ШТОРА ИЗ КИСТЕЙ ДЛЯ ЧИСТОПИСАНИЯ — ПЛОД НАХОДЧИВОГО УМА

(Свиток 5, № 1)

- Стр. 292. *Пять крупных праздников.* — Имеются в виду пять традиционных сезонных праздников, перед каждым из которых было принято платить по счетам и отдавать долги.
- Стр. 293. *Сё* — мера емкости, приблизительно равная 1,8 л.

ПРАВЕДНЫЙ ХЭЙТАРО

(Свиток 5, № 3)

- Стр. 297. *Хэйтаро* — ученик монаха Синрана (1173—1262), основателя буддийской секты Дзёдосинсю (Чистая земля и истина). Прославился многими чудотворными деяниями. В ночь праздника Сэцубун (см. коммент. к с. 10) в храмах секты Дзёдосинсю читались проповеди, прославляющие деяния праведного Хэйтаро.
Здесь вполне к месту выражение «вязать черта в темноте». — Образное выражение, обозначающее высшую степень сумятицы и неразберихи.
- Стр. 300. *...будет занесено в Золотую книгу...* — Согласно буддийскому поверью, властитель ада Эмма (см. коммент. к с. 84) в Золотой книге записывал доблестные деяния людей, а в Железной — их проступки и прегрешения.
- Стр. 302. *Намасу из сардин* — традиционное японское блюдо из мелко нарезанной сырой рыбы и овощей, приправленных уксусом.
- Стр. 303. *Сэкида* (или сэтта) — сандалии на кожаной подошве.

БОЙКО ИДЕТ ТОРГОВЛЯ В ЭДО!

(Свиток 5, № 4)

- Стр. 305. *Улица Торитё...* — Здесь и далее — названия торговых улиц и кварталов в городе Эдо.
- Стр. 308. *Гиттё* — детская игра: с помощью деревянной клюшки, напоминающей молоток, мяч направляется партнеру, который должен его поймать. *Равнина Мусаси* — равнина, на которой расположен город Эдо.
- Гора Тацута* находится в провинции Ямато; покрытая кленовыми лесами, издавна славится своей красотой.
- Таби* — японские носки из плотной ткани с отделением для большого пальца, застегивающиеся на шиколотке.

Сборник

«ПОСЛЕДНИЙ УЗОР, ВЫТКАННЫЙ САЙКАКУ»

ДОМОВЛАДЕЛИЦА, ЧЕЙ ДЛИННЫЙ НОС ПОСЛУЖИЛ ПРИЧИНОЙ МНОГИХ БЕД

(Свиток 4, № 1)

- Стр. 314. *Кагура* (букв.: «улада богов») — ритуальные пляски, исполняемые под аккомпанемент барабанов, флейт и других музыкальных инструментов. *Тэнгу* — фантастическое существо с красным лицом и длинным носом, по поверью, живущее в горах.
- Стр. 318. *Секта Сэндзю* — одно из ответвлений буддийской секты Дзёдосинсю. Сторонники этого направления видели путь к спасению в беспрестанном чтении молитв.

- Стр. 319. *Божество Кондзин* (букв.: «Дух металла») — жестокое и свирепое божество. Согласно представлениям, воспринятым из Китая, направление, совпадающее с местопребыванием Кондзина, считалось несчастливым.

РАКУСКЭ, ТОРГОВЕЦ СОЛЮ

(Свиток 2, № 4)

- Стр. 321. *Хаги* — леспедица двуцветная, декоративный кустарник.
- Стр. 324. *Шапка эбоси* — высокий головной убор из крахмаленного шелка или бумаги, покрытой черным лаком. Принадлежность костюма сановой знати. Простолюдины могли надевать эбоси во время отправления некоторых церемоний.
...бросают на улицу рисовые лепешки... — Во время церемонии в честь окончания сборки каркаса нового дома (манзагэсики) было принято разбрасывать рисовые лепешки и мелкие монеты.
- Стр. 325. *Мэ* — то же, что моммэ (см. коммент. к с. 174).

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ТОРГОВАЛ ВРАЗНОС СОБСТВЕННОЙ СМЕКАЛКОЙ

(Свиток 3, № 4)

- Стр. 330. *Сёдзи* — раздвижные решетчатые рамы, оклеенные полупрозрачной белой бумагой. Занимают часть наружных стен традиционного японского дома.
- Стр. 332. *...в эпизоде из «Цурэдзуре-гуса», где рассказывается о монахе, который в подпитии надел на голову сосуд канаэ, а потом не мог его снять.* — Имеется в виду 52-й дан книги Кэнко-хоси «Записки от скуки» (XIV в.).

СВОЕНРАВНАЯ ФРЕЙЛИНА

(Свиток 6, № 1)

- Стр. 336. *Храм Камо* — синтоистский храм в городе Киото, посвященный божеству грома. В дни праздника помещение храма, одежды служителей, священный ковчег и т. и. украшаются листьями мальвы — растения, которое, согласно поверью, предохраняет от молнии.
«*Сутра Каннон*» — иное название одной из частей «Сутры благого лотоса» (Садхармапундарика), в которой содержится заклинание от грозы.
- Стр. 337. *Нисидзин* — место, славившееся производством тканей.
- Стр. 338. «*Зеркальные*» *моти* (кагами моти) — пара круглых, напоминающих формой зеркало, рисовых лепешек, которые использовались для приношения богам во время новогоднего праздника.
Кугэ — придворная аристократия.
- Стр. 340. *Саси-таби* — таби (см. коммент. к с. 308) с вышитым на них мелким узором; были модными во времена Сайкаку.

Сборник

«ВОРОХ СТАРЫХ ПИСЕМ»

И В СТОЛИЦЕ ВСЕ ВЫШЛО НЕ ТАК, КАК Я ОЖИДАЛ

(Свиток 2, № 3)

- Стр. 348. *Го* — мера емкости, равная 0,18 л.

ЛАРЕЦ С ЗАВЕЩАНИЕМ, ПОВЕРГШИМ ВСЕХ В РАСТЕРЯННОСТЬ

(Свиток 3, № 2)

МИР, ПОГРУЗИВШИЙСЯ ВО МРАК

(Свиток 3, № 3)

- Стр. 358. *Футю* — город в провинции Этидзэн, иначе называемый Фукуи.
Косидзи — старинное название области Хокуро-кудо, объединявшей семь провинций в северной части Японии.
- Стр. 359. *Эра Гэнва* — соответствует 1615—1624 гг.
Бумага «хосё» — плотная белая бумага высокого качества, на которой писались официальные указы.
- Стр. 364. *...подвергну себя еще и мучениям Голодного ада...* — Голодный ад (точнее Царство голодных духов) — в соответствии с буддийской мифологией, одна из шести сфер бытия (см. коммент. к с. 75), обиталище голодных духов (см. коммент. к с. 237).
...ни белых цветов сакуры на горе Арасияма... — Здесь и далее упоминаются районы Киото и его окрестности, славящиеся своей красотой.
- Стр. 365. *Сагано* (Сага) — местность к западу от Киото.

ЛОВКИЙ ХОЗЯИН, РАВНОГО КОТОРОМУ НЕ СЫСКАТЬ ВО ВСЕМ ЭДО

(Свиток 5, № 1)

БЕГСТВО, ПРИВЕДШЕЕ К ДВУМ ПОДНОСАМ

(Свиток 5, № 2)

- Стр. 375. *Принц Сэмимару* — сын императора Дайго (885—930), известный своей слепотой, а также искусным сложением «вака» и игрой на биве. О Сэмимару повествуется в ряде одноименных пьес театров Но и Дзёрури.

ТРУДНАЯ ЗИМА В ГОРАХ ЁСИНО

(Свиток 5, № 4)

- Стр. 378. *Где уж тут любоваться «белым снегом, укывшим горное селение в Ёсино»...* — Автор приводит цитату из стихотворения поэта Саканоуэ Корэнори (X в.): «Будто бы луна внезапно озарила // Небо, разливая белый свет, — // Так сверкает в Ёсино повсюду // Выпавший на землю белый снег». (Перевод А. Е. Глускиной.)
...все в нашем мире изменчиво, как воды реки Асука... — Имеется в виду стихотворение из поэтической антологии «Кокинсю» (X в.): «Что постоянно в мире этом? Вчера еще река Асука казалась бездонной, а нынче обмелела».
- Стр. 380. *Праздник Хиган* — неделя весеннего или осеннего равноденствия. В это время принято совершать буддийские богослужения и посещать могилы предков. В соответствии с буддийскими представлениями, Хиган (санскр. Парамита, букв.: «тот берег») обозначает мир райского блаженства, достигнуть которого можно, лишь преодолев море суетных страстей и соблазнов.
- Стр. 383. *Мука из кудзу* — крахмалистая мука из растения кудзу (род травянистой лианы), используется для приготовления сладостей.

Т. Редько-Добровольская

СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТЬ НЕПОЧТИТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ ЯПОНИИ	
Добро и зло в одной упряжке недолго ходят . . .	7
Приписка, оставленная на изголовье	15
Горе, вылетевшее из рукава	21
Общество восьмерых пьяниц	28
Кичливый силач	34
ДОРОЖНАЯ ТУШЕЧНИЦА	
Чертова лапа, или Человек, наделавший много шума из ничего	41
Долгий путь к знакомому изголовью	47
Чудесные звуки барабанчика, завлекшие странника	52
Кому веселая свадьба, а кому — река слез	57
Драконов огонь, что засиял во сне	67
Могила в Очарованном лесу	71
О монахе, который побывал в Аду и в Раю	79
Новая Тюдзэ-химэ	85
ЗАПИСКИ О ПЕРЕДАЧЕ ВОИНСКИХ ИСКУССТВ	
Мелодия печали, или Женщины, вдруг ставшие музыкантшами	89
Безрассудный гнев, или Человек, который женился, не взглянув на лицо невесты	99
Встреча с русалкой, стойившая жизни самураю	106
ПОВЕСТИ О САМУРАЙСКОМ ДОЛГЕ	
Гольй в реке, или Наказание за болтливость	115
Родинка, воскресившая в памяти прошлое	120
Смерть в волнах уравнивает всех	126
О женщине, которая решилась пожертвовать одним ребенком, дабы сохранить жизнь другому	132

НОВЫЕ ЗАПИСКИ О ТОМ, ЧТО СМЕХА ДОСТОЙНО	
След от прижигания моксой, о котором не мог знать посторонний	137
О штукатурке, который поднялся в воздух и в од- ночасье состарился	143
Гуманное правление, отменившее по всей стране долговые обязательства	148
Сестры-разбойницы	153
ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ	
Неожиданное везение, или Погонщик Рокудзо, ставший первым кутилой в Ооцу	159
Хитроумный замысел вдовы, или Кутила, кото- рому улыбнулось счастье	164
Пожилой кутила, сгоревший в огне любви	171
СОПОСТАВЛЕНИЕ ДЕЛ ПОД СЕНЬЮ САКУРЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ	
Женщина, повергшая в слезы соловья	175
Тень разрешает все сомнения	181
Приснившийся Будда	184
То, что услышала глухая	189
Вода из родника — последний дар умершему . .	195
Стоит лишь набраться терпения — и дело уладится	199
О том, как выбор истину определил	200
ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ О ТОМ, КАК ЛУЧШЕ ПРОЖИТЬ НА СВЕТЕ	
Легче увидеть красные листья клена весной, не- жели купить лангуста к Новому году	203
Мышь на посылках	212
Общество одного моммэ	218
Дом, где даже соврать нельзя даром	228
Разумные советы о том, как выгоднее вести хо- зяйство	234
В этом суетном мире из-за всего суетятся, даже из-за дверных косяков	241
Золотые сны	247
Даже боги иногда ошибаются	255
Посиделки в Наре вокруг кухонного очага . . .	264
Ночь, когда хозяева меняются домами	269
Рисовые лепешки в Нагасаки	276

Вечерние торги накануне Нового года	282
Штора из кистей для чистописания — плод находчивого ума	290
Праведный Хэйтаро	297
Бойко идет торговля в Эдо!	305
ПОСЛЕДНИЙ УЗОР, ВЫТКАННЫЙ САЙКАКУ	
Домовладелица, чей длинный нос послужил причиной многих бед	311
Ракускэ, торговец солью	320
О человеке, который торговал вразнос собственной смекалкой	328
Своенравная фрейлина	333
ВОРОХ СТАРЫХ ПИСЕМ	
И в столице все вышло не так, как я ожидал	341
Ларец с завещанием, повергшим всех в растерянность	350
Мир, погрузившийся во мрак	358
Ловкий хозяин, равного которому не сыскать во всем Эдо	365
Бегство, приведшее к двум подносам	372
Трудная зима в горах Ёсино	378
Комментарии	386

Ихара Сайкаку
НОВЕЛЛЫ

Редактор
И. КИМ

Художественный редактор
Ю. КОННОВ

Технический редактор
О. ЯРОСЛАВЦЕВА

Корректоры
Т. СИДОРОВА
Т. МЕДВЕДЕВА

ИБ № 3657

Сдано в набор 13.10.83. Подписано в печать 31.08.84.
Формат 70x100¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ.
л. 17,5. Усл. кр.-отг. 52,97. Уч.-изд. л. 16,36. Тираж
30 000 экз. Изд. № VIII-1423. Заказ 3907. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107882, ГСП, Москва Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.